

Любовь Огненная

НЕПРАВИЛЬНАЯ ЗОЛУШКА

Пролог

Аврора.

— Мой нежный цветок, ты снова наблюдаешь за ними? Тебе еще не надоело?

Драйян встал за моей спиной, а его руки легли мне на плечи. Когда-то я вздрагивала от такого прикосновения, но это было совсем в другой жизни. Казалось, что той жизни и не было между нами, как если бы все произошедшее мне просто приснилось. Но, увы, снами мои приключения не были никогда.

— Не надоело, — рассмеялась я, настраивая овальное зеркало, что стояло в нашей спальне. — Это же как телевизор. В моем мире такое устройство есть в каждом доме. Правда, в основном там показывают театральные постановки, но с реальными людьми намного интересней.

— И за кем же ты собираешься наблюдать сегодня? — его губы коснулись моей макушки, а ладонь скользнула на шею, чтобы замереть на ключицах.

— Знаешь, вчера я заметила одну девушку, когда пересматривала наш последний день там — в Реверонге. Ее появление на берегу показалось мне очень любопытным. Я уже видела ее, но никак не могла вспомнить, где именно. А ночью будто прозрела! — честно призналась я, поднимаясь.

Драйян тут же обнял меня, привлекая к себе. От него пахло грозой и морем. От него пахло свободой. Нашей общей свободой, которую мы получили. Которую мы заслужили.

— И кто же эта странная девица, что привлекла твое внимание, мой нежный цветок?

— О, это очень интересно! Но сначала я хочу спросить у тебя кое-что, — прижалась я к нему, заглядывая в глаза.

— И что же это?

— Тот мир, в котором мы теперь живем... Он реален? — это было очень важно. Важно, потому что мы изменили очень много событий, а значит, и будущее поменялось тоже. Тогда как лично я с превеликим удовольствием кое-что провернула бы и здесь.

— Настолько же реален, как и тот, за которым ты наблюдаешь. Я уже рассказывал тебе, что мы пересекли не только пространство, но и время. Правда, я совсем не уверен в том, что получится повернуть такое еще раз, а потому постарайся не влипать в неприятности, — улыбнулся мне самый загадочный человек на всем белом свете. — Аврора, ты меня слышишь?

— Конечно. Честно говоря, я и не собиралась куда-то влипать...

— А кому же ты уготовила подянку? — усмехнулся Драйян, отлично зная, на что я способна.

— О, это будет очень интересно...

Глава 1. Восторженная любовь слишком часто сгорает в костре уязвимости

Аделина.

Я боялась не успеть. За прошедшие дни мне так и не удалось поговорить ни с наследной принцессой, ни с ее приближенным. У них не было ни одной свободной минутки. Я понимала, что просто не имею права их отвлекать, потому что они старались для нас, для нашей безопасности, но, если не спрошу сейчас, возможно, такой случай больше не представится вовсе.

Сердце мое отбивало дробный ритм, когда я наблюдала за тем, как спокойное море поднимается нерушимой стеной, сжирая корабли, разрушая их каркасы до основания. Невероятно устрашающее зрелище. Удивительно, на что могут быть способны обладатели водной стихии. Ее мощь привлекательна, но настолько же и опасна.

Наследная принцесса Жасмин пощадила людей. С берега под светом яркой луны было видно, как всплывают солдаты и моряки, как выходят они на той стороне на песчаную полосу абсолютно невредимыми. Уважала ее милосердие. Отнять чужую жизнь — слишком легко, но каждый обязан стремиться ее сберечь. В этом и есть призвание целителей. Мы сохраняем чужие жизни.

Конечно, каждый в Реверонге знал, на какие жертвы пришлось пойти наследной принцессе в Шагдарахе. Нет ничего хуже для целителя, чем отнять чужую жизнь. Нет ничего страшнее. Нас с детства учат тому, что люди — это великая ценность, дарованная Всевышним. Но ей пришлось пойти на это, иначе уже через несколько часов Реверонг утонул бы в крови. Наследная принцесса умрет — мы знали это. Когда? Возможно, сегодня, завтра, через месяц или год, но она умрет, потому что таково наказание для целителя за отнятую жизнь.

Никому нельзя нарушать законы магии.

Я пряталась за пальмами, наблюдая за тем, как наследная принцесса, король и другие обладатели водной стихии возвращаются на берег. Волны приносили их обратно, но один человек по-прежнему оставался вдали от всех событий. Не последний человек. Маг, который принимал в подготовке к защите королевства далеко не посредственное участие.

Лорд Ранисах Арокос стоял, опираясь спиной о пальму, чуть впереди меня. Он не видел ничего и никого вокруг — смотрел только на нее. Он просто не замечал других девушек, даруя свою улыбку только наследной принцессе. Так было всегда с момента его появления в Реверонге. Народ любил его, боготворил, возносил молитвы Всевышнему за то, что он послал нам его. Он стал нашим личным божеством, моей недостижимой мечтой.

Я встретила с ним впервые в храме, что расположен недалеко от берега. Меня вызвали среди ночи, чтобы я, как и другие выпускники целительской академии, могла оказать помощь беженцам из Певерхьера. Прежде чем мосты, соединяющие Реверонг, Певерхьер и Герхтар взорвались, у принцессы попросили защиты более нескольких тысяч человек. Всех их временно прямо посреди ночи разместили в храме. Знала, что чуть позже им дадут жилье и работу, но тогда мы до самого утра осматривали их и помогали расположиться с подобием хоть какого-то комфорта. И он там был.

Лорд Ранисах Арокос был там и помогал беженцам точно так же, как и мы. Я помнила, как он улыбнулся мне, когда я случайно налетела на него. Нет, сбить с ног не сбילה бы. Мужчина был крепкого телосложения, но мне стало ужасно неудобно за свою неуклюжесть. Помнила его глаза, взгляд, что будто забирался в самую душу. Радужка была полностью затянута Тьмой, выдавая в нем обладателя темного дара. Тогда я впервые увидела человека, который, как и я, владел совершенно противоположной магией. Он справлялся так легко и играючи, используя целительский дар, тогда как во мне Тьма и целительство постоянно конфликтовали. Я немного завидовала ему, но смотреть без восторга не могла.

Все время появлялась там же, где и он. Мне хотелось быть рядом, пусть и наблюдая только издали. Понимала, что он птица не моего полета, но ничего с собой поделаться не могла. Слишком хорош, чтобы быть правдой. Слишком недостижим. Оттого и больно.

Жители с окраин постепенно стекались на берег, чтобы отдать дань уважения тем, кто сегодня погиб, взрывая скалы, над которыми находились мосты, соединяющие Реверонг и другие королевства. Шестьдесят человек пожертвовали собой, чтобы спасти две сотни тысяч. Их подвиг уже никогда не забудут.

Темная тень отделилась от пальмы. Я увидела, как наследная принцесса пошла вдоль берега, а мужчина устремился вслед за ней. Они подходили друг другу внешне.

Осторожно шла за ними, стараясь прятаться за кустами. Было боязно обращаться вот так —

напрямую, но я не видела других вариантов. Нам с отцом могут помочь только они — принцесса и ее верный советник. Мачеха еще несколько дней назад уехала в Шагдарах, чтобы устроить моих сводных братьев в королевскую военную академию. Никто даже не подозревал о том, что уже сегодня наш остров будет полностью отрезан от других королевств. Конечно, мачеха была женщиной обеспеченной и имела магическую шкатулку, а значит, могла получать от нас письма, но правда в том, что ответа от нее мы так и не дождались.

Отец ужасно волновался. Он по-настоящему любил Физеду, как и хорошо относился к ее сыновьям. Да и я, если признаться, переживала. Наследная принцесса рассказала о войне, что произошла между Певе́рхьером и остальной империей как раз в прошедшие дни. Возможно, они как-то пострадали и просто не могут с нами связаться. Кто знает? Теперь мы точно отрезаны от остальной империи и новостей навряд ли сможем дожидаться.

Оставалось только надеяться на помощь принцессы и лорда Арокос.

Я уже хотела выйти из своего укрытия, но не успела. Предательское сердце болезненно сжалось, едва лорд Арокос крепко обнял наследную принцессу и прижался к ее губам. Тьма закружилась вокруг них, пожирая, съедая. Я уже знала, что это. Они куда-то перенеслись, но как?

Ведь остров отрезан от магии. Магия есть внутри за широкой защитной полосой, есть снаружи, но переместиться к нам не может никто, как и мы не можем. Об этом говорила наследная принцесса, тогда как ее слова подтверждал лорд Арокос. Неужели они оставили для себя лазейку? Но зачем? Куда они отправились? В стан врага?

Я хотела бы думать, что их миссия серьезна и служит исключительно на благо Реверонга, но мои мысли то и дело скатывались к подсмотренному поцелую и крепким объятиям. Так обнимают ту, чья жизнь куда дороже своей собственной. Так целуют ту, которую по-настоящему любят.

Зависть — плохое чувство, но я завидовала наследной принцессе. В самых тайных своих мечтах я бы безумно желала получить от лорда Арокос такой поцелуй, была бы несказанно рада объятиям да и просто взгляду. Тому самому взгляду, от которого хочется покраснеть.

Не знала, зачем продолжала сидеть в кустах. Следовало бы идти домой к отцу, но, наверное, я хотела еще раз увидеть первого советника принцессы. Надеялась, что они вернуться сюда. Раз это единственный выход из острова, то, стало быть, он же является и входом. Только они могли помочь нам, потому что на сегодняшний день каждый в королевстве понимал, что управлять в дальнейшем Реверонгом будут именно они.

Я изо всех сил отгоняла от себя сон, но все-таки задремала, опираясь на шершавый ствол пальмы. Проснулась от хлопка, что прозвучал среди успокаивающего звука волн особенно громко. Я была права! Они вернулись! Они...

Лорд Арокос вышел из портала один, но Тьма не захлопнулась, не исчезла, и я ждала появления наследной принцессы. Ждала, но не дождалась.

Вместо нее из портала вышли военные, а с ними старики, дети, женщины. Их было очень много — человек сто, не меньше, но среди них я так и не смогла отыскать ее, сколько бы ни всматривалась.

Портал уже закрылся, а я вглядывалась в лица людей, что проходили мимо кустов, не замечая меня. Лорд Ранисах Арокос шел последним, но, увидев кровь на его руках, я отпрянула, отшатнулась как можно дальше. Он стирал ее водой и травой. Страх выскользнул наружу, опутал своими сетями. Словно замороженная, я наблюдала за ним, не имея возможности двинуться, убежать или закричать. Была полностью парализована ужасом.

Он не заметил меня, когда проходил мимо. С трудом вырвавшись из транса, я глотнула желанный кислород. В воздухе пахло розами, жаром и грозой. Наверное, совсем скоро начнется дождь, что скроет все страхи, заберет чужие слезы.

Я осторожно следовала за лордом до тех пор, пока он в сопровождении своих людей не вышел на скалистый берег. Пронзительные песни оборвались, трагичная мелодия оставила после себя лишь эхо, а люди прервали танцы вокруг костров и устремили свои взгляды на мужчину, что смотрел на них без каких-либо эмоций.

— Наследная принцесса Реверонга умерла, — произнес он в давящей тишине. Казалось, даже волны замерли, боясь прослушать хоть слово. — Несколько минут назад Жасмин принесла себя в жертву, совершив старинный обряд, чтобы стать духом-хранителем этого острова. Стихия приняла ее выбор. Теперь ее выбор должны понять и принять и мы.

Король схватился за сердце. Он побледнел на глазах, заваливаясь набок, и к нему тут же поспешили целители. Я зажимала рот рукой, чтобы не произнести ни звука, не закричать. Лорд Арокос соврал! Он бессовестно лгал, глядя людям в глаза! Что, если он выгнал принцессу с острова? Выгнал или

убил? Она бы и так умерла рано или поздно, но все же кровь на его руках...

Он ведь лгал, потому что никакого обряда не было! Я видела! Она просто не вернулась!

Грянул гром. Ливень опустился на землю нерушимой стеной, а я все-таки закричала. Молния сверкнула, освещая те самые кусты, в которых я стояла, и я встретилась с ним взглядом. Со своей мечтой. С тем, кого считала божеством. С убийцей, что смывал со своих рук кровь наследной принцессы.

Я побежала.

Рванула с места, слишком отчетливо понимая, что лорд Арокос уже раскусил мою слежку. Ощущала преследование, но не тратила секунды на то, чтобы обернуться. Мысли пронеслись испуганными птицами. Возможно, он не смог разглядеть моего лица... Возможно, никто так и не узнает, что это была я...

Понимала яснее ясного, что мужчина не поможет забрать мачеху и братьев из Шагдараха. Да он попросту убьет меня как единственную свидетельницу его лжи. Такие, как он, не играют, не прощают, не шутят.

Единственный вариант моего спасения — бежать к тем самым скалам, откуда возможно перенестись хоть куда-то. Только тогда мне удастся избежать смерти и спасти мачеху и братьев. По крайней мере, я попытаюсь сделать это.

Я очень сильно попытаюсь и обязательно вернусь сюда. Еще не знаю как, но вернусь, чтобы рассказать всем правду. Вернусь, чтобы оповестить о совершенном преступлении против короны. Теперь понимала: скорее всего, лорд Арокос собирался править сам. Все это время он собирался править сам и делал все, чтобы народ полюбил его. Я была права. Он слишком хорош, чтобы быть правдой.

— Стой! — раздался его голос совсем рядом.

Сердце болезненно сжалось, но я уже бежала по воде, чтобы остановиться в том самом месте, где ранее открывались порталы. Не хотела оборачиваться, создавая клубы Тьмы для перемещения. Не хотела, но все-таки обернулась, чтобы еще раз взглянуть ему в глаза. Чтобы найти в них подтверждение его невинности. Чтобы попытаться обмануться.

— Стой...

И мое сердце остановилось. Действительно остановилось, потому что, прежде чем перенестись в Шагдарах, я прочла в его взгляде вину и сожаление.

Глава 2. Любовь — это то, ради чего стоило жить...

Ранисах.

Я стоял по эту сторону магического стекла, что не пропускало магию, и безуспешно пытался его разбить. Знал, что эту камеру можно открыть только с помощью королевской крови. Самая защищенная часть дворца сейчас удерживала двух узников, что узниками и не являлись. Мой друг и его возлюбленная оказались в этой камере не случайно. Драйян специально перенес сюда девушку, собираясь провести обряд переселения ее души в другое тело, но что-то совершенно точно пошло не так.

Они дрались. Сражались не на жизнь, а на смерть, пока я бил по стеклу, стучал, желая донести до друга важную новость. С минуты на минуту сюда вернется Дамиан — сводный младший брат Драйяна и наследный принц Шагдараха. Вернется, чтобы убить его.

Стекло не поддавалось. Даже не треснуло, как бы сильно я ни старался, а бой переходил все немислимые границы. Они что-то говорили — эмоционально, порывисто, тогда как я не мог разобрать ни слова. Только беспомощно опустился на колени, когда дуэлянты все-таки пронзили сердца друг друга. Я видел их поцелуй. Последний поцелуй — прощание и прощение.

В этот самый миг я клялся себе, что никогда никому не позволю себя околдовать. Никогда никого не полюблю, потому что любовь слишком жестока. Сколько всего он прошел ради нее? Сколько всего Драйян сделал для нее, из-за нее? Чувства затмили его разум, лишили благоразумия. Как так можно? Разве можно любить так отчаянно и дико?

Нет-нет, любовь — это болезнь. Яд, что проникает в самое сердце, отравляя, лишая сна. Никогда, никогда я не позволю себе попасть в эти сети. Никогда не дам манипулировать собой.

Я впервые в жизни плакал, беспомощно наблюдая за тем, как Драйян опускается на колени, осторожно придерживая свою возлюбленную. Целительство не действует в этой камере. Не сберег. Я не сберег ни его — того, кто давно стал мне братом, — ни ее — ту, что пленила его сердце, — но Тьма, что закружилась вокруг них, поднялась черной стеной, — стала неожиданностью. Вскочив на ноги, я жадно всматривался в чужую магию, что опадала, истончалась, чтобы совсем исчезнуть. Чтобы не оставить после себя даже пепла.

Нет, это не было порталом. Нет, первозданная Тьма, да и только. Куда они исчезли? Как?

Карман камзола нагрелся. Совершенно неожиданно карман моего камзола нагрелся, буквально вынуждая меня заглянуть в его нутро. Запечатанный конверт, что нашелся там, был адресован именно мне. Подписывал Драйян — я знал его почерк как свой собственный.

Спешно разорвав конверт, я принялся читать:

«Мой добрый друг, мой брат.

Если ты читаешь это письмо, значит, мне все-таки не удалось провести обряд. Значит, я не смог даровать новое тело своей возлюбленной. Исход моей истории предрешен. Он был предрешен еще тогда, когда я впервые увидел ее девчонкой, но знай, что бы ни было, все в наших руках.

Только мы властны над своей жизнью, как и над своей смертью. Только мы создаем свое будущее.

Знай, что мы с тобой больше никогда не встретимся. Не беспокойся обо мне. Поверь, сейчас со мной все хорошо, как и с частью моего сердца, моей души. Даже если мой запасной план не удастся, я все равно буду рад, потому что, где бы я ни был, она будет рядом со мной. В этом счастье, мой брат. В этом и есть счастье.

Мне тяжело осознавать, что я оставляю тебя наедине с проблемами. Да, ничего еще не закончилось, а для тебя и подавно только начинается. У тебя есть два варианта, но я все равно буду беспокоиться о тебе, какой бы из них ты ни выбрал.

Сейчас ты можешь остаться здесь, в Шагдарахе, но я не знаю, какая судьба тебя ждет. Меня больше нет, и мою гвардию расформируют или отдадут Дамиану, что совершенно точно захочет отомстить мне, истязая вас. Возможно, тебя приставят к Мальтеру — моему племяннику, но гарантировать этого я, увы, не могу.

Второй же вариант прельщает меня куда больше, и я надеюсь, ты по достоинству оценишь мои старания. В Реверонге больше нет наследников. Обе принцессы мертвы, а у власти стоит король, что не способен управлять королевством. Уже завтра он трусливо прижмет к империи

и обречет свой народ на верную смерть. Ты ведь в курсе планов Дамиана, но...

Если сегодня же ты вернешься обратно в Реверонг, то фактически займешь место главного советника и станешь править этим небольшим королевством. Я верю в тебя, верю в твои способности. Находясь в твоём теле и помогая Жасмин все эти дни, я выставил тебя в самом лучшем свете. Тебе верят, тебя любят, тебя боготворят. Воспользуйся этим шансом. Ты тот, кто этого действительно достоин. Ты тот, кто сможет править справедливой рукой и поднимет это маленькое, но очень гордое королевство до небывалых высот.

Но не прельщайся. Не за горами тот день, когда империя захочет забрать под свое крыло и этот кусок земли. Поверь, мой сводный брат не остановится на достигнутом. Жди еще одного наступления, жди войны и готовься. Хочу, чтобы ты понимал, что вхождение Реверонга в империю — это лишь дело времени. Но именно ты сможешь повлиять на условия слияния. Именно ты способен отстоять этот гордый народ.

Наши братья по оружию уже получили от меня последние письма. Если ты все же решишься, они будут ждать тебя у восточной башни. Переместитесь к самой границе между Реверонгом, Герхтаром и Певерхьером. Перейдите границу к Певерхьеру пешком и отправляйтесь порталом уже оттуда, чтобы мой отец не смог вас отследить. Пользуйтесь только одним порталом, чтобы не привлекать лишнее внимание. После того, что устроила Жасмин с их кораблями, один портал никого не удивит.

Координаты точки, до которой вам нужно открыть последний портал, прописаны ниже. Аккуратнее, это скалистый участок посреди моря. И не забудь утопить на том самом месте тот кристалл, что лежит в твоём кармане, чтобы восстановить защиту. С этим кристаллом образуются новая цепочка связи и защитный барьер увеличится.

В тех покоях, в которых я жил, ты найдешь все мои ценные вещи и книги. Я передаю их тебе, надеюсь, что все это когда-нибудь тебе пригодится. Я знаю, ты распорядишься ими с умом и во благо.

Когда вы попадете в Реверонг, тебе придется объясниться с людьми о том, куда пропала Жасмин. Вспомни старую легенду про мага, что отдал свою жизнь стихии и стал духом-хранителем определенного места. Я писал тебе об этой сказке в предыдущих письмах. Впрочем, как и обо всем остальном.

Я верю в тебя, брат мой. И я желаю тебе, чтобы когда-нибудь ты смог полюбить так же сильно, как и я. Любовь — вот та сила, что разрушает любые преграды. Ей неподвластно время и пространство. Любовь — это то, ради чего стоило жить...»

Смяв листок, от бессилия испепелил его Тьмой. Любовь... Она сгубила тебя, Драйян. Она сгубила моих родителей. Себе я такой роскоши не позволю.

Я выходил из дворца совершенно спокойно. Меня толком и не замечали, потому что абсолютно всех сейчас волновало представление, которое устроила наследная принцесса Реверонга. Она играючи разбила корабли Дамиана своей стихией, и теперь у них ни единого способа попасть на этот остров. Защитная полоса, выстроенная, словно стена, барьер, не даст им переместиться к берегу, а выкинет прямо посреди моря. Нет, конечно, они попытаются найти дыры и переместиться настолько близко, насколько это возможно, но к тому времени я уже выброшу кристалл и усилю защиту.

Да, я собирался воспользоваться тем шансом, что вручил мне Драйян. Здесь, в Шагдарахе, в новой империи, что будет построена на костях четырех королевств, для меня точно нет места. Правление Дамиана, этого жестокого зверя, утопит империю в крови. Мальчишка не готов к тому, чтобы принять на себя такую ответственность. Власть слишком сильно опьяняет его. Что уж говорить о законах, которые он никогда не чтит и не собирался соблюдать?

Спешно выбравшись из дворца, почти бегом направлялся к постройке, что стояла серым пятном в самой дальней части королевского сада. Несколько лет назад Драйян отвоевал у короля это строение под личное пользование своих гвардейцев. Многие впоследствии переселились в город и приобрели себе особняки, но я до сих пор предпочитал жить именно там, поближе к дворцу, чтобы не тратить время на перенос в случае чего. Там хранились все мои немногочисленные вещи, которые я наскоро забрасывал в наплечный мешок.

Бежал. Бежал по вытоптаным дорожкам, насколько возможно сокращая путь до восточной башни, но еще издали увидел сражение, что велось не на жизнь, а на смерть. Мои подчиненные стояли полукругом и держали строй, загораживая собой свои семьи, тогда как на них опасно наступали гвардейцы Его Высочества.

Они не давали отдохнуть им ни секунды, совершая выпад за выпадом. Знали, что по силе противопоставить им нечего, а потому брали количеством и отчаянием, но и мои ребята не лыком шиты. Секунда, и вперед выходят устрашающие тени — всего лишь человеческие силуэты, но такие

же опасные и смертоносные, как и их владельцы.

Тени вооружены шпагами — массивными, колкими. Они оттесняют гвардейцев, без труда разделяясь с глупцами, что решили, будто гвардия Драйяна Дебуа — слабаки. Те, кто когда-то лишился всего, будут до последнего, до победы защищать тех, кто им дорог. Из никому не нужных волчат Драйян сумел воспитать матерых волков.

Увидев за спинами гвардейцев Элеонору, я с облегчением выдохнул, понимая, что мои подчиненные предусмотрели абсолютно все. Та, кого я считал матерью, попыталась улыбнуться мне, едва завидев на тропинке, но в сложившихся обстоятельствах сделать это у нее не получалось. Так явно читал страх в ее глазах, а потому ответил на ее эмоции широкой улыбкой, желая только одного: успокоить. Все будет хорошо, я в это верил.

Мы убивали. Бросив наплечный мешок, я вступил в схватку, проливая чужую кровь. Лишь бы не успели передать информацию Дамиану. Мы прорвемся в Реверонг, и никак иначе, но хотелось бы сделать это малой кровью.

Мне было кого защищать. Мне было ради кого биться. В Королевскую Военную Академию в Шагдарахе я попал еще мальчишкой, когда мои родители погибли, защищая мою сестру, что сбежала с опальным лордом. Она так и не оценила их жертвы, а я стал оборванцем, никем, солдатом, пылью под ногами аристократов. Там я и встретил Элеонору, к которой довольно быстро привык.

Преподавательница по стихиям. Она занималась со мной сверхурочно, помогая мне развивать каждый мой дар. Нередко радовала подарками, забирала с собой в город, показывая мне, каким может быть мир за стенами академии. Она действительно стала для меня матерью. Не имела своих детей и всю свою любовь отдавала мне. Я был благодарен судьбе за подарок в ее лице и за Драйяна. Конечно, и за Драйяна, с чьей легкой руки оборванцы стали элитной гвардией бастарда. С чьей легкой руки все мы получили шанс на достойную жизнь.

— Быстро, быстро в портал, — скомандовал я, открывая воронку до границы между Герхтаром и Певерхьером. — Рассыпной строй!

Я выходил последним. Со стороны казалось, что мы действительно идем в рассыпную кто куда, но каждый гвардеец в этом построении выполнял свою определенную функцию. Уже через десять минут мы пересекли границу с Певерхьером, от которой ничего абсолютно не осталось. Мы видели кровь. Достаточно, чтобы понять, что далеко не все мирное население Певерхьера добралось до Реверонга. Матери закрывали детям глаза, прятали у себя на груди, чтобы в их воспоминаниях не отпечатался этот кошмар.

Прекрасно понимал, что теперь несу ответственность за них всех. Не только за подчиненных, но и за их семьи, за их детей. Был не уверен, что справлюсь, но назад для нас пути точно не было. Только вперед. Только в другую жизнь, которую мы обязаны сотворить своими руками.

— Осторожно, там внизу скалистый берег, — предупредил я свой строй. — Возьмите детей на руки. Я иду первым, Алер замыкает.

Я вышел из портала, но продолжал удерживать воронку открытой, оставив по ту сторону только свою руку. Бегло осматривал берег, пальмы и кусты, чтобы сделать своим знак, что все чисто. Они входили, не толкаясь, не произнося ни звука, прекрасно понимая, что нас здесь навряд ли ждут с распростертыми объятиями, но я полагался на Драйяна. Он не мог обмануть. Слова этого человека всегда равнялись действиям.

— Все, можно выдохнуть. Здесь нам ничего не грозит. Подробности я расскажу чуть позже на закрытом совете, а пока вам велено молчать. С этой минуты вы полностью переходите под мое командование, — произнес я насколько возможно твердо, стараясь вложить в каждое слово ту веру, какой наградил меня Драйян.

— Лорд Дебуа действительно больше не вернется к нам? — спросил Алер, делая шаг вперед.

— Нет.

Не собирался рассказывать кому бы то ни было об увиденном и о прочтенном. Понимал, что эта информация уйдет вместе со мной под землю, если понадобится. Драйян Дебуа умер, как и та, что успешно притворялась наследной принцессой Реверонга, сделав для этого королевства куда больше настоящих монархов.

Они умерли в разных местах. В разное время. И не от оружия друг друга. Их никогда ничего не связывало. Ни для кого.

Я уверенно шел вперед, стирая с рук кровь тех, с кем еще недавно здоровался при встрече.

Направляя тех, кто решил в эту ночь последовать за мной. На сегодня оставалось самое трудное: объявить во всеуслышание о том, что наследной принцессы Реверонга больше нет. Я должен был солгать настолько убедительно, насколько это вообще возможно. Я должен был сам поверить в то, что Жасмин стала хранителем этих мест.

Протяжный вой прервался на самой высокой ноте. Музыка, что разносилась по скалистому берегу, смолкла, обрываясь, подчиняясь тишине. Абсолютно все взгляды были устремлены ко мне. Они горели надеждой, верой, но я не мог дать им ничего, кроме еще одной боли. И обещания, что в дальнейшем все станет лучше.

— Наследная принцесса Реверонга умерла. — Голос мой дрогнул, но я продолжил уже увереннее: — Несколько минут назад Жасмин принесла себя в жертву, совершив старинный обряд, чтобы стать духом-хранителем этого острова. Стихия приняла ее выбор. Теперь ее выбор должны понять и принять и мы.

Король Реверонга схватился за сердце и начал заваливаться на бок. Элеонора первая подбежала к нему, желая помочь. Женщина совсем немного владела целительским даром, но ее сил вполне должно было хватить на то, чтобы остановить сердечный приступ, пока я не мог сдвинуться с места.

Раскаты грома ударили в небо, оглушая, разбиваясь о землю тяжелыми каплями ливня. Крик. Девичий крик так и стоял в ушах, а я смотрел на ту, чье лицо осветили вспышки молний.

Она побежала. Рванула изо всех сил, а я, не задумываясь, последовал за ней. Что случилось? Почему она убегает? Куда она бежит?

Тысячи вариантов пронеслись в голове. Жительница Реверонга? Шпионка из Шагдараха? Девушка, что стала врагом для Драйна, пока он был в моем обличье? Я мог бы назвать сотни версий, но правда в том, что настоящая среди них лишь одна. Я не знал эту девушку, чьи волосы отливали кровью даже в темени ночи. Она неслась вперед, ловко перепрыгивая через кусты, легко ступая по скалистой местности, а я уступал ей, потому что, кажется, она все-таки была на своей территории.

— Стой! — выкрикнул я, когда расстояние между нами сократилось до десятка шагов.

Я отчетливо осознавал, куда именно она направляется. Девчушка бежала прямо по воде, придерживаясь той самой россыпи скал, что будто тонули в море. Именно там всего несколько минут назад я закрыл воронку портала.

Не хотел напугать ее еще больше, а потому и не пытался призвать свою силу. Надеялся, что успею остановить ее раньше, чем она сумеет сбежать, но прогадал.

Чужая Тьма за клубилась, угрожающе поднялась, постепенно поглощая, сжирая незнакомку в своем нутре. Обернувшись, она взглянула на меня — прямо в глаза, — а следующая вспышка молнии осветила ее лицо. Вишневые глаза и волосы цвета спелой вишни. Смотрела на меня с отчаянием, с безумием, с негодованием, а мне вдруг стало стыдно за то, что я ее преследовал. Преследовал без причины.

— Стой... — произнес я, стараясь придать голосу мягкости.

Но она не остановилась, тогда как чужая Тьма рассеялась в моих руках, не оставив после себя абсолютно ничего. Я успел поймать лишь воздух.

Взглянув на тихие воды, что впитывали в себя тяжелые капли и неспешно омывали колкие скалы, я с сожалением выбросил кристалл, наблюдая за тем, как он тонет в морской пучине. Там, под водой, неярко загорелся защитный барьер, вспыхнул, оповещая о том, что стена из кристаллов изменена.

Больше никто не сможет перенестись к острову.

Она не сможет вернуться.

Моя загадка цвета спелой вишни.

Глава 3. Одна единственная ошибка может стоить целой жизни

Аделина.

Ночь.

Ночь горела тысячами огней. Я слишком давно не была в Шагдарахе, но отчетливо помнила лишь центральную площадь, на которую меня и выбросил портал. Люди толпились, даже не замечая того, что я только что вылетела им под ноги. Гул голосов оглушал, но больше всего меня сейчас волновало мое тело. Ощущение, будто кости ломают одну за другой. Мышцы выворачиваются наизнанку, причиняя нестерпимую боль, но у меня нет времени на жалость к себе.

Я знала, на что иду, воспользовавшись Тьмой. Мои силы нестабильны и никак не могут найти баланс, чтобы спокойно соседствовать друг с другом. Каждый раз, когда я использую значительную часть своего резерва, мое тело словно бьется в агонии, как если бы его сжигали изнутри. Как если бы его ломали снова и снова.

Я старалась не останавливаться ни на секунду, пробираясь сквозь беснующую толпу. Все это время палачи приводили в действие приговоры. Пока я шла, повесили не меньше тридцати человек, но я едва ли смотрела в ту сторону. Голова гудела. Я прекрасно знала, что вот-вот свалюсь в обморок, а потому поставила для себя единственную цель: добраться до особняка, что принадлежал мачехе.

Все остальное меня не волновало, но некоторые фразы я все-таки вылавливала из общего гула. Казнили Певерхьерцев. Как и говорила наследная принцесса Жасмин, императорский совет приговаривал к смерти абсолютно всех Певерхьерцев старше четырнадцати лет. То же самое ждало и Реверонг, если бы мы не дали бой, если бы не выставили защитный купол.

Я видела детей. Их отрывали прямо от родителей и волоком затаскивали в серые экипажи, в которых обычно перевозили преступников. Столько слез, столько криков, столько боли. Пульс стучал в ушах, а перед глазами начинали плясать свой дикий танец черные мушки. Нехороший знак.

Толпа задерживала, толкала, норовила поглотить, затоптать, но я все равно выбралась из этого беснующегося океана, наверняка получив с десятков синяков. Серым казалось все вокруг, несмотря на огни, что освещали площадь с фонтаном, как если бы сейчас был солнечный день. Серое небо угрожающе нависало плотными тучами. Дома были раскрашены в разные цвета. Совершенно точно яркие, но и они казались мне серыми, как и брусчатка под ногами.

Едва ли шла. Ноги — тяжелые, ватные. Переставляла с трудом, но уже видела особняк в конце улицы. В нем горел свет — еще не спали, и это придавало сил. Рождало упорство, упрямство, благодаря которым я продолжала двигаться.

Величественное строение расплывалось перед глазами. Устрашающе нависало, пока я из последних сил стучала в дверь, желая дозваться хоть кого-нибудь.

Створка отворилась, а в нос ударил сладкий запах дорогих духов. Только по ним я и узнала, что дверь мне открыла мачеха. Перед глазами окончательно потемнело, а ноги ослабли, переставая держать.

— Аделина! Что ты здесь делаешь? — закричала она, пытаясь подхватить меня под руки.

— Мама...

Утро выдалось ужасным. Первая мысль, которая меня посетила, была о том, что я потеряла слишком много времени. Лежала в облаке белоснежных одеял, всем телом ощущая мягкость перины. От постельного белья едва уловимо пахло лавандой, а яркое солнце заглядывало в окно, будто и не было вчерашней серости. Будто и не было всего вчерашнего дня целиком.

Мне нравился этот дом в Шагдарахе. Он находился в столице и принадлежал моей мачехе, но мы часто приезжали сюда. Физеда до сих пор оставалась поданной Шагдараха несмотря на то, что она заключила брак с моим отцом. Еще бы, ей было невыгодно вступать в род супруга, потому что мой папа хоть и являлся уважаемым мецье, но никогда не относился к аристократам. Всего лишь врачеватель — лучший, из тех, кого я знала. Всего лишь торговец, в чью лавку съезжаются покупатели со всего Реверонга. Всего лишь человек, которого магия обошла стороной.

Они приняли это решение вместе. Отец полностью поддержал Физеду в желании сохранить за собой титул. Так она могла передать его своим сыновьям и мне, что бесконечно важно для нашего будущего. Леди Аделину Пехто возьмут замуж с радостью только потому, что она каким-то боком

принадлежит к старинному роду, тогда как мадмуазель Аделина Рейоро, насколько бы богатой ни была ее семья, будет нужна лишь какому-нибудь месье.

Вот такая суровая правда жизни.

Поднявшись, я осмотрела себя в зеркале, слегка приподнимая подол и широкие рукава сорочки. Так и есть — на коже остались синяки. Неудивительно. Вчера на площади люди будто обезумели, и я их понимаю. Страх рождает безумие. Чувство опасности приносит с собой панику, а эти люди пережили настоящую войну только потому, что императорский совет захотел прибрать к своим рукам все пять королевств. Мне тоже было страшно. Страшно оттого, что мы могли никогда не вернуться в Реверонг.

Вдоволь погревшись в ванне, я высушила волосы и переоделась в один из своих старых нарядов, что остались здесь с прошлого года. Штаны оказались почти впору — слегка коротковаты, но в сапогах будет незаметно. А вот с рубашкой и жакетом пришлось повозиться. Никак не хотели застегиваться на груди, но что им до моего упорства? Я и мертвого уговорю.

— Аделина! Наконец-то ты проснулась! Эгар уже хотел послать за тобой служанку. Почти полдень, а ты так и не завтракала. Признаться, вчера ты нас очень напугала, — поднялась Физеда, приветствуя меня, а вслед за ней поднялись и мои сводные братья.

В столовой уже накрыли к обеду, и, если честно, я пришла исключительно на запах. Желудок болезненно сжимался. Когда я ела в последний раз? По всему выходило, что еще вчера в обед. Неудивительно, что чувствую себя так погано. Тут бы в голодный обморок не свалиться.

— Но я объяснил матери, что с тобой такое бывает, — улыбнулся мне Дейрид, отодвигая для меня стул.

Благодарно кивнув ему, присела и расправила салфетку, разложив ее на коленях. Ждала, пока братья рассядутся, чтобы мачеха могла начать трапезу, а вслед за ней и мы приступим к обеду. Эти правила я запомнила отлично, как и все остальное, что преподавал мне учитель этикета, нанятый Физедой.

— Дорогая, я хотела бы знать, что заставило тебя воспользоваться магией и перенестись в Шагдарах? Что-то случилось с Сигнетом? Он не отвечает на мои письма, — взволнованно проговорила женщина.

— На письма? Но мы не получали от вас никаких писем. Более того, отец регулярно писал вам... — спешно ответила я, но буквально застопорилась. — Они перехватывают письма, — осенило меня.

— Кто, дорогая? — Физеда еще просто не понимала всех масштабов. Она не знала о войне между империей и Реверонгом! Никто здесь не знал о ней!

— Боюсь, что вам не понравится то, что я вам сейчас расскажу.

Рассказ мой не был долгим. Я постаралась максимально сократить его, но при этом сделать емким, охватывающим абсолютно все произошедшие события. Видела по лицам сводных братьев, что они мне не верят. Хотя нет, не мне не верят. Не могут поверить в услышанное. Слишком трудно принять такое, когда полностью уверен в том, кто отождествляет собой истинную власть.

Физеда отнеслась к полученной информации более спокойно. Скорее всего, до нее уже дошли отголоски или слухи того, что произошло на самом деле в эти дни, а потому женщина держалась с присущим ей достоинством и столь же ярой невозмутимостью, лишь еще раз подтверждая мои мысли о том, что она безумно волнуется сейчас. Она действительно любит отца, и я рада, что когда-то он встретил ее. Ему было слишком сложно воспитывать меня, потому что многих вещей папа просто не мог мне дать, будучи мужчиной.

Когда Физеда впервые приехала к нам домой, я не отходила от нее ни на секунду. Эта женщина была мне глубоко симпатична, а потому я искренне радовалась, когда она и ее сыновья вошли в нашу семью. Она всегда выслушивала меня, припрятывала для меня все самое вкусное, заплетала мне косы, покупала наряды и игрушки. Сама обучала меня использованию потоков, когда сила проявилась во мне. И сказки читала на ночь, строго пресекая все попытки сводных братьев обидеть меня. Она научила их уважать меня, заботиться обо мне и принимать как равную. Лучшей матери я и не могла желать.

Именно потому, что я любила и ценила свою семью, я утаила от них информацию об исчезновении наследной принцессы Реверонга и о причастности к этому лорда Ранисаха Арокос. Я не хотела для них проблем, не желала пугать еще больше, чем они напуганы сейчас. Эта тайна останется со мной до тех пор, пока я не вернусь в Реверонг и не попаду на аудиенцию к королю. Тогда наш властитель выкинет предателя с острова или... Покарает убийцу.

— Таким образом, на данный момент обратно в Реверонг порталом нам не попасть. О том, что с нами все хорошо, папу мы никак уведомить не можем. Остается только надеяться, что они не станут опрокидывать рыбацкие лодки. Это наш единственный шанс добраться до острова, — закончила я свою речь, отставляя в сторону пустую чашку.

Безумно любила кофе. Черный напиток с привкусом мяты впервые я попробовала именно здесь — в Шагдарахе. К нам его, конечно, тоже доставляли, но выращивали только здесь. А теперь, наверно, больше и не смогу еще раз насладиться его горечью.

— Аделина, вы уверены в своих словах? — спросил Эгар, нахмурившись.

Если сравнивать Эгара и Дейрида, то последний был куда легче характером. Открытый, веселый, дружелюбный и... беззаботный. Эгар таким не был. Всегда серьезный, уже сейчас в нем чувствовался не мальчишка, а мужчина. Еще до того, как Физеда познакомилась с папой, Эгар самостоятельно справлялся со всеми обязанностями, возложенными на него как на старшего мужчину в семье. Но даже с появлением нас в их жизни ничего не изменилось. Наоборот, Эгар был рад помогать моему отцу, забирая на себя большую часть забот.

Самое интересное, что братья мало чем отличались внешне. Они родились с разницей в несколько десятков минут и были похожи как две капли воды. Темные волосы, темные же глаза, широкие брови и заостренные скулы. Типичная внешность для представителей старинных родов Шагдараха, как и типичная магия — Тьма, что называлась во многих учебниках Первозданной.

Я без труда различала их. Как только впервые увидела, сразу поняла, кто есть кто. Дейрид стал для меня добрым другом, тогда как Эгара при всем моем уважении я несколько опасалась.

— Более чем уверена. Большинство из того, о чем я рассказала, я видела своими глазами, — ответила я после некоторой заминки.

— Тогда нам стоит всем вместе отправиться на аудиенцию к императору. Ему будет интересно услышать твой рассказ, — подытожил Эгар.

— К императору? Разве церемония уже была? И как же отец? — спохватилась я, меньше всего ожидая того, что мне придется пересказывать все это новоиспеченному правителю.

Несмотря ни на что, я по-прежнему считала себя поданной Реверонга. Как и все, я клялась в верности королю, а теперь мне предлагали предать его, предать свою веру. К такому я просто была не готова.

— Церемония назначена на послезавтра. Сегодняшний день посвящен казням, — безэмоционально проговорил Эгар. — Мы обратимся к императору, и он поможет нам забрать месье Рейоро. Уверен, что с этим не возникнет проблем. Если император нацелился на Реверонг, то так оно и будет. Нам же безопаснее отсидеться здесь, подальше от эпицентра событий. Возможно, чуть позже, когда Реверонг войдет в империю, мы снова сможем жить там.

— Ты просто не понимаешь! — воскликнула я, совсем забыв о приличиях.

Если к Дейриду я спокойно могла обращаться на «ты», то с Эгаром мы всегда придерживались официального «вы».

— Аделина, вы забываетесь, — смерил он меня недовольным взглядом.

— Эгар, будь мягче с сестрой, — сделала ему замечание Физеда. — Ада права. Если дела действительно обстоят так, как она рассказала, то лучше нам искать способ вернуться обратно в Реверонг.

— Я все сказал.

И он действительно все сказал. Ничего противопоставить мужчине не могли ни я, ни мачеха. Именно Эгар отвечал сейчас за нас. За наши жизни.

Глава 4. Все мы заложники тех или иных обстоятельств

Аделина.

Я собиралась, словно на казнь. Понимая всю неизбежность ближайшего будущего, всю его неотвратимость. Хотела бы изменить, да не могла. Никак не могла повлиять на ход событий.

Леди Физеда перерыла вместе со служанками весь мой прошлогодний гардероб, но ничего лучше, чем строгое черное платье, увы, мы отыскать не смогли. В том году я его так никуда и не надела, потому что оно было мне немного великовато, тогда как в этом году стало попросту мало. Но не настолько мало, как все остальные, которые могли бы прийтись как раз к случаю.

— Матушка, может быть, лучше, если я все-таки отправлюсь в том, во что облачена сейчас? — попыталась я уклониться от спешного переодевания.

— Ада, не пристало леди являться ко двору, словно мальчишка. Да тебя и на порог не пустят! Лучше пусть и слегка коротковатое, но платье. Тем более что в последнее время юбки столичных модниц открывают взору все больше и больше, — рассмеялась она, но за этим смехом я прекрасно видела нервозность.

Леди Пехто явно переживала, но успокоить ее я не могла. Сама до боли прикусывала губы, едва вспоминала об отце. Должно быть, он сейчас места себе не находит, безуспешно пытаюсь отыскать меня по всему Реверонгу.

— Но я не столичная модница.

— Так и я не предлагаю тебе выставлять напоказ все свои прелести. Должна быть в женщине какая-то загадка. И лучше, чтобы мужчина так и не смог ее разгадать.

Сбежать мне не удалось. В четыре руки служанки помогли мне принарядиться, непозволительно туго затягивая корсет. Высокую прическу делать не стали, но и распущенными волосы Физеда мне оставить не разрешила. Сама убирала непослушные локоны в тугий пучок, выпустив по обеим сторонам от лица тонкие пружинки, что словно вытягивали силуэт, делая скулы в отражении острее.

Я сама на себя не походила. Не нравилась себе. Так и хотелось спрятать изящные туфельки под платье, но не получалось, потому как подол едва ли прикрывал щиколотки. И плечи. Нестерпимо хотелось стянуть широкий ворот, что полностью оставлял мои плечи нагими, давал приглядеться к ключицам и бесстыдно оголял тонкую шею. Хотя бы запястья я могла скрыть за ажурными перчатками — уже хорошо, но ощущала себя до ужаса некомфортно.

— Эгар, скажи, твоя сестра в этом платье просто чудесна? — вывела меня матушка в гостиную, словно дорогой экспонат на выставке. В принципе, именно так себя и чувствовала, потому что платье чрезвычайно сковывало движения.

— Вы правы. Уверен, вам, Аделина, не найдется равных во дворце, — учтиво, но холодно кивнул мой сводный брат, казалось бы, удостоив меня лишь секундным взглядом.

— Само очарование! Ну-ка, повернись! — подлетел ко мне Дейрид, поворачивая, словно куклу. — Отлично! Ты просто невероятна!

— Карета уже подъехала, — сухо заметил Эгар, по-прежнему бесцельно глядя в широкое панорамное окно.

— Ох, а я еще не собралась! Дайте мне немного времени, лорды, — шутливо заметила Физеда, прекрасно зная, что без нее никто никуда не уедет. — И, Дейр, будь любезен, смени камзол на тот темно-синий, что ты заказывал в последний раз.

— Не скучай, — щелкнул парень меня по носу и скрылся вслед за матерью, оставляя наедине с человеком, который всегда меня пугал на каком-то подсознательном уровне.

Неуютное молчание затягивалось. Колкие мурашки вдруг коркой льда покрыли кожу, обрисовали ключицы и шею, а щеки загорелись, заалели без причины, выдавая мое смущение с потрохами. И вроде бы можно присесть на диван — не возбраняется этикетом, — но...

Очень трудно сделать этот шаг, потому что так я стану ближе к Эгару.

— Вы невероятно привлекательны. Впрочем, как и всегда, — вдруг обратился он ко мне, но так и продолжал стоять спиной.

— Благодарю...

— Не стоит, — перебил он меня, а ведь ему это было несвойственно. — За правду не благодарят. Зря вы не надели украшения. Впрочем, я могу это исправить.

Лучше бы он не оборачивался. Лучше бы не смотрел на меня тем колким взглядом, что буквально пригвозждает к полу. Лучше бы не делал шаг вперед. И второй, чтобы сократить между нами это ничтожное расстояние, потому что сейчас в этом мужчине что-то едва уловимо изменилось. Он будто стал опаснее, весомее, шире плечами. Словно имел надо мной свою особую власть.

Не могла сдвинуться с места, хоть и хотелось убежать, скрыться, спрятаться. Лишь молчаливо наблюдала за тем, как Эгар достает из внутреннего кармана камзола зеленую бархатную коробочку. Открывает одним щелчком, а я вздрагиваю, не имея возможности контролировать собственное тело.

Коробочка остается на низком подоконнике, тогда как в руках у мужчины появляется изумительной красоты ожерелье. Объемные зеленые камни словно танцуют, окруженные маленькими белыми камешками, но я не испытываю радости. Только страх, едва чужие пальцы касаются моих ключиц, медленно оглаживают, позволяя себе куда больше, чем разрешено. Немыслимо!

Мужчина плавными, хищными движениями обошел меня, а замок ожерелья без труда защелкнулся на моей шее, будто удавка или рабский ошейник. Я выгнулась дугой, когда чужие пальцы очертили мою спину от плеч до самой талии, словно оставляя след, пятно, которое не смыть. Ощущала его дыхание на своих плечах, на шее, на затылке, больше всего на свете желая просто испариться. Могла бы перенестись, но куда?

— Я надеюсь, что вам понравится мой подарок...

Казалось, что Эгар хотел сказать что-то еще, но в гостиную спешно вошли Физеда и Дейрид, спасая меня одним своим присутствием. Отчаянно сделав несколько шагов вперед, я наконец-то смогла выдохнуть и вдохнуть, возвращая легким кислород.

— Вы готовы? — спросила я с куда большим энтузиазмом, чем хотелось бы.

— Можем отправляться.

Нервозность моя никуда не делась и тогда, когда мы, наконец, приехали во дворец. Я с трудом пережила поездку в экипаже. Просто не могла смотреть на Эгара, не могла находиться рядом с ним. Как понимать его знаки, его слова? Так просто не должно быть. Он не может. И я не могу.

— Все будет хорошо, дорогая. Главное, ничего не скрывай и говори правду, — напутствовала матушка, желая меня приободрить.

Братья молчали. Даже Дейрид, попав во дворец, вдруг преобразился и стал серьезным, как если бы начал подражать Эгару. Старалась ни о чем не думать, пока мы шли по коридорам и лестницам. Будущий император решил принять нас в своем личном кабинете, что уже говорило о том, что он благоволит нашей семье. Это несказанно радовало. Сейчас самое важное для нас — это вернуться в Реверонг или забрать сюда отца.

— Проходите, император уже ждет вас, — открыл перед нами дверь в кабинет секретарь.

Его уголок находился в небольшом помещении перед кабинетом. Кроме письменного стола здесь были шкафы с книгами и документами, а также диванчики и кресла, что расположились вокруг крохотного кофейного столика.

Мне было откровенно страшно ступить в святая святых, но я держала под руку Дейрида, и от этого становилось хоть немного, но легче. А еще матушка и Эгар шли впереди, что тоже было немаловажно. Именно здесь, должно быть, вершится судьба всех королевств под неусыпным контролем личных гвардейцев повелителя. Я многое слышала о будущем императоре, и не всегда слова на его счет были лестными, а потому разговаривать с ним вот так — почти с глазу на глаз — было на самом деле жутко. Особенно после того, что я своими глазами видела на берегу.

И Эгар, и Дейрид склонились в низких поклонах, тогда как мы с матушкой почти синхронно сделали глубокие реверансы. Видела, как без разрешения будущего императора все семейство выпрямляется. Будучи потомками старинного аристократического рода, они имели на это полное право, тогда как я такой милости фактически была лишена. Оставалось лишь дожидаться разрешения, но будущий император будто специально проверял мои нервы на прочность.

Неспешно поднявшись, он обошел свой стол и сделал несколько шагов вперед, но не остановился. Леди Пехто и Эгару пришлось слегка разойтись в стороны, чтобы дать ему дорогу.

— И кто же эта милая юная леди? — обратился мужчина к матушке, по-прежнему игнорируя меня.

— Моя дочь, Ваше Величество. Леди Авелина Пехто, — с готовностью отозвалась родственница.

— Леди Пехто, ваша дочь невероятно прекрасна.

Он стоял едва ли в шаге от меня, но ни словом, ни жестом не разрешал подняться, тогда как ноги мои уже подрагивали от напряжения.

— И невероятно преданна своему императору, — одним предложением обозначила позицию нашей семьи Физеда.

— Я рад это слышать.

Я даже дыхание задержала, когда чужие пальцы прикоснулись к моему подбородку, слегка приподнимая его. Пришлось посмотреть мужчине прямо в глаза. В обжигающие черные очи, наполненные чистой Тьмой. По-другому и быть не могло.

— Можете встать, — разрешил он, слегка улыбаясь одним уголком губ.

Этот человек однозначно знал себе цену. Я ожидала увидеть взрослого мужчину, чьи виски уже тронула седина, но наследный принц Шагдараха — будущий повелитель великой империи — оказался молод и хорош собой. Темные, чуть вьющиеся волосы были коротко острижены. Черты лица были мягкими, округлыми, но в них проглядывалась некоторая хищность. Отчего-то казалось, что весь благодушный вид императора лишь обманка, маска. Я ни на секунду не забывала, кто передо мной. Этот человек может как миловать, так и казнить.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — прошептала я пересохшими губами.

Прекрасно видела, как ему льстит такое обращение. По факту императором он станет лишь после церемонии, но, обращаясь так к нему сейчас, мы будто говорили, что у нас нет никаких сомнений в его силе, в его власти, в его праве.

— Леди Пехто, насколько мне известно, вы здесь по личному вопросу, — проговорил он, переставая давить на меня своей мощью.

Повернувшись ко мне спиной, мужчина вновь прошел на свое место, беря в руки со стола какие-то документы. И все бы ничего, но мы так и продолжали стоять. Сесть нам будущий император не предложил, чем показал нам наше истинное место.

— Все верно, Ваше Величество, но...

— Что ж, припоминая заслуги вашего покойного супруга, я уже подписал документы о зачислении ваших сыновей в военную академию, которая вскоре будет переименована в императорскую, — не дал мужчина ей договорить, наверняка торопясь побыстрее нас выпроводить.

Старалась не смотреть на будущего императора, но взгляд мой нет-нет да и возвращался к широким плечам, к его лицу. Закономерно столкнувшись с ним взором, я смутилась и вынужденно посмотрела на Дейрида, ища у него поддержки. Вот бы на этом наш визит и закончился, но, к сожалению, Эгар был полон решимости помочь своему императору. А ведь мы действительно могли бы попробовать отправиться в Реверонг на лодках.

— Мы очень благодарны вам, Ваше Величество, за вмешательство в нашу судьбу, но разрешите...

— Разрешаю, лорд Пехто, — милостиво кивнул мужчина.

— Наша сестра вчера ночью прибыла из Реверонга. Буквально в последний момент она смогла перенестись в столицу Шагдараха, но в Реверонге остался ее отец — месье Рейоро. Мы были бы признательны вам, если бы вы оказали нам еще одну услугу. Наверняка это в ваших силах — затребовать у Реверонга отдать нам месье Рейоро. Кроме того, леди Аделина желает поведать вам последние новости. Вдруг они вам пригодятся.

Будущий император молчал. Он пристально, буквально не мигая, смотрел на Эгара, будто ждал, что тот начнет отрицать свои слова, заберет их обратно, но мой сводный брат стойко выдержал эту проверку.

— Хорошо. Присаживайтесь, — кивнул он на резные кресла, что находились по другую сторону от его стола. — Полагаю, нам предстоит долгий разговор.

Нам с матушкой пришлось занять кресла, что стояли почти у самого письменного стола, тогда как братьям, кроме как на бархатном диванчике, нигде больше места не нашлось. Сердце мое сжималось. Казалось, что грядет что-то неотвратимое, другое, чужое.

Не поднимала взгляда, предпочитая рассматривать узоры на ковре. Понимала, что сейчас мне придется говорить, но в горле будто ком встал, не давая выдать из себя ни звука. А молчание тем временем затягивалось.

— Аделина, дорогая, Его Величество ждет, — тихонько обратилась ко мне Физеда, слегка тронув мою руку кончиками пальцев.

От этого жеста я вздрогнула, вскинулась, словно только что вспомнила о том, где и зачем нахожусь. Будущий император великой империи сверлил меня немигающим взглядом. На его губах несмываемым отпечатком лежала колкая полуулыбка. Улыбка, полная превосходства, собственной значимости. Ему явно нравилось мое смятение. Забавляло ли? Скорее всего, но быть шутком перед ним не желала, а потому, сама от себя не ожидая, немного приподняла подбородок и расправила плечи, с достоинством выдерживая его взгляд.

— Ну же, милое дитя! — подтолкнул он меня к тому, чтобы я начала свой рассказ.

Дитя... Казалось, специально издевается. В моем возрасте запросто можно обзавестись супругом и первенцем. Так какое я ему дитя? И ведь понимает это, но будто специально дразнит, рождая во мне искры злости. Сколько ему? Лет на десять меня старше, а может, и чуть меньше. У меня не было никакого желания рассказывать ему об увиденном и услышанном, но я прекрасно осознавала, что мой отказ может запросто вогнать семейство Пехто в немилость.

— Я перенеслась в Шагдарах этой ночью по причине того, что матушка не отвечала на наши письма. Я была обеспокоена, потому что вечером Веонское море впервые увидело сражение. Все в Реверонге знают о том, что вы собираетесь захватить эти земли...

— Будьте осторожнее в словах. Не захватить, а заключить мир, давая Реверонгу возможность стать частью великой империи, — исправил он меня, а я ощущала, как балансирую сейчас на сплетенном канате, тогда как под моими ногами разверзается настоящая бездна.

Я кивнула. Если полагаться на рассказанное наследной принцессой, будущий император сейчас нагло лгал, но кто я такая, чтобы опровергать его слова? Даже несмотря на то, что я вчера самолично видела на центральной площади у фонтана, как казнят Певеверхерцев, кто я такая? Лишь пыль под его ногами.

— К сожалению, такое часто бывает, что письма так и не достигают адресата. Магический фон в эти дни до отчаяния высок из-за сражения, что мы вынужденно вели с Певеверхером. Скорее всего, потоки сбились, и именно поэтому ваша матушка не получала от вас письма, а вы, в свою очередь, не имели возможности поймать весточки от нее, — зачем-то объяснил мне мужчина, будто старался оправдать какую-то свою личную оплошность. — Вы явились одна?

— Одна, — ответила я коротко.

— Насколько мне известно, сейчас невозможно открыть портал даже к берегу Реверонга. Как же вы тогда сумели перенестись? Или вас специально послали сюда в качестве шпионки?

— Что? — возмутилась я, а в моей душе заклокотал праведный гнев.

— Ваше Величество... — попытался вмешаться Эгар, поднимаясь.

— Сядьте, — резко оборвал его будущий император, не удостоивая и взглядом.

Моему сводному брату пришлось вынужденно сесть обратно на диван, тогда как я едва ли сдерживалась от того, чтобы встать и выйти сначала из кабинета, а потом и из дворца. Именно сейчас я остро ощущала, какой плохой идеей был этот визит. Нам нужно было не терять время, а сразу же искать пути отступления.

— Ваша семья действительно преданна мне? — спросил будущий император, не отрывая от меня своего черного взора.

— Ваше Величество... — на правах старшей собиралась ответить Физеда.

— Я не вас спрашиваю, леди Пехто. Вопрос адресован вашей падчерице.

Провокация.

Он специально провоцировал меня, понимая, что я вынуждена буду солгать в любом случае, иначе семейство Пехто просто не выйдет за стены дворца. Была наслышана о тюремных казематах, что прочно обосновались в подвалах под дворцом много веков назад. Они погубили немало душ и сожрут еще столько же, но стать пленницей в них мне совсем не хотелось.

— И я, и моя семья преданны империи, Ваше Величество, — выговорила я без единой запинки, что

было по-настоящему трудно.

— Вы преданны только лишь империи? — шутливо приподнял он правую бровь, а его взгляд насквозь был пропитан ожиданием скорого триумфа.

— Я преданна своему императору...

Торжество!

Черные очи буквально вспыхнули, блеснули пожаром торжества, что темными всполохами бился в бездне его глаз. Снисходительная полуулыбка тронула его губы, а я вдруг поняла, что обречена. На что? На этот вопрос мог ответить только он, только сам будущий император великой империи.

— Отлично. Тогда я могу позволить себе говорить более откровенно в вашем присутствии. Я правильно понимаю, леди Пехто, что вы желаете воссоединиться со своим супругом?

— Все верно, Ваше Величество, — осторожно ответила матушка, с беспокойством поглядывая на меня.

— Дело в том, что произошедшее между Реверонгом и империей на данный момент тщательно скрывается, но не из-за того, в чем нас обвиняют. Мы никогда не собирались воевать с Реверонгом. Более того, еще несколько дней назад все пять королевств желали стать частями великой империи, но случилось недопонимание личного характера между мной и наследной принцессой Жасмин. Девушка влюбилась в меня и не смогла с достоинством принять отказ, а потому под покровом ночи спешно вернулась в свое королевство и оклеветала меня и мои благие намерения, настроив свой народ против империи. Сейчас с нами отказываются даже говорить, хотя обсудить произошедшее определенно стоит. В связи с этим мне крайне важно знать, каким именно образом вам, Аделина, удалось открыть портал в Шагдарах. От этого зависит будущее империи.

— Я открыла портал до того, как защитный барьер начал работать на полную мощь, — соврала я, даже не моргнув. — Именно поэтому мы и обратились к вам. Мы надеемся, что вы поможете нам забрать отца.

— Хорошо, — ответил он разочарованно. — Я постараюсь вам помочь, но обещать, увы, ничего не могу. Не все зависит от меня.

— Не переживайте, Ваше Величество. Мы и сами не станем сидеть без дела, — улыбнулась Физеда в порыве поддержать не императора, а мальчишку, что сидел перед ней.

— В каком смысле?

Я закрыла веки лишь на секунду, стараясь сдержать рвущееся наружу негодование. Зачем? Вот просто зачем она это произнесла? Нельзя рассказывать ему о моей идее. Я несколько не поверила в его жалостливую сказку о безответной любви. Он лжет. Этот человек лжет, потому что я видела казни. Я видела, как детей отрывали от родителей. Я видела, как корабли гвардейцев собирались штурмовать Реверонг. Я видела все это своими глазами.

— Аделина предположила, что мы вполне сможем добраться до Реверонга на лодках. Не станут ведь они переворачивать обычные лодки? — с готовностью отозвалась матушка.

— Знаете, — как-то по-новому взглянул на меня будущий император, — а мне нравится ваша идея...

Дверь в кабинет будущего императора отворилась без стука. Мои сводные братья сразу же поднялись, а я чуть опоздала, тогда как матушка вместе с монархом так и остались сидеть на своих местах. Молоденькая девушка, словно ураган, влетела в помещение вместе с шорохом юбок. Ее звонкий голос тонкой струной пронзил мое сердце:

— Ваше Величество, простите мне мою внезапность. Я не знала, что вы заняты, — птичкой пропела она, но было видно, что ей совсем не жаль.

Синие глаза, ясный взгляд и шкодливая улыбка. Она показалась мне привлекательной, хоть и совсем еще девчонкой на вид. Белокурые локоны обрамляли ее лицо, а тонкая талия была подвязана широким ярко-синим поясом. Она представилась мне фарфоровой куклой, сошедшей с одной из полок знаменитой лавки игрушек Верло.

— Оливия, я сейчас действительно занят. У тебя что-то срочное? — поинтересовался будущий император, мягко улыбаясь.

— Нет, Ваше Величество. Если признаться честно, мне просто стало скучно, — засмузилась она, неловко делая еще один маленький шагочек вперед.

— Тогда мне стоит представить тебе наших гостей, — все-таки поднялся он, вынуждая встать и

матушку. — Познакомься, дорогая, это леди Физеда Пехто, ее дочь Аделина и сыновья — лорды Эгар и Дейрид.

— Очень приятно, — присела девушка в коротком книксене, но лишь на секунду, будто это именно она оказывала нам честь. Широкая улыбка не сходила с ее губ, подчеркивая дуги ямочек.

— Леди и лорды, вы первые, кто удостоен чести познакомиться с моей невестой. поприветствуйте же вашу будущую императрицу, но пока еще леди — леди Оливия Соун.

Мы с матушкой присели в низких реверансах, а парни вынужденно поклонились, чтобы тут же выпрямиться. А я... Я снова ждала, пока меня удостоят разрешением.

— Вы можете подняться, — пропела девушка и весело рассмеялась, будто случилось что-то, что принесло ей если не счастье, то удовольствие уж точно.

— Это честь для меня, — улыбнулась я против своей воли, потому что просто невозможно было не улыбнуться в ответ.

— Думаю, мы можем оказать вам еще большую честь. Да, дорогая? Как тебе кажется, леди Аделина могла бы занять место твоей верной фрейлины? Мне кажется, вы могли бы подружиться, — с каким-то зловещим энтузиазмом произнес будущий император.

Я потеряла дар речи.

Фрейлиной? Остаться при дворе? Это не входило в мои планы. Никогда я не собиралась взлетать так высоко. Слишком больно будет падать.

— Ваше Величество... — попытался возразить Эгар. — Это такая честь. Вы уверены...

— Вы сомневаетесь в моих решениях, лорд Пехто? — спросил мужчина холодно, с нажимом.

— Никак нет, Ваше Величество.

— Тогда решено. Дорогая, мы встретимся чуть позже, — подтолкнул будущий император к выходу свою невесту, которая просто была лишена права голоса, несмотря на то, что вопрос все-таки прозвучал.

Она не дрогнула. Улыбка ее не сошла. Сделав книксен, она с тем же благодушием вышла из кабинета, с каким явилась сюда, но ее мысли, увы, я прочесть не могла. Только что меня буквально навязали ей без ее на то желания. Навряд ли я была ей так уж сильно нужна, но кто бы нас спрашивал.

Дверь закрылась, а мы вновь получили разрешение присесть.

— Ваше Величество, мы вам так благодарны... — начала было матушка.

Но будущий император ее вновь перебил:

— Не стоит. Тем более что я сделал это с вполне определенными крамольными мыслями. Ваша падчерица, леди Физеда, останется здесь во дворце под моей личной протекцией. Ваши сыновья будут зачислены в лучший отряд, сформированный на территории военной академии. И за все это я хочу получить лишь одну маленькую услугу.

— Все что угодно, — с готовностью так опрометчиво согласилась матушка.

— Другого ответа от вас я и не ожидал. Сегодня же вам предоставят лодку, на которой вы переправитесь в Реверонг. Мои гвардейцы будут страховать вас издали на случай, если идея леди Аделины все-таки не принесет успеха. Если же вам удастся попасть в Реверонг... Впрочем, это мы обговорим уже наедине.

Нас просто выставили за дверь, не желая посвящать в подробности. Мы ожидали матушку в секретарской, где нам любезно предложили выпить отвару, но насчет интриг императора я обманываться не желала. Прекрасно осознавала, что леди Пехто попросту придется шпионить для Шагдараха. Как она будет пересылать отчеты? А черт его знает. Много ли поведает сейчас наедине из того, что я рассказала ей? Скорее всего, все. И меня это нисколько не радовало.

— Разрешите поздравить вас со столь высоким назначением, — сухо проговорил Эгар, обращаясь словно и не ко мне, как если бы я была пустым местом. — Ваши таланты оценили по достоинству.

— Вы так считаете? — огрызнулась я, злясь не столько на сводного брата, сколько на всю ситуацию в целом.

— Определенно. Вы разве не рады?

— Как я могу быть не рада? — уклонилась я от ответа.

— Это большая честь, — едва слышно произнес Дейрид сквозь с силой стиснутые зубы. — Нужно было с самого начала возвращаться обратно. Но нет, Эгар ведь лучше знает!

— Дорогой братец, мне кажется или вы желаете меня в чем-то обвинить?

Ответить Дейрид не успел, хоть и собирался наверняка высказать брату все, что о нем думает. Дверь кабинета открылась, вынуждая нас всех подняться, но вышедшая женщина сейчас мало походила на блистательную леди Физеду Пехто. Матушка была бледна и едва держалась на ногах.

— Все хорошо, — кивнула она мне с каким-то неотвратимым отчаянием. — Все будет хорошо.

Весь оставшийся вечер мы с матушкой объезжали самые модные салоны для того, чтобы подобрать мне новые наряды из уже готовых и выставленных на продажу. Коробки с обувью и аксессуарами тоже заняли свое место в карете, как и белье, косметика, духи и всякие мелочи, что должны были порадовать неискушенную девичью душу. Только отчего-то все это меня совсем не радовало.

Не радовало, потому что я получила подтверждение своим догадкам. Леди Физеда действительно должна была стать шпионкой. Отсылать донесения каждый вечер — вот ее обязанности на ближайшие месяцы. Каким образом, учитывая защитный барьер, которым теперь обнесен Реверонг?

Все просто.

Будущий император великой империи нашел решение и этого вопроса. Горы. Всего лишь горы, что отрезают Реверонг от океана. Внутри острова магия по-прежнему функционировала, а потому леди Пехто запросто могла перенестись в горы — на самую верхнюю точку, что стояла куда выше защитного барьера. Именно оттуда она сможет воспользоваться магической шкатулкой.

Во всей этой истории меня радовало лишь то, что маги воздуха не умеют летать так высоко, иначе бы они уже захватили Реверонг, а пока... Я всего лишь стала заложницей императора.

— Все будет хорошо, — повторяла леди Физеда, когда мы провожали взглядом карету, что увозила моих сводных братьев в военную академию. — Все будет хорошо, — говорила она мне, смахивая со щек непрошенные слезы.

— Все будет хорошо, — отвечала я ей, отправляясь в императорский дворец.

Отвечала, но нисколько не верила в свои слова.

Глава 5. То, что кажется безумием, чаще всего и является правдой

Аделина.

Карета остановилась прямо перед центральным входом. Кучер учтиво открыл передо мной дверцу и помог спуститься, но ему явно передалась моя дрожь. Что уж скрывать, мне действительно было страшно. Впереди неизвестность, а позади — взорваны все мосты. Я даже сбежать отсюда навряд ли смогу, потому что это самым негативным образом отразится на моей семье. А отказаться... От милости монарха никто не имеет права отказаться.

В этот раз дворец представился мне не величественным строением, а мрачным серым зданием. Ночь уже плотно обосновалась в небе, заняла границы над обоими материками и отбросила зловещие тени на дворец. От него буквально тянуло холодом, сыростью подземелий, чернотой. Казалось, что я иду на казнь или добровольно направляюсь в логово зверя. Ноги налились свинцом, а пальцы мелко подрагивали, придерживая подол нарядного платья. Его, как и все остальное, для меня выбрала Физеда.

Ступеньки завершились слишком быстро. Еще несколько шагов, и придворные служители открыли передо мной тяжелые двустворчатые двери, предлагая ступить во дворец. Внутренне я изо всех сил сопротивлялась этому, но на деле же спокойно шла вперед, стараясь держать свои эмоции под контролем и с достоинством принять свою участь, что многим могла бы показаться завидной.

— Добрый вечер. Леди Пехто, не так ли? Лорд Барх, один из придворных министров, — коротко кивнул мне грузный мужчина, чьи волосы уже тронула седина. — Прошу следовать за мной.

Я поднималась за мужчиной по лестнице, тогда как на три шага от нас отставал придворный служитель. Ему была оказана честь нести мои тяжелые сумки и коробки с шляпками и обувью. Именно ими молодой человек и был увешан сверху донизу.

К моему удивлению, мы не остановились на втором этаже, где по обыкновению жили гости и придворные. Министр поднимался выше, чтобы в итоге обернуться в холле третьего этажа — на перекрестке трех коридоров. Я прекрасно помнила из истории, что третий этаж всегда принадлежал королевской семье. Одно крыло было в личном распоряжении монаршей особы, второе — его супруги, а третье — их ближайших родственников.

— Этот этаж полностью принадлежит императорской семье, — произнес министр то, что я и так уже вспомнила.

Все ждала, когда мужчина вновь предложит мне спуститься вниз на второй этаж, но он направился дальше к одной из трех дверей. Служители учтиво открыли для нас резные створки и замерли в ожидании вместе с министром.

— Вы будете жить здесь, — огорошил он меня, а я вдруг осознала, что вообще ничего не понимаю.

— Как здесь? Разве фрейлинам Ее Величества не положено проживать вместе с остальными придворными? — спросила я, не делая и шага по направлению к раскрытой створке.

— Простите, но этот вопрос вне моей компетенции. У леди Соун пока еще нет придворного штата, а я получил четкое распоряжение поселить вас именно здесь.

Я не хотела задерживать лорда Барха, а потому поплелась вслед за ним по коридору, остро ощущая привкус обреченности. Если будущая императрица еще не имеет придворного штата, мне как единственной ее фрейлине наверняка придется исполнять все ее указания. Учитывая это, проживание в крыле леди Соун вполне логично и оправданно, но проблема в том, что я и понятия не имею, что входит в мои обязанности.

— За этой дверью личный кабинет, — указал мужчина мне на первую створку. — Здесь — зал для занятий, — кивнул он на вторую. — За этой дверью гостиная, а вот тут вы найдете малую столовую. Следом идут ваши комнаты, состоящие из уборной, гардеробной, гостиной и спальни, и... Покои Его Величества. Все эти комнаты являются анфиладными, — подытожил министр, останавливаясь у двери, что, по его словам, вела в мои личные покои.

— Прошу прощения, но вы оговорились, — улыбнулась я, заметив нестыковку в словах мужчины. — Вы сказали, что здесь находятся покои Его Величества...

— Все верно, я сказал именно то, что хотел, — кивнул министр, а служитель, что все это время шел за нами, распахнул передо мной двери и поклонился, вновь беря в руки мои сумки.

— Нееет, — покачала я головой, продолжая улыбаться. — Это какая-то ошибка. Меня назначили

фрейлиной Ее Величества.

Но министр будто и не слышал моих слов:

— Добро пожаловать во дворец. Сегодня вам разрешено прийти в себя, а уже завтра вы должны приступить к своим обязанностям. Вы действительно назначены на должность пока что единственной официальной фрейлины Ее Величества, а значит, рано утром должны быть в ее покоях. Они находятся в крыле напротив. Думаю, вы не заблудитесь. Доброй ночи.

Министр еще раз коротко кивнул мне, но в этом жесте я видела обидную насмешку. Провожала его спину недоуменным взглядом, не желая признавать то, что произошло. Решения императора обсуждению не подлежат, но здесь явно произошла какая-то досадная ошибка. Недоразумение, за которое придворному министру еще будет стыдно.

Служитель уже занес мои вещи в покои, но так и продолжал стоять рядом со мной, ожидая следующего приказа. В отчаянии оборачивалась на роскошные комнаты, чтобы уже в следующие мгновения смотреть в самый конец коридора, ведущий в общий холл. Я была растеряна, поставлена в самое неловкое положение из всех возможных, да попросту раздавлена, потому что именно сейчас меня натурально унизили.

Унизили, приравняв к фаворитке монарха.

— Мне положена личная служанка? — нервно поинтересовалась я у служителя, что изображал статуя последние пятнадцать минут моего отчаяния.

— Как и всем придворным чинам во дворце, — ответил он с готовностью. — Мне найти ее, Ваша Светлость?

Я замешкалась. Так и порывалась пойти напрямиком к будущей императрице, но имела ли я на это право? Мне четко дали понять, что до завтра монаршая особа меня видеть не желает. Но ведь это ошибка! Это действительно ошибка!

— Найдите ее и скажите, чтобы ждала меня здесь, — все-таки решилась я, понимая, что просто не должна терпеть такое.

Если будущий император узнает, что министр поселил меня в его крыле, он наверняка будет недоволен. Не хотелось бы впасть в немилость в первый же день своего нахождения при дворе. Да и леди Соун навряд ли обрадуется, узнав, что у императора перед коронацией появилась «фаворитка». Это ведь скандал, и я во что бы то ни стало обязана его предотвратить!

Служитель уже испарился, а я с некой несвойственной мне осторожностью ступала по коридору, чтобы достигнуть двустворчатой двери. Боялась, что сейчас из какой-нибудь из комнат выйдет сам будущий император и застигнет меня на месте преступления. Хорошо, если просто посмеется над ошибкой министра. Плохо, если все остальное.

Служители, что стояли по эту сторону коридора, открыли для меня створки, и я беспрепятственно вышла в центральный холл второго этажа, чтобы замереть перед следующей — такой же дверью. Одна часть меня искренне желала разобраться в произошедшем, тогда как вторая подначивала трусливо сбежать. Мне не хотелось доставлять проблемы будущей императрице, но и других вариантов не было. Выше придворного министра, насколько мне известно, были только монархи.

— Где сейчас Ее Величество? — спросила я у служителей, что стояли внутри коридора, как две капли воды похожего на предыдущий.

Никто из мужчин не успел мне ответить. Впереди послышался девичий смех, и исходил он от самой ближайшей двери. К ней-то я спешно и направилась, чтобы неуверенно постучать и попросить позволения войти. Но тоже не успела. Створка открылась сама собой, а я так и замерла с поднятой вверх рукой.

Пришлось неловко присесть в реверансе прямо на пороге гостиной под взглядом не только будущей императрицы, но и дам, что находились в этой комнате вместе с ней.

— Леди Пехто? Вы уже приехали? Я ожидала увидеть вас только к утру, — услышала я звонкий голос леди Соун, но взгляда не поднимала. — Вы можете подняться.

Выпрямившись, я невольно огляделась по сторонам. Роскошь в интерьере поражала, приковывала взор обилием золота в отделке. Красиво — не спору, но для меня это было в новинку. Слепило глаза и вызывало недоумение.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — запоздало ответила я.

— Несмотря на то, что ваше появление для меня оказалось сюрпризом, я рада вас видеть. Присаживайтесь рядом со мной и расскажите мне, всем ли вы довольны?

— Я...

Да я просто не ожидала такого радушного приема. После некоторой заминки я все-таки присела в предложенное мне кресло, но правильных слов так подобрать и не смогла, а потому обратилась так, как сумела:

— Не сочтите за дерзость, Ваше Величество, но мне необходимо поговорить с вами наедине, — прошептала я, мысленно собираясь с силами.

— У меня нет тайн от своих подруг, — рассмеялась она, и три девушки вторили ее смеху. Я растерялась окончательно, не зная, как мне быть. Вслух такое при посторонних точно не скажешь. — Конечно, если у вас что-то личное... Ароли, Берта, Жевона, оставьте нас ненадолго.

Гулко выдохнув, я с благодарностью посмотрела на будущую императрицу. Она с улыбкой провожала своих подруг взглядом и, едва дверь за ними закрылась, вновь перевела свой взор на меня.

— Кофе? — спросила она гостеприимно, будто мы весь вечер только и делали, что вели светские беседы.

— Если можно, — кивнула я, чувствуя себя до невозможности неловко.

Она в полнейшей тишине разливала горький напиток по маленьким чашечкам из белого фарфора, а я придумывала, как бы начать эту неприятную беседу.

— Итак, что же у вас случилось? — подтолкнула она меня к откровениям, забирая со столика и блюдце, и чашечку.

Терпкий запах кофе разнесся по комнате, заполняя собой все свободное пространство. Жадно вдохнув аромат любимого напитка, я с сожалением посмотрела на чашку. Определенно, брать ее в руки не стоит. Слишком уж от волнения трясутся мои пальцы — не удержу.

— Во-первых, я хотела бы выразить вам благодарность за назначение. Это честь лично для меня и для нашей семьи... — начала было я выдавать заготовленные предложения, выражая уважение и благодарность.

Но будущая императрица, усмехнувшись, перебила меня:

— Аделина, дорогая, прекратите ходить вокруг да около, — отрезала она.

Теперь я еще больше была растеряна. Казалось, во взгляде девушки... Нет, женщины! Читалась злость и неприкрытая стервозность, что так присуща молодым аристократкам. Она выглядела уставшей и какой-то... Взрослее, чем есть на самом деле. Совсем не та девчонка, что предстала передо мной в кабинете будущего императора.

Это напугало. Такая разительная перемена напугала.

— Прекратите трястись, — приказала она зло. И да, это был именно приказ. — Что произошло?

— Министр встретил меня и проводил в выделенные мне покои, — ответила я пусто.

В какой-то момент я просто перестала бояться. Эмоции схлынули, оставляя после себя лишь отражение той злости, в которую меня буквально окунули. Я ведь ничего не сделала, чтобы получить к себе такое отношение.

— И? — в голосе ярко звенело нетерпение.

— Эти покои находятся в крыле Его Величества.

За одну секунду в моей голове пролетели сотни мыслей, сотни вариантов дальнейшего развития событий. Я ждала всего, чего угодно, от истерики до разбирательств с министром, но в ответ услышала безжалостное и безразличное:

— И что вас не устраивает? Вы думали, что Дамиан взял вас под свою протекцию просто так?

Я молчала.

Я молчала, пытаясь собрать воедино разбредающиеся детали этой головоломки. Не желала понимать. Не желала принимать то, что будущая императрица хотела донести до меня со злой

улыбкой на губах. Этого не может быть. Только не со мной.

— Ох, дорогая! — воскликнула она удивленно. — Да вы наивны, как дитя! Неужели там, в кабинете Дамиана, вы не заметили, как он смотрел на вас? Он буквально пожирал вас глазами. Вы не видели?

— Нет, — ответила я шепотом. Обреченно, жалко, безжизненно.

Мне еще долго слышался громкий залиvistый смех леди Соун.

Глава 6. Чем выше ставки, тем опаснее становятся союзники и предприимчивее враги

Аделина.

Казалось, что голова моя вообще перестала работать. Я плыла, словно в тумане, и не видела в этом мареве ничего и никого. Передо мной открывали двери, а я с трудом соображала, что происходит вокруг. Совсем не помнила, как добрела до выделенных мне покоев. Увидев служанку, даже не услышала, что она произнесла. Только обреченно села на диванчик — хорошо, что не мимо. Осматривала комнату, но перед взором все расплывалось. Ярким пятном выделились мои сумки и коробки, что так и стояли на полу в гостиной.

И именно за них я и уцепилась.

Слишком резко выплыла, осознавая, что мне срочно нужно бежать. Брать с собой самый минимум и переноситься сначала к академии за братьями, а потом прямо к берегу Герхтара, чтобы уже оттуда сесть на лодку до Реверонга. Даст Всевышний, мачеха к тому времени уже будет переправляться, и тогда у будущего императора не останется рычагов давления на нашу семью.

— Ваша Светлость, вы будете читать письмо? — обратилась ко мне служанка, стоя с протянутой рукой.

На подносе, который она держала, лежали конверт, два бархатных мешочка — красный и синий — и две золотые броши. Первая — в форме цветка и с черными камнями. Вторая — в форме туфельки и с красными камнями. Я несказанно удивилась, увидев все это богатство. Почему-то мне показалось, что служанка задает мне этот вопрос не впервые, да и с протянутой рукой стоит уже давно.

— От кого все это? — спросила я, с опаской поглядывая на предложенное мне богатство.

— Не могу знать, Ваша Светлость. Поднос доставил сюда один из служителей, — ответила девушка, продолжая удерживать передо мной чью-то очень плохую шутку.

Взяв письмо и ножечек с подноса, я одним движением открыла конверт, что не имел никаких опознавательных знаков. Вытащив сложенное послание, раскрыла его и начала читать, с каждым словом все больше и больше погружаясь... Нет, не в отчаяние. В ненависть.

«Добрый вечер, прекрасная леди.

Я надеюсь, что вам понравились выделенные вам покои. Но даже если нет, вы всегда можете переделать их под свой вкус.

Кроме этого письма вам должны были передать красный бархатный мешочек с вашим жалованием на этот месяц в качестве фрейлины Оливии и еще один, синий, если вы согласитесь стать моей фавориткой. Выбор за вами, моя прелесть. Вам оказана невероятная честь, и я тешу себя надеждой, что вы сделаете правильный выбор. Несомненно, вы должны оценить мое великодушие, ведь право выбора дается далеко не каждому.

Брошка в виде туфельки вам не нужна, но цветок... Издавна этот ядовитый цветок является священным для моего рода. Он олицетворяет красоту и женское коварство. Немало прелестниц пленили сердца моих предков, и я не стал исключением. Эта брошка по праву принадлежит вам, и я желаю, чтобы она была на вас завтра, когда вы будете присутствовать на коронации и моей свадьбе.

Делайте свой выбор, моя прелесть. Остальное прикажите отправить мне через служителя. Я хочу увидеть на подносе одинокую туфельку.

Нежно целую ваши пальчики. Д.»

Я чуть не выронила листок, но, стиснув зубы, перечитала послание еще раз, чтобы точно быть уверенной в каждом слове. Мне предлагали немыслимое: стать фавориткой императора, который только завтра взойдет на престол. Стать фавориткой императора, который завтра женится. Стать фавориткой императора, а значит, отдать ему на растерзание свою честь, свою гордость, свою жизнь.

Нет, я не была наивной. Прекрасно знала, чем занимается фаворитка. В ее прямые обязанности входит всячески развлекать монарха: сопровождать его на обедах, быть с ним в любое время дня и ночи, но самое главное — по первому требованию ложиться с ним в постель. И не только в постель.

Рабыней, продажной женщиной с улицы желтых огней, признанной официально и на весь свет, — вот кем мне предлагали стать. Чтобы чуть позже выйти замуж за того, кого мне подберет

император. Да я ведь даже не подданная Шагдараха! Не подданная империи!

— Ваша Светлость, что с вами? Вам плохо? — обратилась ко мне служанка, с опаской поглядывая на смеющуюся меня.

— Мне? — спросила я, остро ощущая подступающую истерику. — Я в порядке. Не обращайтесь внимания.

Но чего было не отнять у будущего императора, так это благородства. Я много разного слышала о нем. Чаще всего о наследном принце Шагдараха рассказывали страшные вещи. Говорили, что он не знает, что такое честь, достоинство, благородство, но все оказалось лучше, а потому я хоть немного, но воспряла духом, собираясь вежливо отказаться от такой сомнительной чести.

Если мне нельзя совсем уехать из дворца, то хотя бы разрешено выбрать между фавориткой и фрейлиной. И я по-настоящему была благодарна за это, потому что губить свою судьбу не желала ни за какие богатства и привилегии.

— Мне нужны листок и перо, — обратилась я к служанке, что так и стояла рядом. — И поставь уже на столик этот поднос.

Не меньше десяти минут я пыталась корректно сформулировать свой отказ, не забывая поблагодарить и за возможность выбрать, и за оказанную честь, и за выделенные мне покои, которые мне придется сменить в самое ближайшее время. Понимала, что будущий император уверен в моем согласии — только полная дура откажется от открывшихся перед ней возможностей, но эта унижительная ответственность точно не для меня.

— Отдай одному из служителей, что стоит в коридоре, — передала я поднос с запечатанным конвертом без подписи, брошью в виде цветка и синим бархатным мешочком. — И... Как твое имя?

— Гела, Ваша Светлость, — поклонилась девушка, а я только обратила внимание на ее темные волосы, убранные в пучок, и строгое черное платье, что полностью скрывало ее тело.

На этих размышлениях и зависла, не заметив, как она вернулась обратно.

— Приготовить вам ванну? — спросила она.

Я уже хотела было ответить, что в этом нет необходимости, потому что мне должны выделить совсем другую комнату и вот там...

Не успела. В дверь постучали, и я кивнула, чтобы девушка открыла. Новое письмо на подносе привело меня в замешательство, но еще большее удивление вызвали вернувшиеся мешочек и брошка.

В отличие от предыдущего послания, почерк был размашистым и каким-то нервным, будто писал совсем другой человек.

«Отказ не принимается. Я давал вам возможность сделать этот выбор самостоятельно, но вы не воспользовались ей. Выбора у вас больше нет.»

Вы — моя фаворитка, и это приказ».

Подписи не было, как не было и ни капли уважения, понимания и благородства. Ощувив такое явное облегчение, я вновь испытала бурю эмоций, что слились в одну-единственную — пока еще злость, но совсем скоро отчетливую ненависть. Он не имел никакого права мне приказывать, а я...

Я не обязана подчиняться. Все это зашло слишком далеко. Ни о какой помощи, ни о каком сотрудничестве в таком ключе не может быть и речи.

Я больше не подбирала слов. Больше не думала над тем, что пишу. Лишь несколько предложений:

«Вы не мой император. Вы не имеете права мне приказывать. Я сейчас же покину дворец. Благодарю за оказанную честь».

Служанка вышла, а я тут же схватила свои сумки и попыталась призвать Темный дар, но тщетно... Сила отзывалась, однако переместиться я не могла, хоть и пробовала в разные места, не только на центральную площадь Шагдараха.

— Вот Тьма! — воскликнула я, бросая сумки. Скорее всего, все перемещения по империи тоже перекрыли во избежание появления здесь шпионов из Реверонга. Придется идти длинным путем.

Реалистично смотрела на происходящее, а потому схватила только одну сумку, в которой лежало все самое ценное. С двумя мне далеко пешком не уйти.

— Вы куда? — удивленно спросила девушка, едва я столкнулась с ней в коридоре.

— Скоро вернусь! — отмахнулась я от нее.

Я бежала по коридору, лестницам и холлу. Служители, как и гвардейцы, провожали меня взглядами, но не выронили ни слова. Выход был так близко — всего лишь в нескольких шагах, когда я услышала тяжелые шаги. Казалось, что человек идет неспешно, но слишком твердо, слишком нервно, слишком нетерпеливо.

— Не рекомендую вам делать то, что вы задумали, леди, — услышала я ледяное за своей спиной. — Мне показалось, что вы любите свою семью.

Я не оборачивалась. Так и замерла, не сделав последний шаг. Он знал, куда бить. Он осознанно делал больно.

— Сейчас ваша мачеха вместе с двумя моими людьми пересекает Веонское море. Им ничего не стоит утопить ее по моему приказу. А ваши братья... Вы любите ваших братьев, леди? В военной академии с ними может произойти все, что угодно. Там очень высокая смертность среди воспитанников, — размышлял он как будто между прочим, но следующие фразы произнес с такой злостью, что я неконтролируемо вздрогнула: — Вернитесь в свои покои и не заставляйте меня демонстрировать свою власть. Гарантирую, вам это не понравится.

Я так и продолжала стоять, даже не оборачиваясь. Слышала, как мужчина поднимается по ступеням. Изо всех сил сдерживала слезы бессилия. Я ненавидела этого человека. Я так сильно ненавидела его, что кулаки сжимались, а ногти впивались в мякоть ладоней, причиняя вполне реальную боль. Он не дожидается от меня отчаяния. Но и подчинения тоже не дожидается.

Шаги пропали. Понимала, что он остановился, так и не достигнув второго этажа. Обжигающие слезы все же скользнули по щекам, а я терпеливо ждала свой приговор. Ведь он унизит меня. Пусть только перед служителями и гвардейцами, но все же унизит. Я так отчетливо это понимала, что не удержалась от нервного смешка, едва мужчина заговорил:

— Я навещу вас сегодня, моя наивность. Имейте это в виду.

Каждый следующий его шаг отбивался будто набатом, стучал вместе с моим сердцем, чей звон становился все тише, спокойнее, размереннее. Отчаяние, что затапливало сознание, схлынуло, потому что, как говорил мой папа, нет ничего невозможного для того, кто действительно сильно чего-то желает и идет к своей цели. Я собиралась поступить именно так.

Шаги давно стихли, а мне ничего не оставалось, как с достоинством, присущим роду Пехто, обернуться и статно направиться к лестнице, чтобы так же величественно подняться по ней на третий этаж, войти в крыло Его Величества и встретить Гелу в выделенных мне покоях.

— Приготовить вам ванну, Ваша Светлость? — испуганно спросила девушка, видимо, понимая все и без моих объяснений.

— Ванну? — переспросила я, ощущая, что голос мой пропитан неуместным сарказмом. — Пожалуй, я бы приняла ванну. Приготовь мне ее и разбери мои вещи, а после ты можешь быть свободна до утра.

— Но разве вам...

— Нет, Гела. Только это и ничего кроме, — оборвала я ее речь, понимая, на что намекает девушка. — Ванну я предпочитаю принимать самостоятельно, как и одеваться.

Я не выходила из уборной до тех пор, пока служанка не покинула мои комнаты. Услышав звук закрывшейся двери, я обернулась простыней и спешно направилась в гардеробную. Одевалась тепло — чулки, брюки, рубашка и жакет с баской, что были куплены вместе с Физедой. В просторной гардеробной я нашла и запасное одеяло с подушками. Их и расстелила под кроватью, изрядно помучившись, ползая по полу, словно змея.

А ночью... Дамиан пришел ко мне ночью, но так и не нашел меня, сколько бы ни пытался. Я лежала под кроватью и отстраненно разглядывала деревянный каркас, пока будущий император в бессильной ярости разносил мои новые покои. Он даже служанку пытал, как и служителей, что не могли ему ничем помочь. И да, он действительно был прав.

Женщины могут быть не только красивыми, но и коварными.

Утром я проснулась от грохота и шума, что разносился по всей спальне. Чуть было не вскрикнула, когда увидела перед собой деревянное полотно. Спросонок не сразу сообразила, где именно нахожусь, но спустя пару секунд вспомнила абсолютно все.

Выбираться из-под кровати было стыдно и как-то неловко. В комнатах явно кто-то был, кого отправили убрать учиненный разъяренным императором бардак. Могла бы дожидаться, пока все уйдут, но правда в том, что от обязанностей своих при дворе я не отказывалась. Император пригрозил расправой моей семье только в том случае, если я покину дворец, но в его словах не было и намека на то, что он совершит обещанное, если я не стану его фавориткой.

И да, он самолично вчера предоставил мне выбор. Я его сделала, а значит, должна была торопиться в покои Ее Величества.

Только я собиралась выбраться из-под кровати, как услышала то, что совсем не предназначалось для моих ушей:

— Смотри, здесь монеты лежат! — раздался шепот. — Целых два мешка! И брошки!

— Не трогай! — строго одернула служанку Гела. Этот голос я запомнила отлично.

— Да кто ж узнает? — спросила первая девушка. — Подумают, что леди эта вместе с собой все утащила. Да и тут за диваном не видно было. Явно Его Величество вчера скинул на пол и даже не заметил. Давай заберем?

— Ты захотела лишиться работы? Не твое — не трогай.

— Да никто не узнает, Гела! Здесь ведь целое состояние! И потом Его Величество так пьян был к утру, что и не вспомнит ни о чем. Ты посмотри, как разнес здесь все! Ничего целехонького не осталось, кроме кровати! А все из-за леди этой. И весь дворец из-за нее перевернули с ног на голову. А убирать все кому? Нам! Так разве ж не достойны мы платы за свои труды?

— Ты мне зубы-то не заговаривай. Убирайся давай.

— Ох, Всевышний! — закричала молоденькая служанка, едва я вместе с подушками и одеялом выползла из-под кровати. — Живая!

— Вена! — прикрикнула на девушку Гела, глядя на меня без какого-либо удивления. — Простите, Ваша Светлость.

— И вам доброго утра, — отряхнулась я, бросая свою ношу на кровать, которая действительно невероятно каким образом уцелела в этом ужасе.

Гостиная полностью была разгромлена, как если бы на нее совершили набег воришки. Комод оказался перевернутым, диван — разрубленным надвое, все вазы — разбитыми на осколки, а цветы — затоптанными.

Кресла — от них остались только деревяшки. Стол — увы, теперь лежал без стеклянной столешницы. Тяжелые портьеры, словно тряпки, свисали вниз, пропуская внутрь сияние рассвета. Я никогда прежде не видела такого разгрома и не представляла, что было бы, если бы этот монстр вчера все-таки нашел меня.

— Ванну, леди? — отвлекла меня от созерцания Гела. Все внутри обмирало от страха, но решительность моя никуда не ушла.

— И побыстрее, — кивнула я, направляясь в сторону уборной. — И платье приготовь мне для торжества.

В спальню я вернулась минут через пятнадцать. Высушив волосы магией, попросила Гелу сделать мне скромную прическу. Темно-синее платье отлично легло по фигуре, хоть и было куплено в готовом виде. Никаких деталей, никаких украшений, никакой краски для лица. Только золотая туфелька, усыпанная зачарованными рубинами. Говорят, эти камни чернеют, когда рядом имеется яд. Никогда раньше мне не доводилось видеть их вблизи, а теперь могла как следует рассмотреть.

Я самолично приколола брошку к груди так, чтобы она была видна даже издалека. Обернувшись в последний раз, еще раз обвела взором разрушенную гостиную. Страх уже засел в груди, прочно обосновался в самой глубине, но отступать было некуда. Война разделила не только материки, но и мою жизнь на до и после.

Служители тоже нисколько не выказали удивления, увидев меня. Возможно, просто не знали о произошедшем этой ночью, потому что мужчины явно сменились. Двери открывались и закрывались. Никто не пытался задержать меня, и я беспрепятственно добралась до комнат будущей императрицы, чтобы с трудом, но все-таки отыскать ее спальню.

— Входите, — раздался бодрый звонкий голос по ту сторону двери, едва я скромно постучала.

— Доброе утро, Ваше Величество, — зашла я в комнату, чтобы сразу же присесть в реверансе.

— Леди Пехто? — воскликнула она удивленно. — Я уже и не надеялась вас здесь увидеть. Поднимитесь и ответьте мне, где же вы были этой ночью?

— Я была в своих комнатах, — ответила я честно.

Девушка сидела на низкой банкетке перед тремя ростовыми зеркалами. Бежевая сорочка едва ли скрывалась за прозрачным халатом, что сейчас был распахнут. В руках она держала еще одно зеркальце — совсем маленькое и круглое — и тряпочку, которую макала в блюде, что стояло на столике.

Услышав мой ответ, она продолжила обтирать свое лицо, но вдруг замерла и вновь обернулась ко мне:

— И это все? Я жажду подробностей, моя дорогая! Дамиан вчера на уши весь дворец поднял. Неужели вам больше нечего мне рассказать?

— Я всю ночь спала под кроватью в выделенных мне комнатах, Ваше Величество. Сейчас покои представляют собой жалкое зрелище. Я была бы вам признательна, если бы вы дали мне разрешение переехать на этаж придворных, — решила я на просьбу, что хоть как-то могла отгородить меня от посягательств императора.

— Я? Леди Пехто, вы в своем уме? Кто я такая, чтобы препятствовать его решениям? Тем более в преддверии коронации, — усмехнулась она, больше не устаивая меня своим вниманием. — Знаете, как говорят? Чем больше женщина кажется недоступной, тем сильнее разжигается страсть. Меньше прячьтесь под кроватью, и тогда, возможно, Дамиан вскоре оставит вас в покое.

— Но я ваша фрейлина, — произнесла я с нажимом. — Мне дали выбор, и я его сделала.

Мое отражение в зеркалах продемонстрировало брошку с рубинами, но будущая императрица на этот жест ответила лишь слегка приподнятой бровью. Я читала в ее взгляде неприкрытую иронию по отношению ко мне. Это было неприятно.

— Вам известно, кто я? — решила я на неслыханное.

— Леди Пехто, представительница старинного рода, — сухо продемонстрировала свою осведомленность девушка.

— Мадмуазель Аделина Рейоро, дочка простого торговца, — ударила я скандальной правдой, вынуждая Оливию недоуменно обернуться, но останавливаться не собиралась: — Я успела перенестись из Реверонга в Шагдарах перед тем, как подняли защитный купол. И я знаю намного больше, чем рассказала Его Величеству, но свои тайны я готова продать за высокую цену. Две тайны — две просьбы, — отчеканила я, а меня буквально трясло от злости.

Отлично понимала, что это скандал. Дочь простого торговца не может быть фрейлиной императрицы. Дочь простого торговца не может стать фавориткой императора. Меня должны бы вышвырнуть отсюда немедленно, но правда в том, что я нахожусь под протекцией Дамиана, а значит, даже Оливия не может пойти против его слова.

Не понимала. Я совсем не понимала, чем настолько сильно зацепила будущего императора. Дурой не была, но ради кратковременной страсти не переверачивают дворец. Должно быть что-то еще... Что-то, что выяснять мне не слишком хотелось. И на сегодняшний день у меня действительно был шанс вернуться в Реверонг. За это заплатят другие, но я всего лишь маленький человек, и мне нет дела до того, что творится там, наверху.

Пусть хоть поубивают друг друга.

— Хорошо. — От прежней иронии не осталось и следа. Сейчас мы разговаривали на равных, и здесь не было леди. Только две молоденькие девушки, что усмехались, поражаясь друг другу. — Рассказывай.

— Не так быстро. Свои тайны я раскрою лишь тогда, когда вы выполните свою часть нашего договора. Первое — вы поможете мне и моим братьям сбежать в Герхтар. Второе — до тех пор, пока мы не доберемся до Герхтара, я под вашей личной защитой.

— Ты ведь понимаешь, что я запросто могу тебя казнить? — проверяла она мои нервы на прочность.

— Тогда вы не узнаете того, что знаю я.

— Пытки? — предложила она, все-таки откладывая зеркальце на столик.

— Я буду молчать, Ваше Величество. Кроме того, не забывайте, что я нахожусь под защитой императора.

— А если я расскажу ему о том, что ты утаила от него важную информацию?

— Я прикинусь дуручкой и повторю все то, что говорила ранее.

— Но как я узнаю, что ты меня сейчас не обманываешь? Для меня это риск, ты ведь понимаешь? — поднялась Оливия, подходя ко мне почти вплотную.

— Вам хочется узнать, как можно попасть в Реверонг? — спросила я, внимательно наблюдая за девушкой.

Всего на секунду взгляд ее зажегся интересом, торжеством, но вот передо мной стоит абсолютно спокойная к моим словам особа. Время тянется слишком медленно, и в тягучем, тяжелом молчании становится неуютно, но я выдерживаю и это, потому что отступать уже действительно некуда.

— Прикажи Ароли, Берте и Жевоне приготовить мой наряд, — в каком-то издевательском жесте поправила Оливия брошку на моем платье. — Моя старшая фрейлина не может заниматься туалетом своей императрицы.

Такого резкого взлета по придворной лестнице я никак не ожидала. Не ожидала, но расслабляться было рано. Я верила в ее заинтересованность, я видела ее реакцию. Да только правда в том, что верить здесь никому нельзя.

Что я делала, пока девушки помогали Оливии подготовиться к торжеству? Сидела в одном из кресел и бессовестно завтракала кашей, проталкивая сладкое варево обжигающим кофе. Сборы заняли не больше двух часов, а потому, когда в покои будущей императрицы постучались, все мы уже были готовы сопроводить ее вниз в центральный холл, где и должны были пройти одна за другой обе церемонии.

Я испытывала страх, когда спускалась по лестницам вниз, придерживая огромный подол алого свадебного платья будущей императрицы. Платье это было расшито зачарованными рубинами и бриллиантами, а потому переливалось, играло на свету, будто было насквозь пропитано волшебством. Красивое зрелище, завораживающее, если бы не одно но. Абсолютно все взгляды были прикованы к нам пятерым. И один взгляд не обещал лично мне ничего хорошего.

Темный, устрашающий, подернутый неприкрытой ненавистью. Дамиан не смотрел на свою невесту. Нет, он смотрел именно на меня, только в мои глаза. Взгляд его всего на секунду оставил меня в покое, чтобы тщательно исследовать мой наряд и найти на нем золотую брошь в форме туфельки.

Казалось, что он готов уничтожить меня прямо сейчас. Забыть о свадьбе и ринуться ко мне... Ударить? Убить? Не знаю. Так смотрит зверь на свою жертву, прежде чем растерзать. Что я могла ему противопоставить? У меня была только моя находчивость, гордость и толика наглости, которую я унаследовала от отца. Почему-то именно сейчас ко мне вдруг пришло осознание того, что Оливия навряд ли сможет мне помочь. Разве что только сама убьет из жалости...

Все слова, все представления пролетели мимо меня. Дальше невесту вел отец, а мы с младшими фрейлинами, как их окрестила Оливия, так и замерли на нижних ступеньках. По всем правилам свадебного обряда старший родственник должен был передать девушку из своей семьи в семью жениха, но даже тогда, когда будущая императрица дошла до служителя храма и Дамиана, мужчина продолжал смотреть на меня.

Неслыханно!

Насмешливые взгляды в мою сторону лишь дразнили, подзадоривали, а я больше всего на свете сейчас хотела трусливо сбежать отсюда. Кто решил, что это мое поле боя? Кто сказал, что я должна на нем погибать?

Служитель храма только было начал свою речь, как Дамиан сошел со своего места и под удивленными взглядами придворных направился напрямик ко мне. Его сжатый кулак в один миг обняли сгустки Тьмы, а я уже приготовилась к тому, что меня казнят прямо на месте. Но нет.

Ладонь раскрылась, чтобы продемонстрировать мне проклятую брошь с заключенной в ней Тьмой. Я стояла, не шелохнувшись, пока будущий император на глазах у всех прикреплял к моему платью украшение, что означало лично для меня очень короткий поводок. Туфельку он снимать не стал. Лишь оценил дело своих рук и, довольно улыбнувшись, совершил совсем уж неподобающее: наклонился ко мне — в опасной близости от моего лица — и прошептал:

— Всегда будет так, как я того пожелаю, моя прелесть.

Мне хотелось бы упасть в обморок, но увы. Ощущала, как краска стыда намертво прилипла к щекам. Повернувшись ко мне спиной, будущий император вернулся обратно к своей невесте и насмешливо кинул служителю храма:

— Продолжайте.

Издевательство.

Я отлично видела, в какой ярости была Оливия. Слишком резкие жесты, слишком высоко поднят подбородок, слишком прямая спина. Не представляла, что теперь делать. Своими молчаливыми действиями Дамиан во всеуслышание объявил о том, что я являюсь его фавориткой, но... Ими же он прилюдно унизил свою будущую жену и императрицу, показывая тем самым придворным, что она здесь никто. А если никто, значит, власти не имеет.

— Все хорошо? — шепотом спросила Ароли — темноволосая девушка с выдающимся профилем. В ее роду наверняка затесались не только выходцы из бездны, но и из пустынь Певерхьера.

— Ничего хорошего, — так же тихо ответила я, не зная, куда девать свой взгляд.

Ощущала дискомфорт оттого, что на меня до сих пор смотрели все, кому не лень. Запоминала каждого, кто сейчас кривовато ухмылялся или шептался. Толком и не знала никого из придворных, но казалось, что кто-то насквозь прожигает меня взглядом. Захотелось нервно почесаться, а я все пыталась понять, откуда это пристальное внимание.

— Ох, Тьма... — произнесла я одними губами, а по коже моей прокатились ледяные мурашки ужаса.

Эти люди стояли чуть в стороне от придворных.

Целая свита с подарками. Гвардейцы и он.

На меня смотрел лорд Ранисах Арокос. И этот взгляд тоже не обещал мне ничего хорошего.

Глава 7. В своих ошибках мы обвиняем кого угодно, но только не себя

Аделина.

Я едва стояла. От страха меня бросило сначала в жар, а потом и в холод. Ощущала, как липкий ужас прокатывается по коже, пеленает учащенно бьющееся сердце, проникает в каждую клеточку тела. С огромным трудом, но я смогла отвернуться, смогла перевести свой взор на пару, к которой сейчас было приковано все внимание. Короткая церемония — всего лишь слова согласия, и нам представляют наследного принца Шагдараха и его принцессу.

Оливия улыбалась — натянуто, ненатурально, неискренне, но тем не менее она улыбалась, получая поздравления сначала от семьи жениха, а потом и ото всех приближенных. Девушки, которых назначили фрейлинами, прошли мимо меня, а я так и осталась стоять на лестнице, просто не имея возможности сдвинуться с места.

Церемониймейстер громкогласно пригласил гостей пройти в тронный зал, и холл постепенно пустел. Дикое, почти непреодолимое желание сбежать вонзалось в мой разум, подталкивало вперед. Понимала, что меня убьют, но не из-за меня же лорд Арокос явился сюда?

Зачем они покинули защищенный Реверонг? Неужели враг все это время действительно был другом? Лорд Арокос — подданный Шагдараха. Мог ли он по договоренности с Его Величеством избавиться от принцессы Жасмин? Но тогда... Зачем он ей помогал? Нееет. Он сам хотел править — другого объяснения у меня нет. Неужели все это было для того, чтобы выйти героем? Героем, который в итоге приведет Реверонг к слиянию с империей.

Я не хотела гадать. Мысли появлялись сами собой. Если лорд Арокос приехал сюда, чтобы подписать договор о слиянии, то вся информация, которой я владею, просто бессмысленна и не имеет цены. Более того, теперь мне предельно ясно, зачем я нужна будущему императору. Я единственная, кто знает о том, что лорд Арокос виновен в смерти принцессы Жасмин.

Гром.

Это было как гром среди ясного неба. Если все это так, то Дамиан навряд ли послал Физеду в Реверонг. Зачем ему это, если он вполне может узнать все из первых рук? Жива ли она на самом деле? Живы ли мои братья или, как и я, стали ненужными пешками в чужой игре?

Я, не скрываясь, следила за тем, как лорд Арокос вместе с гвардейцами подходит к новоиспеченным молодоженам. Как коротко, сухо поздравляет их, даже не пытаясь быть доброжелательным. Его темный взгляд всего на секунду находит меня, когда мужчина поворачивается, чтобы последовать в тронный зал, а меня пронзает ток. Неизвестность — вот самое страшное, что может быть в жизни.

— Аделина? — окликает меня Оливия. В ее голосе слышатся нетерпение и высокомерие. — Вы заставляете нас ждать.

Черный взор Дамиана не обещает супруге ничего хорошего, но я покорно иду к ним, чтобы встать позади пары и взять в руки длинный подол платья. Теперь совсем не понимаю, на чьей стороне мне будет безопаснее. Навряд ли император позволит мне остаться старшей фрейлиной Оливии, но... Она все еще может помочь мне сбежать, тогда как я смогу рассказать ей только то, что и без меня известно императору.

Дико разболелась голова. Возникший сумбур никак не давал мне сосредоточиться. Отсчитывала собственные шаги, пока золотые потоки разливались по телу, излечивая, уничтожая боль. Стало заметно легче, но расслабиться не могла ни на секунду. Дамиан и Оливия опустили на колени перед служителем храма, а я расправила ее платье, чтобы удалиться и встать в нескольких шагах от молодоженов.

Абсолютно все стояли, ожидая, когда служитель храма начнет свою речь. На высоком постаменте для монархов уже установили два трона, что различались только размером. Тремя ступеньками ниже с левой стороны своего часа дожидались три одинаковых кресла с высокими спинками, по правую сторону — три таких же кресла, но с низкими спинками. Больше ни для кого удобств заготовлено не было.

— Обещаю. Да поможет мне в этом Всевышний, — ответил Дамиан.

— Поднимитесь, Ваше Императорское Величество. Отныне вы никогда больше ни перед кем не преклоните колен, — пафосно прозвучал в тяжелой тишине голос служителя храма, а на голову Дамиана водрузили тяжелую корону, усыпанную драгоценными камнями.

Мужчина поднялся и обернулся лицом к залу. Ему на плечи положили объемную мантию, что почти полностью скрыла его тело. В руки он взял поднесенные ему мечи, тогда как Оливия продолжала стоять на коленях. Казалось, что что-то идет не так, потому что спина ее была неестественно прямой, а плечи заметно подрагивали. Волнение? Страх? Злость?

— Преклоните колени перед вашим императором, — произнес Дамиан, преисполненный величием.

Все приглашенные один за другим опускались перед своим повелителем, а я оглядывалась по сторонам, не зная, что делать. Лишь с десятков человек так и продолжали стоять — лорд Арокос и его сопровождение.

— Да здравствует Император Великой Империи! — раздался, как один, хор голосов.

Взглянув на императора, я неизбежно встретилась с ним взором, и промедление обошлось мне слишком дорого. Он давил на меня своей силой. Мечи, что мужчина держал в руках, были объаты чистой Тьмой, и я ощущала эту мощь. Ощущала ту магию, что была заключена в артефактах. Небывалая боль пронзила мою спину, ноги, прокатилась по коже, впиваясь в мышцы. Хотела бы закричать, но голос будто сковало, и я рухнула на колени, не видя, не слыша, не чувствуя ничего, кроме этой агонии, что словно выворачивала не только кости, но и душу.

В воцарившейся тишине мой порывистый вдох облегчения прозвучал непозволительно громко. Голоса вернулись, вернулся свет, вернулся целый мир, в котором мне было отведено свое особое место. Место, в котором я никогда не нуждалась.

— Обещаю, — прокатился по залу звонкий голосок Оливии. — Да поможет мне в этом Всевышний.

— Поднимитесь, Ваше Императорское Величество, — холодно произнес Дамиан, а я наконец смогла взглянуть на происходящее.

Император сам даровал Оливии корону. Сам небрежно накинул на ее плечи мантию. Сам же передал ей два стилета, что по сравнению с его мечами выглядели игрушками. Мне хотелось рассмеяться. Каждое действие Дамиана, каждый его жест, каждый поступок сегодня был обращен на то, чтобы унижить супругу, принизить ее значимость, показать всем, в чьих руках истинная власть. Вторая после императора — ее запомнят именно такой, тогда как на совместной коронации супруги обычно ни в чем не уступают друг другу.

— Поприветствуйте свою императрицу, — приказал Дамиан.

Приветствие вышло особенно громким, что заставило меня поморщиться. Сама я едва ли могла говорить. Голос вернулся, но мне пришлось прокашляться, испытывая вполне реальную боль, что ушла, когда я призвала потоки. Ощущала слабость, поднимаясь на ноги. Кто-то подал мне руку, но я была способна лишь на тихое:

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, — услышала я в ответ.

Сердце мое, что билось испуганно, дико, замерло в один миг, остановилось, а я подняла взгляд на того, кто стал моим добровольным помощником. Темный взор серых глаз пронзал, убивал, проникая в самую глубину. Короткие волосы, длинная челка, уложенная набок.

Вырвав свою руку из его пальцев, я сделала шаг назад, но натолкнулась на одну из леди. Затравленно искала пути отступления и... Не находила. Смотреть на лорда Арокос и дальше просто не могла, а потому обернулась к тронам.

Руки мелко дрожали. Тысячи мыслей пронеслись за какие-то секунды. Ну не убьет же он меня прямо здесь, в самом деле?

— Вы знаете, кто я? — спросил он совсем тихо, так же, как и я, глядя на императорскую чету.

Нестерпимо хотелось сейчас же покинуть зал, но никого пока не отпускали. Проводив супругу на постамент, император представлял всем официальный императорский совет, куда входили бывший король Шагдараха — отец Дамиана, королева Ньенгеха и ее внук — мальчик лет пяти. Они заняли кресла по правую сторону от императора. По левую сторону два места заняли военный министр и министр финансов.

— Вы знаете, кто я, — повторил мужчина утвердительно. — А вы? Кто вы? И почему сбежали при нашей первой встрече?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — ответила я, стараясь выглядеть невозмутимо.

— Все вы прекрасно понимаете. Вы шпионили за мной, верно? Вас послал Дамиан.

Я хотела было возмутиться, но, во-первых, в отличие от лорда, не забывала, где сейчас нахожусь. А во-вторых, к своему удивлению, поймала на себе уничижительный взгляд императора.

Воцарилась тишина. Минуты текли слишком медленно, как если бы время застыло, замерло под его влиянием. Я растерянно смотрела то на императрицу, то на императора. Казалось, Оливия тоже не понимает, что случилось, как и все присутствующие. На меня оборачивались, взгляды скрещивались на мне, вынуждая испытывать стыд. Но стыд не шел ни в какое сравнение с моими последующими эмоциями.

Поднявшись, Дамиан направился напрямик ко мне. Лорды и леди расступались, пропуская императора, тогда как для меня путей отступления просто не было.

Остановившись в нескольких шагах от меня, Дамиан молча подал мне руку. Даже не мигал, пытаюсь разве что не просверлить своим взглядом. Я будто была загнана в самое пекло. Стояла посреди узкого коридора, а с обеих сторон меня поджидали матерые хищники. И у меня был выбор. Действительно был выбор. Я могла сама решить, кто именно из них меня сожрет.

Черные как ночь глаза сузились, а скулы заострились.

— Мое терпение подходит к концу, — произнес он сквозь стиснутые зубы.

И я дрогнула. Вложила свои пальцы в его ладонь, делая робкий шаг вперед. Потому что мне не хотелось больше испытывать боль. Гордость не поможет — этот урок сегодня я усвоила на отлично.

Самодовольная улыбка окрасила губы мужчины. Он величественно шел по образовавшемуся коридору, а я ступала рядом, не имея права отказаться.

— Мы — император Дамиан, провозглашаем леди Аделину Пехто нашей фавориткой и даруем ей Неожские земли, как и титул леди Неож, — громогласно произнес он, останавливаясь у постамента и заставляя меня обернуться.

Ненависть клокотала где-то в глубине, а я чинно шествовала к свободному креслу под руку с императором. Не понимала, зачем было объявлять мой статус, тогда как все и без того видели мое назначение своими глазами. Мне дали титул — личный, мой, такой, какой никто не посмеет оспорить.

Теперь я едва ли принадлежала семейству Пехто, но совершенно точно стала подданной империи. Ощущала себя ничего не понимающей марионеткой, но, когда Дамиан, помогая мне присесть, интимно прикоснулся губами к тыльной стороне моей ладони, я уже сгорала от стыда, больше всего на свете желая провалиться сквозь землю.

Весь остальной день до самого вечера слился для меня в калейдоскоп картинок, в какофонию звуков. Каждый первый считал своим долгом подойти ко мне и познакомиться, выразить свою радость, поздравить с назначением. Едва ли императрица была столь же популярна в этот день, но чего у нее не отнять, так это достоинства, с которым она выдержала абсолютно все, что свалилось на нее.

После длительной прогулки по столице и возложения цветов к центральному фонтану, что отныне был признан местом скорби по погибшим в войне между Пeverхьером и Шагдарахом, длинная процессия побывала у военной академии, переименовав ее в императорскую. Я силилась найти среди воспитанников, выстроившихся перед императором, своих сводных братьев, но поиски мои были тщетны. К моменту возвращения во дворец ноги меня уже не держали, но посидеть хоть несколько минут было некогда.

Императрица удалилась наверх, чтобы переодеться перед празднеством, и я была вынуждена последовать за ней, хоть и сделала это по своему собственному желанию. Она ни с кем не разговаривала до тех пор, пока мы не вошли в ее покои.

— Дрянь! — бросила она, резко обернувшись. Щеку обожгло, а я пошатнулась, недоумевая. Металлический привкус коснулся языка. Шокированно взглянув на свои пальцы, я увидела кровь. — Какая же ты дрянь!

Глава 8. Танец — это маленькая война

Аделина.

Вторая пощечина показалась мне сильнее предыдущей, но я так и продолжала нерушимо стоять, ожидая, пока приступ агрессии закончится. Кулаки Оливии сжимались — костяшки пальцев побелели, но лицо ее, наоборот, покрылось красными пятнами.

Я была готова выдержать и новые удары, хоть вины моей во всем произошедшем не имелось, но девушка вдруг устало опустилась на колени и закрыла свое лицо ладонями. Плечи ее содрогались, но я не слышала ни всхлипа.

— Все вон, — прошептала, а мы с фрейлинами так и продолжали растерянно стоять рядом. — Все вон! — закричала она разъяренно.

Ароли, Берта и Жевона сорвались с места, ловко прошмыгнули мимо меня, осторожно прикрыв за собой дверь, но я оставить девушку в таком состоянии просто не могла. Несмотря на причиненный мне вред, я ее понимала. Я понимала и ее злость, и ее гнев, и ее ненависть, и то чувство беспомощности, что окутывало ее, давило на плечи.

Присев с ней рядом прямо на пол, я осторожно коснулась ее руки.

— Убирайся! — вновь воскликнула она, глядя на меня так, будто прямо сейчас собиралась уничтожить, задушить собственными руками.

— И вам станет легче? — спросила я совершенно серьезно.

— Нет, — тихо ответила Оливия и ненадолго замолчала. — Наверное, мне никогда не станет легче. Он унизил меня. Нарочно растоптал меня перед сотнями взглядов. Будь это ты или любая другая, он все равно бы сделал по-своему. Ему даже на совет наплевать...

— Вы имеете в виду императорский совет?

Тяжело вздохнув, девушка поднялась, чтобы устало присесть в одно из кресел. Я не дожидаясь ее позволения. Подал ей стакан с водой, заняла свободное кресло, показывая тем самым, что все мое внимание принадлежит именно ей.

— Да, я имею в виду именно императорский совет. Все должно было быть совсем не так.

— Вы не хотели выходить за него замуж? — поинтересовалась я, с благодарностью принимая белый платок. Рана уже зажила, но кровь все еще оставалась на губах.

— Не будь наивной, — зло усмехнулась она. — Чем древнее род, тем строже традиции. Никого никогда не волновало, чего хочу именно я, но замуж я должна была выйти не за Дамиана. Ему в супруги готовили наследную принцессу Реверонга, но, видимо, она разглядела, какой он мерзавец на самом деле, раз успела сбежать.

— Насколько мне известно, она не противилась браку как таковому. Она не желала объединяться с империей, потому что народ Реверонга ждала та же участь, что и певехьерцев, — объяснила я.

— Значит, она была куда умнее, — грустно улыбнулась девушка. — Моим же супругом должен был стать старший брат Дамиана — лорд Дебуа.

— Но разве вы не могли отказаться? Ну, не знаю... Выйти замуж за того, за кого собирались?

— Не все так просто, Аделина. Этим утром я все еще надеялась на то, что Драйян одумается, вернется и станет императором. Мой отец соглашался не на брак. Он соглашался на статус императрицы для меня, и поверь, ему наплевать на то, кто будет в роли моего супруга, если наша семья в итоге добьется реальной власти. Наш род очень древний. Мой предок был одним из выходцев бездны, но в свое время отказался возглавить Шагдарах, уступив место своему другу. Для моей семьи мой брак с императором — это исправление ошибок прошлого, — сухо проговорила Оливия, снова вытягиваясь струной, будто здесь и сейчас боялась сломаться.

— Я сожалею, — только и могла я произнести.

— А я нет, — вновь усмехнулась она ожесточенно. — Драйян не вернется — об этом Его Императорскому Величеству поведал лорд Арокос, который посмел приехать на торжество. Глупец! Пес! Он надеется заключить мир, представляя интересы Реверонга, но Дамиан не Драйян. Он разотрет Реверонг в порошок. Наследная принцесса мертва, а король слишком запуган, чтобы

попытаться продолжить войну.

Я промолчала. Могла бы возразить, но промолчала. По всему выходило, что Оливии уготована далеко не последняя роль в управлении империей. Для красивой ширмы она слишком много знает, но Дамиан попытался максимально опустить ее в глазах подданных. Создавалось ощущение, что он ведет какую-то свою, другую игру, не собираясь прислушиваться ни к совету, ни к супруге. Возможно, сегодня была совершена самая большая ошибка, что дорого обойдется целой империи. Возможно, но меня политика не волновала. Меня волновала собственная жизнь.

— Наш договор. Зачем он вам? — поинтересовалась я, понимая, что сейчас мне просто необходимо выяснить как можно больше.

— Дерзиеишь... — с шальной улыбкой протянула императрица.

— Хочу понять, могу ли я вам верить, — ответила честно.

— Хорошо. Но и я хочу быть уверена в том, что мы играем на одной стороне, — резко поднялась она, чтобы подойти к столику, на котором рядом с горкой писем лежал небольшой, но острый ножичек.

Лезвие сверкнуло, едва Оливия обернулась, но я несколько не испугалась. Проткнув кожу на пальце, она передала мне лезвие, и я проделала то же самое, прекрасно осознавая, на что подписываюсь.

— Клянусь ни словом, ни делом не вредить леди Аделине Неож, бывшей леди Пехто, урожденной мадмуазель Рейоро до тех пор, пока не помогу ей покинуть дворец. Клянусь действовать ей во благо и в ее интересах до тех пор, пока не помогу ей покинуть дворец. Клянусь никогда никому не рассказывать о нашей клятве, — уверенно произнесла она.

Сейчас нельзя было ничего спрашивать. Нельзя было говорить ни одного лишнего слова, потому что темная магия уже начала свое действие. Капелька крови, что выступила на ее пальце, взмыла вверх и замерла, ожидая, когда и вторая сторона произнесет слова клятвы.

— Клянусь ни словом, ни делом не вредить своей императрице Оливии, урожденной леди Соун, до тех пор, пока она не поможет мне покинуть дворец, — проговорила я, больше ничего и не зная о личности этой девушки. Если серьезно, я даже имя рода императора не помнила, хотя когда-то и читала в учебнике истории. — Клянусь действовать ей во благо и в ее интересах до тех пор, пока она не поможет мне покинуть дворец. Клянусь никому не рассказывать о нашей клятве до тех пор, пока она не поможет мне покинуть дворец. — изменила я последнее предложение, перестраховываясь и вызывая тем самым на лице Оливии недовольство.

Капелька крови с моего пальца воспарила над ладонью, чтобы соединиться с абсолютно такой же. Темная магия выскользнула из наших ладоней, окутывая собой красную субстанцию, впитываясь в нее без следа. Всего секунда вечности, и кровь разделяется, падая в наши ладони маленькими гладкими бордовыми камешками.

Вот и все — Тьма приняла наши клятвы.

— Лучше вставить камень в кольцо или кулон, спрятав его рядом с зачарованными рубинами, — хмыкнула Оливия, убирая камешек в шкатулку с драгоценностями. — Ты хотела знать, зачем мне нужен этот договор? Все просто. Несмотря ни на что я останусь императрицей, и этого Дамиан у меня уже не сможет отнять. Императорский совет в лице бывших глав королевств и министров считает, что они смогут контролировать его, но, поверь мне, это не так. Я уже немного знаю его.

— Вы хотите... Избавиться от него? — вдруг дошло до меня, а страх ледяными иглами впился в мою спину.

Я рухнула обратно в кресло, теперь действительно осознавая, на что подписалась. Да он убьет нас обеих, уничтожит, если только прознает об этом. Силу его артефактов я сегодня уже ощутила на себе. А выбора нет. Мне придется помогать ей, если я хочу вернуться обратно домой.

— Напоминаю, что нарушение клятвы карается смертью, — усмехнулась девушка, присаживаясь рядом. — Ты же не думала, что я стану делиться с тобой своими планами, будучи неуверенной в тебе. Ты — то звено цепи, которого мне так не хватало, и это прекрасно, что Дамиан признал тебя своей официальной фавориткой. Вместе мы сможем контролировать его до поры до времени...

— Я не стану его убивать, — ответила я неоспоримо.

Была полностью уверена в своих словах. Если она хочет сделать из меня крайнюю, у нее это не получится, какие бы клятвы я ни давала.

— Я этого и не прошу. Поверь мне, он убьет себя сам, а мы лишь проследим за тем, чтобы это

случилось в самое ближайшее время. Мы будем обмениваться информацией, его планами, его мыслями. Мы вдвоем станем контролировать империю. Мне нужна твоя помощь, раз уж именно тебя он выбрал себе в качестве развлечения. Так докажи же им всем, что ты не кукла. К твоему мнению будут прислушиваться, тебя будут просить посодействовать, и самое главное, ты сможешь влиять на него. Мужчина — голова, но женщина — та самая шея, которая им управляет.

— Вы не понимаете... Я даже не знаю, почему его выбор пал на меня! И он... Я не имею на него влияния. Мы совсем чужие.

— Тебе так кажется, дорогая, потому что ты наивна как дитя и видишь только то, что хочешь видеть. А я вижу вождение, страсть, желание в его взгляде, когда он смотрит на тебя. Твоя задача — удержать его интерес. Только и всего.

— Да я не знаю, как это сделать! — вскочила я, заметавшись по комнате.

— Будь собой. Будь запуганной серой мышкой — у тебя это отлично получается, — довольно улыбнулась Оливия, поднимаясь.

Она статно прошествовала в гардеробную, и мне пришлось последовать за ней, потому что наша беседа еще явно закончена не была. Я помогала ей высвободиться из платья, когда девушка вновь заговорила:

— Для того чтобы удержаться на троне после его смерти, я должна быть на несколько шагов впереди. Именно поэтому мне нужна любая информация о Реверонге. Я не собираюсь воевать с ними, но желаю заключить мир на своих условиях, а для этого мне нужны все возможные рычаги, включая знания о пробелах в их защите. Они станут сговорчивее, когда я надавлю на них. А до тех пор именно мы с тобой станем щитом, барьером между Дамианом и Реверонгом. То же касается и певичерцев. С моей легкой руки этот народ должен получить равные права со всей империей. Заручившись поддержкой подданных, продемонстрировав свои умения и родив наследника, я получу власть в свои руки, и поверь мне, никто не вспомнит о том, что у империи должен быть император. Достаточно будет и императрицы.

— Родив наследника? Сколько это займет? Я на такое не подписывалась, — нервно, рывками зашнуровывала я алое платье, что невесомыми волнами взмывало вверх при каждом движении Оливии.

— Я и не требую. Но твое возвращение в Реверонг — дело не одного дня.

— Не только мое. Мои сводные братья и леди Пехто. Я не знаю, сдержал ли свое слово император. Не знаю, где они сейчас и в добром ли здравии, — прошептала я, с трудом проглатывая тот комок, что встал в горле.

— Узнаем, дорогая. Это совсем нетрудно, — обернулась девушка к зеркалу, поправляя пружинистые локоны, что обрамляли ее лицо. — Но прежде, чем мы спустимся в бальный зал, я хочу знать все то, что уже знает Дамиан.

Наша беседа не продлилась слишком долго. Выяснив для себя все самое важное, я поведала Оливии все то, что уже было известно императору, добавив и информацию о последних перестановках на политической арене Реверонга, раскрыв тем самым, как мне показалось, истинное влияние лорда Арокос на короля. Но императрица не была удивлена.

— Хитрый пес! Ничего другого от него я и не ожидала! — рассмеялась девушка, меняя тонкий гарнитур явно ручной работы на увесистое кольцо, чьи камни отлично подходили под перстень, который Дамиан даровал своей супруге.

— Вы были знакомы раньше? — осторожно спросила я, мысленно ругая себя за излишний интерес к мужчине.

Сердце болезненно сжималось при воспоминаниях о нем, но горечь разочарования сливалась в едином ганде с надеждой и... Страхом. Подсознательно я, к своему удивлению, действительно боялась его, но только лишь потому, что знала, чего ожидать.

— Мы знакомы уже давно, и это знакомство принесло мне только разочарование. Ранисах — один из тех, кто всячески противился моему нахождению рядом с Драйяном. Он ограждал его от моего влияния, не давая мне сблизиться с лордом Дебуа. Лично ему это было невыгодно. Ранисах прекрасно знал, что не останется подле Драйяна, если я выйду за него замуж...

Мне не хотелось верить в то, что лорд Ранисах Арокос такой мерзавец и подлец, но все вокруг говорило об этом. Да и глаза мои лгать не могли. Я по-прежнему молчала о том, что видела на берегу. Против своей воли я стала свидетельницей преступления. Императрице нужен был весомый рычаг, и я обладала такой информацией, но собиралась выдать ее не раньше, чем окажусь на берегу

Герхтара. Или...

О плохом думать не хотелось, но это было неизбежно в сложившейся ситуации.

— Ваше Величество, не могли бы вы сопроводить меня в мои покои, чтобы я могла сменить свой наряд?

— Опасаешься Дамиана? — спросила она шутливо.

— Нет. Я его откровенно боюсь.

Если придворные служители и удивлялись тому, что Ее Величество сопровождала меня в крыло императора, то виду не подавали. С почтением они открывали и закрывали перед нами двери. Нас сопровождали Ароли, Берта и Жевона.

Девушки весело щебетали, развлекая Оливию, как если бы часом ранее не были свидетельницами истерики и скандала. Я нисколько не верила в то, что они являются ее подругами.

С подругами так не разговаривают, да и держались девушки так, будто защищали нас с трех сторон. Казалось, они в любую секунду готовы отразить удар, нападение, и в этих жестах, в этой напускной расслабленности я угадывала руку мастера Еоко.

Мужчина перебрался в Реверонг из Шагдараха несколько лет назад, когда возраст его без утайки можно было назвать почтенным. Мастеру хотелось найти для себя покой на старости лет, но нельзя найти то, что чуждо от природы. Так преподаватель военного искусства и попал Академию Целителей, обучая своих подопечных исключительно искусству защиты. И только я хотела поинтересоваться у девушек, не ошибаюсь ли я в своих предположениях, как дверь, ведущая в спальню императора, открылась.

Я не присела. Я упала в реверансе. Страх воткнулся в спину ледяными иглами, пронзил ноги, что резко ослабил. Воспоминания о раздирающей боли все еще были свежи.

— Ваше Величество, — кокетливо протянула Оливия, вмиг скрываясь за расшитым золотыми нитями веером. — Вы уже готовы?

— А вы шли справиться о моей готовности? — снисходительно мельком взглянул Дамиан на супругу, тогда как взор его остановился на мне.

Пришлось спешно прятать взгляд. Не могла распрямиться без дозволения, как и фрейлины Ее Величества. Да только им стоять вот так было делом привычным, пока все мое тело сотрясала мелкая дрожь.

— Я надеялась встретить вас здесь, — колокольчиком пропела императрица. В ней вновь угадывалась та самая девчонка, что была представлена мне в кабинете и не могла не вызывать симпатию. — Но на самом деле мне было любопытно взглянуть на покои леди Неож. Однако я сделаю это в другой раз, с вашего разрешения. Аделина, милая, не заставляй нас ждать слишком долго.

Гулко выдохнув, я мигом поднялась и юркнула в выделенные мне комнаты. Гела понимала все без слов. Она молча помогла мне переодеть платье, подхватила шпильками выбившиеся пряди, наскоро подобрала удобные туфли из мягкой ткани. На что-то кардинальное не отважилась, но черное одеяние меня полностью устраивало. Правда, выходить из своих комнат я не торопилась.

— Конверт, листок и перо, — скомандовала я девушке, что безропотно выполнила мой приказ. На расшаркивания времени не было, хоть запоздалое чувство вины и ужалило сердце. — Спасибо.

Старалась писать читабельно, но от волнения буквы то и дело сбегали в пляс. Надеялась, что в случае чего Ее Величество сможет разобрать мое послание.

Я опасалась. Действительно опасалась спускаться вниз в бальный зал, потому что у меня имелись все шансы не пережить эту ночь. Не могла прочесть мысли лорда Арокос, как, к сожалению, и Дамиана, а потому готовилась к любому исходу, записывая всю известную мне информацию о трагических событиях в Реверонге.

— Если я не появлюсь дольше трех суток, отдай этот конверт императрице. За его сохранность отвечаешь головой, — сухо произнесла я, передавая Геле послание. — Только если меня не будет дольше трех суток.

Обе броши украсили мое платье, как если бы всегда занимали именно эти места. Вторую прикалывала с особым остервенением, а потому неизбежно уколола палец. Так и выходила в коридор — задумавшись, забывшись, облизывая выступившую капельку крови. Так и предстала

перед темными очами императора.

— Вкусно? — поинтересовался он будто на полном серьезе. Глаза его сузились. Мужчина даже не моргал, отслеживая каждое мое движение.

— Не рекомендую, — нашла я в себе силы ответить, огрызаясь. — Вы когда-нибудь слышали о неизлечимых смертельных недугах?

Император явно был мной недоволен. Я читала обещания муки в каждом его шаге, в каждом взгляде, когда мы спускались вниз по широким лестницам. Императорская чета входила в зал первая, я — на шаг позади императора. Придерживать подол платья Оливии Дамиан мне категорически запретил, а потому мое место позади императрицы заняли три ее фрейлины с секретом. Отчего-то была уверена: они запросто могут всадить пару-тройку клинков в спину монарха.

Бальный зал был украшен и полностью готов к празднеству. Длинная процессия из придворных, казалось, даже не собиралась заканчиваться. Мне было неуютно, неудобно под сотнями взглядов, что хранили в себе абсолютно разные эмоции по отношению ко мне. словно собачонка, я была прикована к императору Великой Империи, вынужденная сидеть в мягком кресле с низкой спинкой по правую сторону от Дамиана. С левой же стороны, совершенно спокойная, возвышалась на своем троне Ее Величество.

Возвеличивая меня в глазах своих подданных, мужчина неизбежно унижал императрицу. И я восхищалась ее стойкостью. Восхищалась улыбкой, беззаботным смехом и нежностью во взгляде. Потому что я так играть не умела. Я ненавидела Дамиана за все унижения, что уже вытерпела с его легкой руки и... Даже не пыталась этого скрыть.

— Дамиан, мне кажется, нам стоит хоть ненадолго отпустить нашу милую леди Неож в зал к гостям, — вдруг звонко рассмеялась Оливия, когда церемониймейстер объявил первый танец, который предстояло открывать венценосным особам. — Уверена, лорды передерутся за ее внимание, желая донести до нее за один короткий танец все свои идеи по усовершенствованию империи. Не только же нам развлекаться...

Мне хотелось застонать. Меньше всего на свете я желала спускаться с пьедестала, на котором, несмотря на пристальное внимание, все же была защищена. Нас окружали гвардейцы Дамиана и фрейлины Оливии, тогда как в зале я оставалась без какой-либо охраны.

А он ждал.

Я видела лорда Арокос среди гостей, но попыталась проигнорировать заинтересованный взгляд. Не раз и не два я ловила на себе его взоры — пристальные, изучающие, любопытные. На дерзость он навряд ли бы осмелился, а потому я и не противилась занимать место на виду у всех.

А теперь была лишена и этого.

Медлила, ожидая, пока император закружит императрицу по залу. Ожидая, пока юнцы и старики найдут себе пару и войдут в круг танцующих. Тянула время, но ступеньки закончились слишком быстро.

Один кавалер. Второй. Третий. Все они стали несостоявшимися только по одной причине. Замечая, как уверенной походкой ко мне томительно движется хищник, мужчины предпочитали ретироваться с поля боя. Неужели настолько хорошо?

— Разрешите пригласить вас на танец? — произнес лорд самодовольно.

— Никогда... — шептали мои губы. — Никогда.

Глава 9. Ожидая худшего, мы не способны разглядеть правду

Аделина.

Волнующая торжественная мелодия ударила барабанами, слилась с какофонией голосов, прокатилась звуками рояля, вонзилась в сердце протяжным плачем скрипки. Пары закружились, как закружилась и моя голова от пестрых юбок, что распутившимися бутонами взлетали вверх, чередуясь с темными костюмами галантных кавалеров.

Все это было. Но это было где-то на периферии сознания, потому что самое главное сражение велось именно в центре зала. Мы так и продолжали стоять недвижимо, словно замершие статуи в королевском саду Реверонга. Он смотрел на меня зло и нетерпеливо, протягивая мне раскрытую ладонь, а я отвечала ему невозмутимостью, гордостью и непоколебимостью.

Струны завывали, ударили, чтобы замереть и вновь пуститься в пляс. Лорд Арокос сделал решительный шаг, но я отступила назад на два, вопросительно вздернув бровь. Я уже отказала и решение свое менять была не намерена.

Мне не понравилась та улыбка, что окрасила его губы. Ядовитая улыбка, нехорошая, предвкушающая. Спешно оглядевшись по сторонам, я искала поддержки, но Оливия и Дамиан были заняты танцем, а до меня, загнанной в самый центр зала, никому из гвардейцев не было дела. Стыд опалил щеки, едва я встречалась взглядом с придворными. Они с любопытством следили за моим побегом.

Наконец-то решившись, я сделала попытку проскользнуть мимо пар, но лорд Арокос жестко ухватил меня за запястье, чтобы без какого-либо уважения дернуть на себя. Попав в его объятия, я хотела было вновь возмутиться. Ладонь горела от желания ударить, дать пощечину, но его пальцы пленили мои, сжали неоспоримо, что и не выбраться. Вторая рука впилась в талию, обжигая. Никакого почтения, ни сантиметра расстояния между нами. Так нельзя! Это немислимо!

Ноги сами шли в пляс. Помнили музыку, помнили движения, но я едва ли касалась туфельками пола. Летела над залом, словно игрушка, словно кукла в его руках. Смотрела на мужчину с ненавистью, не скрываясь, не желая играть роль покорной жертвы, а он отвечал мне безумием во взгляде, заостренными от злости скулами, мутными серыми, как туман, глазами...

Я тонула в этом тумане. Сердце дрогнуло воспоминаниями. Стена, что была выстроена, дала трещину, и один из камней с грохотом барабанов полетел вниз. Он ведь не может быть таким жестоким. Он не может быть чудовищем, каким его видят все вокруг. Он не может быть убийцей, кровь на чьих руках я лицемерела в ночи.

— Что вы видели на берегу? — Холодная сталь пела в его голосе, звучала, пронзая мою надежду, что едва ли выбралась из своего темного угла.

Не отвечала.

Вздернув подбородок, я недовольно поджала губы, но не выронила ни слова, упрямо глядя на лорда как на ничтожество. По крайней мере, изо всех сил старалась выразить именно такое отношение к нему. Чтобы не понял, чтобы не увидел и оттенка неуверенности, которой я была насквозь пропитана.

— Отпустите меня, — прошипела я сквозь стиснутые зубы.

— Не раньше, чем вы ответите на мои вопросы, — жестко отчеканил он, до ощутимой боли сжав мои пальцы.

— Мне нечего вам отвечать! — попыталась я вырваться из захвата, но получила лишь новую порцию боли.

Слезы брызнули из глаз, неконтролируемо прокатились по щекам, очерчивая влажные дорожки.

Лорд Арокос остановился. Пары огибали нас, не скрывая возмущения, но Ранисаха это несколько не волновало. Эмоции схлынули с его лица, а радужка заполнялась клубами Тьмы, гипнотизируя, завораживая своей глубиной. Там скрывалась целая бездна, что готова была поглотить меня в любую секунду.

Его ладонь на моей талии ослабла, но едва ли я была способна отойти. Он склонялся медленно — невыразимо высокий. Широкие плечи перекрывали мне весь обзор. Не знала, что творится там, за его спиной, да и вряд ли слышала что-то, кроме гулко-го стука собственного сердца.

Вздых.

Порывистый вздох показался оглушительным. Прикрыв веки, я ощутила, как его горячие губы касаются моей щеки. Он очерчивал соленые дорожки, собирал влагу губами, а я боялась пошевелиться. Придворные? Император? Императрица?

Все они катились к бездне, пока я упивалась нежностью, которую так сильно желала получить. Замирала, когда его губы останавливались в миллиметрах от моих. Не дышала, совсем позабыв о том, что вообще нужно дышать.

Не поверила.

Не поверила, когда чужие губы обожгли поцелуем. Прикоснулись сначала робко, осторожно, чтобы смять и их, и то сопротивление, о котором я позабыла. Слишком долго ждала, слишком сильно хотела, слишком часто мечтала.

— Как вы посмели... — В воцарившейся тишине раздался громогласный голос Дамиана.

— Дыши... — шепнул мне Ранисах, а его губы растянулись в коварной самодовольной улыбке.

Все вокруг замерло. Так сильно хотелось, чтобы все просто исчезло. Этот зал, придворные, императорская семья. Тот вечер на берегу, когда я видела то, что и в кошмарном сне не приснится. И чтобы целый мир растворился, а мы остались. Остались только вдвоем.

Я испуганно смотрела на лорда Арокос, а сердце ударялось о грудную клетку, отбивая свой траурный ритм. Учтиво кивнув мне, он приподнял мою безвольную ладонь и запечатлел на тыльной стороне обжигающий поцелуй. Казалось, целый зал и даже император ждали того, что случится дальше.

Лорд Арокос не отошел в сторону, не открыл всему залу вид покрасневшейся фаворитки императора. Чинно обернувшись, он закрыл меня своей широкой спиной, чтобы встретиться взглядом с разъяренным императором.

Кто-то настойчиво утягивал меня за руку, но я не желала уходить. Обернувшись, я увидела Берту.

— Пойдем, пойдем, — шипела она, пытаясь увести меня.

— Сразимся? — игриво спросил Ранисах. — Ваша фаворитка, Ваше Императорское Величество, изумила меня своей красотой и своим отчаянным сопротивлением. Вы, как никто другой, знаете, что страсть нередко затапливает разум, попросту лишая его. Я готов сразиться за те секунды, что леди Неож была вынуждена провести со мной, а вы?

— Щенок! Ты решил дерзостью отплатить за мое великодушие? — выплюнул Дамиан, хватаясь за один из мечей, что сегодня были подарены ему.

Камзол императора полетел в сторону. Мужчина явственно красовался, тогда как лорд Арокос спокойно стоял все там же, лениво обнажая свой меч. Казалось, Ранисах любит своим оружием. И я хотела находиться здесь. Я хотела остаться, убедиться в том, что он выйдет отсюда живым и невредимым, но Берта утягивала меня все дальше к дверям, которые вели в холл.

— Прощу, — насмешливо поклонился лорд Арокос, предлагая императору первому сделать выпад.

Я застопорилась в дверях. Схватившись за створку, ждала. Чего ждала? Спокойного взгляда? Ободряющей улыбки? Да чего угодно, но Ранисах не оборачивался, а Берта ловко отдирала мои пальцы, коих я и не чувствовала.

— Да пойдем же ты! — зло шипела она, а двери закрылись, захлопнулись перед самым моим носом.

Звон.

Звон металла слился в мелодию смерти, а испуганные возгласы придворных забили последний гвоздь в крышку моего сопротивления. Тьма пощадила свою дочь, разрешая мне остаться в волнах неведения.

Резкий запах ударил в нос, и я мигом пришла в себя, ошарашенно вскакивая и оглядываясь по сторонам. Оливия крепко удерживала меня за руки, всем своим видом показывая, насколько она мной недовольна. С трудом осознавала происходящее. Мы находились в гостиной императрицы. Здесь собрались все фрейлины, что поглядывали на меня, не скрывая любопытства. Они окружали диван, с которого я поднялась. Казалось, девушки в любой момент были готовы меня остановить, если бы я захотела сбежать, но... Сбежать я не собиралась.

— Вы мной недовольны? — спросила я пусто, от нетерпения прикусив губу.

— Дамы, оставьте нас, — прикрыла Оливия веки, стараясь спрятать ярость, которую, увы, я уже заметила.

Теперь всегда внимательно всматривалась в ее лицо, желая научиться отличать ее истинные эмоции от игры. Сейчас могла запросто сказать, что императрица едва ли сдерживается, чтобы не повысить голос. И да, скрывать свои реальные эмоции ей удавалось намного хуже, чем играть.

Девушки вышли в коридор, оставляя после себя лишь шорох юбок. Не решалась присесть под этим внимательным взглядом. Создавалось ощущение, что я совершила что-то непоправимое, но ведь такого не было.

— С одной стороны, меня невероятно раздражает произошедшее. Кое в чем Дамиан совершенно точно прав: лорд Арокос щенок, что недостойно представлять Реверонг... Почему ты не дала ему пощечину? — вдруг резко перешла она от размышлений к вопросам.

— Я растерялась.

Ложь далась легко, как если бы я действительно верила в свои слова. Крепко удерживала в себе эмоции, заживо сгорая от желания узнать, чем все закончилось. Он ведь не умер, нет. Такой, как Ранисах, просто не может погибнуть в нелепой стычке. Лорд Арокос всегда виделся мне как человек неуязвимый, бессмертный, если угодно. Никогда не знала никого сильнее него и была уверена в нем, как ни в ком другом.

— Растерялась? И все? — рассмеялась императрица. — Леди Неож, да вы меня поражаете. Но ваша непосредственность пока играет нам на руку. Дамиан ревностно относится ко всему, что принадлежит ему, и вы не стали исключением.

Оливия вновь перешла на вы, будто минутой назад и не общалась со мной как с равной, как с близкой сердцу. Было трудно подстраиваться под эти переходы, но кто бы меня спрашивал.

— Император его убил? — осведомилась я холодно, словно для меня это вообще не имеет значения.

— Кого? — смешливо изумилась Оливия, неспешно направляясь к столику, чтобы забрать свой веер. — Аделина, не смешите меня. Они мальчишки и, как любые мальчишки, любят мериться мечами. Помахались немного, а сейчас вместе же пьют. Не только я была давно знакома с Ранисахом, но и Дамиан. Мой супруг прекрасно понимал, что лорд Арокос специально ведет себя так вызывающе. Он неспроста выбрал тебя объектом своей лести. Все это лишь затем, чтобы досадить Дамиану, который совершенно точно не стал бы убивать Ранисаха просто так. Да даже из-за твоей милой испуганной мордашки не стал бы. Другое дело — растоптать его на поле боя, захватить Реверонг. Это принесет императору куда большее удовлетворение.

— И что сейчас? — спросила я, ощущая себя несколько подавленно, растоптанно.

Я не понимала такие игры. До сих пор не могла осознать, что реальная опасность никому не грозила. Разве можно так издеваться над чужими чувствами? Я ведь всего на секунду... Пускай всего лишь на секунду, но поверила ему. Надежда всколыхнулась, возродилась из глубин души, чтобы безжалостно сгореть под чужими насмешками.

— Ничего, — повела она плечами. — Возвращаемся в зал — бал еще не окончен и продлится до самого утра, но нам с тобой необходимо продержаться еще хотя бы час. В эту ночь ты можешь не беспокоиться о своей чести, — обернулась она, шкловидно прикрываясь веером. — Сегодня должна произойти консуммация моего брака...

Стук в дверь отвлек Оливию, а я, воспользовавшись заминкой, не стала отвечать на ее размышления. Фрейлины Ее Величества пришли уведомить о том, что все без исключения ждут только нас. Мне не хотелось возвращаться в зал. Я не желала видеть усмешки, слышать шепотки и встречать снисходительные взгляды. Не желала, но не пойти не могла.

В просторном зале под высоким потолком по-прежнему горели сотни тысяч свечей. Музыканты пленили слух волшебной мелодией, что разливалась, окутывая танцующие пары. Скромные служители, словно тени, сновали от одной группки к другой, предлагая лордам и леди напитки. Все вели себя так, будто ничего не случилось, и я хотела бы, чтобы это действительно было так.

Перед нами расступались. Оливия шла впереди, а я отставала от нее лишь на шаг. Где-то там позади нас маячили ее верные фрейлины, но оба взгляда мужчин, что стояли впереди у постамента, к моему огромному сожалению, были прикованы ко мне.

Собрав остатки растоптанной гордости, я слегка приподняла подбородок, расправила плечи и добавила уверенности в каждый свой шаг. Наверное, именно так на плацу и маршируют гвардейцы. С той же чеканной выправкой, с тем же отсутствием энтузиазма.

— Ваше Величество, — учтиво кивнул Ранисах Оливии, не удостоивая ее надлежащим поклоном. — Леди Неож, — кивнул он и мне, а с его лица не сходила хитрая усмешка плута. — С разрешения Его Величества я хотел бы извиниться перед вами за свое неподобающее поведение.

И я могла бы сказать что-то вроде «Да, конечно» или «Не стоит беспокоиться», но я была невероятно зла на этого человека. Он выставил меня на посмешище перед сотнями взглядов, обсмеял мои чувства и окончательно растоптал надежду и веру в лучшее.

— Раз хотели, так извиняйтесь, — зло выплюнула я, буквально задыхаясь от ненависти.

Дамиан рассмеялся. Его хохот заглушил и музыку, и голоса придворных. Оливия стояла по левую руку от меня, и я не без удовольствия наблюдала за тем, как на ее губах появляется удовлетворенная улыбка. Сама же я нисколько не шутила, а потому оставалась абсолютно спокойной.

— Признайте, Ранисах, что леди Неож сделала вас, — отсмеявшись, произнес император, но вдруг к нему подошел один из гвардейцев.

Не слышала, что мужчина шептал, однако Дамиан кивнул на его слова и вновь обратился к нам:

— Мне очень жаль, но нам с Ее Величеством, к моему неудовольствию, придется оставить вас на некоторое время. Увы, дела, как и всегда, застигают нас врасплох. Аделина, прелесть моя, я надеюсь, что ты не заскучаешь без своего императора, — с немислимой простотой произнес Дамиан, приподнимая мою руку, чтобы запечатлеть на ней короткий поцелуй. Я готова была стореть от стыда, но, пересилив себя, с благодарностью присела в реверансе. — Встретимся в Красном зале.

Сбежать. Вот теперь мне действительно захотелось сбежать, а потому, не думая ни секунды, я повернулась к лорду Арокос спиной и даже сделала шаг по направлению к выходу, чтобы услышать ледяное:

— Разве вы не жаждете получить от меня извинения, Леди Неож?

— Будьте вы прокляты! — обернулась я, выдерживая холодный взгляд.

Шла величественно, как если бы это именно я была императрицей. Остановившись у одного из столов с напитками, чувствуя вкус победы, наблюдала за тем, как в фонтане резвятся маленькие рыбки, чья чешуя переливалась перламутром. Они выпрыгивали из воды, но защитный барьер не давал им покинуть фонтан. Наверное, они, как и я, грезили только о свободе, но, в отличие от них, за стенами своего временного фонтана я умирать не собиралась.

— Ваша Светлость, вам просили передать, — вдруг обратился ко мне один из служителей, протягивая поднос, на котором лежал клочок бумаги, сложенный в несколько раз.

— Кто просил? — уточнила я, опасливо оглядываясь по сторонам.

— Ваша служанка, — поклонился служитель, бесследно растворяясь в толпе.

Осторожно раскрыв послание, я с огромным трудом удержалась от крика. Он так и застрял в моем горле, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть.

«Я знаю, что на самом деле случилось с вашей семьей. Жду вас в Мертвом Парке», — было выведено витиеватым почерком.

И дальше оставаться в зале я не могла.

Двери.

Как много дверей в этой тюрьме. Выбравшись в холл, я не стала подниматься наверх за накидкой. Сердце отбивало дробный ритм, когда я подходила к высоким двустворчатым дверям. Оставалось всего несколько шагов, но мне запрещено покидать дворец, а потому я вынужденно остановилась.

Гвардейцы смотрели куда-то мимо меня, а я пребывала в смятении. Растерявшись, не знала, как поступить, потому что, с одной стороны, я до дрожи боялась Дамиана, а с другой — если он не сдержал свое слово, то и мне здесь нет причин оставаться.

Развернувшись, я спешно направилась к одному из двух коридоров, что скрывались под лестницей. Почти бежала, едва мне удалось уйти от взглядов гвардейцев. На пути попадались служители, но чем дальше я уходила, тем реже мне кто-либо встречался.

Выбежав в скромный холл, предназначенный для торжеств на природе, я уверенно направилась к высоким аркообразным дверям. Первые две оказались наглухо закрыты, тогда как третья, к моему

счастью, была не заперта. Именно через нее я и выбралась наружу, чтобы ступить на полукруглую площадку, обнесенную балюстрадой.

Глава 10. Легко стать пленником страхов

Аделина.

Меня встретила ночь. Полная луна освещала деревья, кусты и клумбы, что разрослись по ту сторону балюстрады. Яркие звезды, словно россыпь бриллиантов, сверкали на темном полотне, но любоваться их красотой было некогда. Я впервые воочию видела Мертвый Парк, который в своих балладах нередко воспевали менестрели.

Говорили, что где-то здесь, среди витиеватых дорожек и лабиринтов из высоких растений, находится королевский склеп, в котором в стеклянных гробах похоронены члены королевской семьи Шагдараха. Темной магией их тела после смерти погружали в стазис, и они застывали, с годами не превращаясь в прах, а оставаясь такими же, как если бы смерть настигла их только сегодня. Не знала, правда ли это или рассказы, возникшие из слухов, да только проверять наличие или отсутствие такого склепа лично мне этой ночью совсем не хотелось.

Ветер трепал подол платья, когда я спускалась вниз по ступенькам, что вели к центральной дорожке. Испуганно оглядывалась по сторонам, ощущая, как от ночной прохлады на коже проступают мурашки. Едва заметная тень виднелась далеко впереди, почти у самого памятника гвардейцу на коне, но понять, служанка ли это, я вот так издалека не могла.

Чем ближе я подходила, тем больше убеждалась в том, что тень не стоит на месте. Движения — хаотичные, рваные, порывистые. Ветер, что качал кроны деревьев, заглушал все звуки. Кричать? Казалось бессмысленным, да и привлечь чужое внимание я не желала. Еще неизвестно, чем мой побег обернется для меня, если о нем узнает Дамиан.

Не спешила. Ступала не то чтобы медленно, но не бежала. Фонари работали через один, а то и через два, а потому я слепо пыталась разглядеть, что же там происходит, напрягая зрение. Пятна расплывались, но чем ближе я подходила, тем больше убеждалась в том, что человек у памятника не один...

Это был он. Наверное, я бы узнала его, даже если бы на небе совсем не было звезд, а луна и вовсе скрылась бы за тучами. Наверное, я смогла бы узнать его и среди толпы, просто выхватить взглядом и уже не отпустить. Наверное, но именно сейчас я могла лишь обескураженно остановиться, замереть, беспомощно наблюдая за тем, как лорд Арокос безжалостно перерезает горло Берте, удерживая ее одной своей ручищей лицом ко мне.

Зажав собственный рот ладонью, я услышала приглушенный писк, что вырывался из груди оглушающим криком. Страх прошел сознание, железными оковами осел на щиколотках, иглами ужаса впился в спину. Прямо на моих глазах одна из фрейлин Ее Величества тяжелым кулем осела на землю, тогда как лорд Ранисах Арокос продолжал стоять нерушимой скалой.

Он видел меня.

Он смотрел на меня.

Он ждал меня, но я нашла в себе силы на то, чтобы хотя бы попытаться сбежать от этого зверя.

Все правда — сомнений не осталось, да их и не было изначально на самом деле. Мне просто не хотелось думать о нем как о чудовище, как об убийце, способном поднять свой меч на женщину. Я лелеяла свою надежду, согревала ее придуманным образом героя, и только я... Только я одна виновата в том, что мечты мои никогда не воплотятся в реальности. Потому что мужчина, в которого я влюбилась, существует только в моем воображении.

— Аделина! — кричал он мне вслед, нагоняя.

Я неслась изо всех сил вперед по дорожке, придерживая подол платья руками. То и дело оборачивалась, понимая, что ему ничего не стоит догнать меня, а потому решила на отчаянный шаг. Свернув с дорожки, я бежала через кусты и деревья, все дальше и дальше уходя вглубь парка. Ветки били по лицу, цеплялись за волосы, рвали наряд, но я не останавливалась ни на секунду.

— Аделина! — слышалось совсем близко.

Петляла как заяц, пробираясь через самый настоящий лес. Не понимала, куда бегу и насколько далеко сейчас нахожусь от дворца. Время потеряло свой счет, слилось с темнотой ночи, где через высокие тысячелетние деревья я не могла увидеть даже луну. Все чаще попадались поваленные стволы, все больше мне казалось, что парк давно закончился. Страх оплетал сознание, жалил не хуже веток. Мысли о том, что я заблужусь и умру, приходили с отчаянной периодичностью, но я

упрямо отгоняла их, потому что настоящий хищник никак не отставал от меня и точно шел по следу.

Предсказуемо споткнувшись, я даже ойкнуть не успела, как полетела вперед. Боль пронзала тело, но я не выдала ни звука, пока кубарем катилась вниз. Столкнувшись плечом с чем-то холодным и недвижимым, я наконец-то остановилась, распластавшись на каменном полу. Здесь было жутко холодно. Казалось, что я попала в какой-то подвал...

— Аделина! — прозвучало будто в нескольких шагах от меня.

Моментально поднявшись на ноги, я послала к Тьме ту боль, что разливалась по телу. Потом разберусь. Прямоугольный проход в этой темноте виделся мне отчетливо, как и ступени, а потому я вынужденно прижалась к соседней стене, чтобы Ранисах вдруг меня не заметил.

Не знала, сколько так простояла. Где-то потеряла туфли, и ступни мои сейчас едва ли ни льдом покрывались, настолько было холодно. Прислушивалась к каждому звуку, к каждому шороху, боясь, что лорд Арокос вот-вот найдет меня, но этого не последовало. Мысленно отсчитывала секунды — путалась, а потому начинала снова. Все, что угодно, лишь бы не уснуть.

В какой-то момент я просто перестала чувствовать собственные конечности. Зубы стучали оглушительно громко. Плюнув, я призвала собственную магию, и золотые потоки прокатились по моему телу, излечивая, исцеляя, согревая. Придя в себя, я вскинула руку, желая осмотреться под тускловатым светом магии, но лучше бы я так и оставалась в неведении.

Передо мной на высоком постаменте стоял стеклянный гроб, в котором, словно красивая кукла, лежала девушка, облаченная в роскошное темно-зеленое платье с золотой вышивкой. Руки ее, усыпанные золотыми украшениями, были сложены на груди. Густые блестящие волосы цвета спелой вишни лежали пышным облаком, прикрывая и плечи, а стеклянные глаза с вишневой радужкой смотрели куда-то в пустоту.

— Это не я... — прошептала я, холодея всем телом. — Это не я...

Но я так сильно была похожа на нее, как если бы смотрела на свое отражение. На отражение, что будто замерло навсегда.

Замерло с безумной улыбкой на губах.

Я знала, что люди и даже маги, наделенные даром, нередко сходят с ума под гнетом собственной жизни. Помогая страждущим в храме, я часто видела тех, кому не могли помочь даже целители. Невозможно вылечить то, что не является болезнью тела. Болезни разума — это то, вмешательство во что недоступно никому.

Я сходила с ума. Сидела прямо на полу, давно перестав ощущать холод ледяных плит. Сидела в темноте, не подсвечивая склеп магией. Не могла смотреть на нее, но все равно видела, потому что образ хрупкой девушки с безумной улыбкой на губах то и дело вставал перед глазами.

Прекрасно понимала, где нахожусь. Не желая того, я все-таки нашла тот самый склеп, в котором замерло время для членов королевской семьи Шагдараха, а теперь уже и императорской семьи. Кем она для них являлась? Кем для них являлось мое отражение?

Отойдя от первого шока, теперь я запросто могла сказать, что я лишь похожа на эту девушку. Страшно похожа, но тем не менее различия между нами заметны. Чья-то жена? Сестра? Не мать точно — слишком молода для того, чтобы быть матерью. Хотя, возможно, перед стазисом магии и поколдовали над ее внешностью.

Я ждала рассвет. Прислушивалась к каждому шороху. Казалось, что слышу не только уханье ночных птиц, но и как хрустят ветки под чьими-то ногами, как ветер шелестит листвой, играя с высокими мрачными кронами.

Я ждала рассвет.

Во-первых, возвращаться по темноте было сродни самоубийству. Где-то там, возможно, до сих пор бродил лорд Ранисах Арокос, а даже если нет, я не знала этот парк, не знала этот лес. Даже не могла сказать, в какой именно стороне находится дворец. Лучше уж дожидаться утра, чтобы окончательно не заблудиться.

Во-вторых, любопытство сгубило немало душ, но мне до отчаяния нужно было знать, кем является эта девушка. Я могла бы осветить склеп магией, чтобы удовлетворить свой порыв, но делать это посреди ночи было жутко. Утром, по крайней мере, я без труда обнаружу надпись на постаменте, на котором стоял нетронутым гроб.

Еще раз вылечив себя, я все-таки задремала. Проснувшись, едва не закричала от ужаса, что прокатился по коже иглами льда. Ничего не приснилось, ничего не пропало. В просторном склепе, в который сейчас по ступенькам медленно спускался солнечный луч, действительно на постаментах стояли внушительные каменные гробы со стеклянными крышками. Я насчитала не меньше десяти, но, оказывается, здесь была еще одна лестница, что вела в помещение ярусом ниже. Хорошо, что я не наткнулась на нее ночью. Точно бы шею свернула.

Целительская магия золотистыми потоками прокатилась по коже, излечивая, согревая. Резерв не восстановился за ночь полностью, но и этого было достаточно. Нерешительно подходила к тому самому гробу, в котором лежала красивая девушка с вьющимися волосами цвета спелой вишни. Все-таки я сильно ошибалась, когда думала, что я похожа на нее. Нет, конечно, до безумия похожа на самом деле, но она сильно отличалась от меня.

Роскошнее, красивее, аристократичнее. Белоснежная кожа казалась фарфоровой, волосы блестели на свету и были ярче моих, насыщеннее. Большие глаза в обрамлении густого веера ресниц, четко очерченные скулы с красивым нежным румянцем. Длинная тонкая шея с кулоном в виде того самого проклятого цветка с черными камнями. При жизни она была невероятной красавицей, но меня интересовало ее имя. Оно было выгравировано прямо в камне, как и даты жизни и смерти.

«Леди Виола Деног 885-907»

Всего на четыре года старше меня. Подумать только, такая молодая. Мне было жаль ее, но уходить я не торопилась. Внимательно изучив остальные гравировки, я наконец-то вспомнила имя рода императора — Жетоль.

Возможно, девушка, лежащая в гробу, и являлась родственницей Дамиана, но, например, на момент смерти была замужем, однако, мне отчего-то казалось, что в этом склепе она находится по другой причине. Слишком другие черты лица, не присущие семейству Жетоль. Слишком броская внешность. И это странное сходство — оно небезосновательно пугало меня.

Но уходить я не торопилась еще и по другой причине. Впервые за прошедшие несколько дней я могла сесть и спокойно подумать, проанализировать все произошедшее. Водоворот событий, что затянул меня, просто не давал мне опомниться, а ведь подумать действительно было о чем.

Первое, что меня волновало, — это Дамиан — человек, что лишил меня свободы. Участи быть его фавориткой мне избежать не удалось. Он натурально шантажировал меня благополучием моей семьи. И если он выполнил свои обещания, то я могла не волноваться, по крайней мере, хотя бы за отца и мачеху, но жизни сводных братьев по-прежнему оставались для меня под вопросом. Оливия уверила меня, что узнает об их судьбе в самое ближайшее время, но могла ли я ей верить?

Это и было тем вторым, что волновало меня не меньше. Согласившись на клятву на Тьме, я прекрасно понимала, что в отношении императрицы руки мои будут связаны, но тем самым я в первую очередь обезопасила именно себя. Теперь она не посмеет ударить мне в спину напрямую, однако и наивной мне быть не хотелось. Прекрасно осознавала, что живу и пользуюсь ее покровительством лишь до тех пор, пока ей это выгодно. Ей нужна союзница, что будет контролировать ее супруга точно так же, как и она, но правда в том, что я ничего не понимала ни в политике, ни в интригах. Однако мне было выгодно, чтобы Оливия видела во мне человека, женщину, способную помочь ей в ее планах, потому что тогда я получу то, в чем так сильно нуждаюсь.

Свободу.

Жаль только, что до этого момента может произойти все, что угодно. Быть постельной игрушкой, пусть даже и самого императора, мне вообще не хотелось. Не представляла, что это такое — лечь в постель с нелюбимым и более того, призраемым человеком, которого боишься до ужаса.

Отдать ему свою честь на растерзание? Кому я тогда потом буду нужна?

Так и остаться одной до конца жизни? Жизнь ли это будет?

Прекрасно осознавала, на что меня обрекли, не поинтересовавшись моим личным мнением на этот счет, но между той жизнью, что ждет меня в будущем, и жизнями моей семьи я всегда выберу второе, потому что иначе и быть не может. Только бы не сломаться, только бы дотерпеть до того момента, пока Оливия забеременеет.

Мне жаль Дамиана. Несмотря ни на что, мне было жаль его, потому что желать кому-то смерти я не могла. Целителей не так воспитывают. Нас учат, что чужая жизнь — это дар. И мы сохраняем этот дар, каким бы плохим ни был человек. Наше дело вылечить, а все остальное — на суд Всевышнего.

Не мог не волновать меня и лорд Ранисах Арокос. Его пристальное внимание сбивало меня с толку. Он узнал меня и хотел во что бы то ни стало докопаться до истины. Мужчина уже понял, что

именно я видела на берегу Реверонга, но хотел услышать это от меня. До сих пор не знал, что я родом из Реверонга. Предполагал, что являюсь шпионкой Дамиана, но он присутствовал на коронации, а значит, теперь знает имя рода, к которому я отношусь, пусть и не кровно. Сейчас ему не составит труда выяснить все обо мне и моей семье, но мне это ничем не поможет. Я не перестану быть для него угрозой, и вчера мне это наглядно продемонстрировали.

Бедная Берта. Мне было так сильно жаль девушку, но я бы не успела ей помочь. Такие ранения уносят жизнь за секунды, а значит, она умерла бы еще до того, как я добежала бы до нее. Не представляла, что творится сейчас с Оливией, но зато прекрасно знала, что для лорда Арокос я стала первой претенденткой на смерть. Свидетельница двух убийств, которой здесь, в империи, запросто поверят, расскажи я кому-то правду. Пока не думала над тем, буду ли держать язык за зубами по поводу ночного происшествия. Неизвестно, во дворце ли до сих пор находится лорд Арокос.

Но один разговор меня точно ждет. Придворный служитель однозначно вчера сказал, что записку мне передала моя служанка. Не может быть, чтобы лорд Арокос появился вчера в саду случайно. Скорее всего, записка — его рук дело, но Гелу ко всему этому навряд ли приплели случайно. Ранисах, насколько мне известно, долго жил при дворе, а значит, они могут быть давно знакомы. Возможно ли такое, что письмо, написанное для Оливии, попало от Гелы в его руки? Именно это мне и предстояло узнать.

Последним, что завершало мой личный список волнений, был Реверонг. Никогда бы не подумала, что именно от меня будет зависеть его сохранность и нейтралитет по отношению к империи, но Оливия ясно дала понять, что именно нам предстоит стать той несокрушимой стеной, что встанет между королевством и Дамианом. И мне действительно хотелось сохранить Реверонг, потому что это мой дом и потому что независимость обошлась жителям королевства слишком дорого. В конце концов, мне еще предстояло туда вернуться — я в это верила.

Стопы зябли и были черными от пыли, которая устилала пол королевского склепа. Затаив дыхание, я осторожно ступала по ледяным ступеням, все больше щурясь от солнца, что стояло уже высоко. Сколько я проспала? Неужели утро уже давно передало бразды правления полдню?

Выходить из склепа на самом деле было страшно. Спешно оглядывалась по сторонам, отчего-то представляя, что лорд Арокос непременно поджидает меня за углом, но вокруг никого не было. Никто ни прятался за деревьями или за склепом, не подждал меня в кустах. Вдалеке виднелась крыша дворца с позолоченными статуями лошадей, но забралась я действительно далеко. В ночи я бы обратную дорогу ни за что не нашла.

Шла медленно. То и дело оглядывалась по сторонам. Сердце колотилось испуганной птицей, а от каждого шороха я подпрыгивала на месте. Так и до дворца не дойду — свалюсь где-нибудь с сердечным приступом.

Я увидела его еще издали. И не только императора, но и его гвардейцев. Дамиан сидел прямо на балюстраде, что-то удерживая в своих руках. Казалось, он не видит ничего и никого вокруг, в то время как часть гвардейцев стояли за его спиной, словно статуи, а другие в это время сновали по дорожкам, что-то выискивая.

Я не побежала. Все так же продолжала идти, прекрасно понимая, что меня ждет очередная взбучка. Наверняка мужчина уже обвинил меня в побеге, но другого я и не ожидала.

Чем ближе я подходила, тем четче видела тот самый наряд, в который он был облачен вечером. Только камзол где-то потерялся, а ворот белой рубашки был расстегнут. В его руках я с удивлением заметила свою потерянную туфельку. Правда, только одну. Именно ее он и гипнотизировал взглядом, будто она могла ему рассказать о том, куда я пропала.

— Доброе утро, Ваше Императорское Величество, — остановилась я недалеко от него, приседая в нелепом реверансе.

Платье мое было порвано и местами свисало клочьями. Белые чулки стали черными, а то, что осталось от волос, едва ли можно было назвать прической.

Сжав в руках потерянную мною туфельку, мужчина вскинулся, а потом и вовсе спрыгнул с балюстрады прямо на траву, не утруждая себя тем, чтобы дойти до ступенек. Он спешно приближался — я отмечала это краем глаза, потому как голова моя тоже была опущена. Так и замерла в реверансе, ожидая разрешения подняться, но оно не последовало.

Боль — первое, что я испытала, когда пальцы его дернули за мои волосы, поднимая и вынуждая меня запрокинуть голову. Вторая его рука впилась в мою талию, тогда как туфелька полетела на землю. Чужой поцелуй безумием обжег губы, поглотил мой крик, заглушил так и не успевшее выскользнуть сопротивление. Да и не было сил сопротивляться, но на жестокие касания я не отвечала. Так и замерла изломанной куклой, стараясь отстраниться от Дамиана.

Он сам прервал поцелуй. В широко распахнутых глазах я читала и гнев, и облегчение, и ярость, и тысячи эмоций, что никогда не смогла бы описать словами. Губы его искривились в тонкой линии, но император не сказал мне ни слова. Казалось, что пророни я хоть звук, и тут же пожалею об этом, а потому я молчала. Лишь вздрогнула, едва рассерженный голос Дамиана ворвался в парк:

— Матид уже догнал дормез этого щенка?

— Почти, Ваше Величество, — затравленно ответил один из гвардейцев, вытянувшись, словно по струнке. — Мы передали ваш приказ доставить всех живыми.

— Больше в этом нет необходимости, — отрезал Дамиан, по-прежнему глядя мне в глаза. — Убить.

Сердце мое предательски дрогнуло.

Глава 11. Голос разума всегда противоречит сердцу

Ранисах.

Прекрасно знал, что всерьез Дамиан не станет со мной драться на глазах у своих придворных, хотя желание так отчетливо читалось в его взгляде. Он хотел меня убить. Если бы мог, попытался бы прямо здесь и сейчас, но он сам дал слово.

Приглашение на свадьбу и коронацию оказалось для короля Реверонга неожиданностью, но чего-то такого я и ждал. Это в духе Дамиана — показать, что поводок в его руках, и только он один может натянуть его или ослабить.

Несмотря на все заверения о том, что на момент празднеств любые военные действия будут остановлены, король Реверонга перемещаться в Шагдарах не пожелал. Слишком напуган, слишком раздавлен смертью своей дочери — Жасмин, — но проигнорировать приглашение мы не могли. Я осознавал, что долго против империи мы не продержимся, но тянуть собирался до последнего. Нам нужно было это время, чтобы выгадать для себя особые условия. Просто так отдавать Реверонг Дамиану не собирался.

Реверонг не был моим королевством, он не был мне домом, я не родился там, но я видел, как смотрят на меня люди, как они надеются на меня, верят мне. Разве мог я отдать их на растерзание этого жестокого мерзавца? Зная, что Реверонг постигнет та же участь, что и Певерхьер. Зная, что Дамиан истребит большую часть населения, считая, что их уже не перевоспитать, не изменить их устои.

Дамиан не понимал. Не понимал слишком многих вещей, но у императорского совета после исчезновения Драйяна просто не осталось другой кандидатуры на пост императора. Мальтер слишком мал, чтобы возглавить империю, а король Шагдараха не готов к переменам, в которых так сильно нуждаются люди.

Они отдали империю на растерзание Дамиану, но сколько она просуществует? Целителей Реверонга нельзя принуждать к бесчестию. У магов Тьмы в Шагдарахе ни в коем случае нельзя упускать из виду гордость. Звериная магия Герхтара давно бесследно исчезла, но не стоит забывать ее — она может возродиться в любую секунду. Маги иллюзии Ньенгеха слишком опасны, и над ними требуется постоянный контроль. Впрочем, как и над непредсказуемыми стихийниками. И самое главное — не стоит исключать и простых людей, не наделенных даром, потому что в каждом из них может скрываться предок тех самых драконов, что когда-то населяли территории Певерхьера. Дамиан не осознает и половины из перечисленного. Абсолютная власть во имя власти — единственное, что его интересует.

Даже заключая договор об обмене так называемыми «заложниками», Дамиан думал только о своих интересах и уж точно не о людях. Вместе с одной из заложниц — леди Пехто — он послал приглашение на празднества — в этом была его цель. Едва лодки пересекли узкое море, я уже знал, что меня ожидает нечто не слишком приятное. Так и получилось.

За всеми прибывшими была установлена постоянная слежка, и это принесло свои плоды. Именно леди Пехто оказалась доносчицей, которая регулярно посылала Дамиану отчеты о том, что удавалось вызнать. Естественно, после такого никто не подпускал ее к дворцу. Я сам лично провел с ней беседу в казематах, полностью отлучив от придворной жизни, к которой женщина так привыкла. Их семья лишилась нашего доверия, но я сохранил им жизни в обмен на сотрудничество. Теперь леди Пехто отправляла Дамиану то, что я диктовал ей лично.

И каково же было мое удивление, когда я вновь встретил во дворце Шагдараха свою недавнюю незнакомку. Теперь не сомневался в том, что она шпионка. То же имя рода, та же семья. Рыба гниет с головы — кажется, именно так говорят. В данном случае это выражение подходило целиком и полностью. Мачеха и падчерица определенно стоили друг друга, а ведь леди Пехто ни разу не обмолвилась о том, что ее названная дочь осталась в империи. Естественно, ведь здесь для нее заготовлено такое теплое место — официальной фаворитки императора.

Запросто мог бы убить ее еще на церемонии — никто ничего не успел бы предпринять, но отчего-то мне хотелось выяснить, убедиться в том, что девушка видела там — на берегу Реверонга. Да и видела ли вообще? Что именно донесла до Дамиана?

Терял время. Попросту терял время на беседы, на никому не нужный танец, на бессмысленный бой, на все происходящее. Ощущал непреодолимое желание вернуться обратно в Реверонг, послать все к Тьме, но должен был дожидаться окончания празднеств. Четко понимал, что нам не дадут просто так убраться отсюда восвояси, но были готовы. Мы знали, на что шли.

— Ваша Светлость... — раздался шепот из-за колонны, рядом с которой я стоял.

— Здравствуй, Гела, — так же тихо ответил я. — Что-то случилось?

Гелу я знал очень давно. Еще с тех пор, когда она только-только появилась в особняке у Драйяна. Тихая, исполнительная, честная — за эти качества мой друг ее и ценил, как, впрочем, и остальных своих слуг. Когда Драйян вернулся в Шагдарах из Герхтара, все они последовали за ним, потому что верили ему, как никому другому.

— Все хорошо, Ваша Светлость, — ответила она, скромно глядя в пол. — Мне кажется, вам это может быть интересно. От леди Пехто.

Девушка протянула мне запечатанный конверт без каких-либо подписей. Чуть повернувшись боком к залу, я разломил печать и развернул листок, чтобы бегло прочесть то, что предназначалось совсем не мне.

«Если со мной что-то случится и я не вернусь во дворец в течение трех суток, моя служанка передаст вам это письмо. Ниже описано все, чем я владею на сегодняшний момент. Именно эту информацию я хотела обменять на вашу помощь в том, чтобы я и мои братья могли вернуться обратно в Реверонг. Я не имею права требовать у вас хоть что-то, но прошу, чтобы вы сдержали свое слово и помогли моим сводным братьям и мачехе, если это потребуется.»

Итак, как вам уже известно, наследная принцесса Жасмин мертва. Я не буду строить предположения. Лишь расскажу о том, что видела своими собственными глазами. На берегу Реверонга в ту ночь, когда стихийники разрушили корабли империи, я пряталась в кустах и поджидала удобного момента, чтобы попросить у лорда Ранисаха Арокос и наследной принцессы Жасмин помощи в возвращении в Реверонг моей мачехи и сводных братьев.

Не успела. Воспользовавшись Тьмой, лорд Ранисах Арокос переместился куда-то вместе с наследной принцессой Жасмин, а спустя время вернулся уже без нее. Его руки, лицо, одежда — все утонуло в чужой крови. А минутами спустя он объявил о том, что наследная принцесса принесла себя в жертву, проведя старинный ритуал, и теперь является хранителем нашего островного королевства. Выводы делайте сами.

Что же касается моих личных соображений... На мой взгляд, Реверонгом управляет и будет управлять именно лорд Ранисах Арокос. Защитный барьер, выставленный вокруг острова, не преодолеть с помощью Тьмы, но ничто не мешает воспользоваться другой магией. Водники без труда смогут добраться до барьера, тогда как сам барьер не представляет угрозы. Он не пропускает магию, но запросто пропустит людей. О другой защите, к сожалению, мне неизвестно.

Желаю вам удачи в ваших планах. С Дамианом она вам очень сильно пригодится.

Искренне ваша мадмуазель Аделина Рейоро».

Поначалу мне показалось, что верная фаворитка пишет своему императору, и лишь в конце письма я понял, что Дамиан об этом никогда бы не узнал. Более того, я был готов поспорить на что угодно, что новоиспеченная императрица не так проста и покорна, какой кажется на первый взгляд. Сегодня ее унижали не раз и не два, но она вытерпела все. Почему?

Да потому что на империю у нее, как оказалось, свои планы. Однако хотелось бы выяснить: зачем ей нужна вся эта информация? Неужели тоже жаждет захватить Реверонг? Предательство или желание обскакать супруга? Моим людям при дворе предстояло это выяснить.

— Мадмуазель Аделина Рейоро? — спросил я у служанки, не очень понимая такую подпись.

— Ее Светлость не является аристократкой от рождения, — шепнула девушка, явно нервничая из-за своего пребывания здесь. Пусть за колонной ее никто и не видел, но страх все равно имелся.

— Императрица? — уточнил я получателя.

— Да, Ваша Светлость, — кивнула служанка.

— У меня к тебе будет одна просьба. Напиши записку для леди Неож...

Мадмуазель Рейоро, леди Пехто, леди Неож... Она вновь появилась в зале как раз в тот момент, когда Дамиан решил поговорить со мной о захвате Реверонга. Она была похожа на вымуштрованного гвардейца — прямая, как струна. С высоко поднятой головой она шла с такой пугающей уверенностью, что наверняка затмила и императрицу. Хотя я и без того смотрел только на нее. Пытался разгадать, понять, что в ней такого, но не находил ничего интересного.

Необычная внешность, и только. Должен был избавиться от нее во что бы то ни стало. Сегодня. В самое ближайшее время, но какая-то часть меня желала предложить ей помощь. Она хотела вернуться в Реверонг, но почему-то не могла, хотя мы согласились на обмен «заложниками». Из-за братьев? Из-за долга? Из-за любви? Что держало ее здесь?

Огрызалась. Раздражала до бессильного гнева, бесила до ослепляющей ярости. Объявляла войну, а сама тряслась от страха как осиновый лист. Что стоило ей ответить на мои вопросы? Почему открыто не попросить помощи, если она в ней действительно нуждается?

Шпионка. Все-таки шпионка. Не императора, нет. Императрицы.

— Будьте вы прокляты! — в сердцах воскликнула она, оставив меня в одиночестве под любопытными взглядами придворных.

Гордячка. И перед Дамианом не желала склоняться, но он ее заставил. Определенно, он имеет на нее влияние, но чем удерживает? Что сделал, раз его фаворитка решила объединиться с этой лисой, по чьей-то шутке ставшей императрицей? Когда женщина начинает думать, это становится опасным. А если таких женщин две... Дамиану я не завидовал. Хотя там и Оливии было предостаточно.

Торопился. Пришлось незаметно улизнуть из зала через тайный ход, едва птичка спешно вылетела из клетки. Все еще не решил, как поступлю с ней, но предпринимать что-то нужно было быстро.

Нельзя допустить, чтобы Оливия услышала от нее бред про наследную принцессу Жасмин. Это может стать серьезной проблемой, потому что правду, увы, я никому рассказать не могу.

По тропинке я быстро добрался до памятника первому королю Шагдараха. Фонари работали через один, но темную фигуру я разглядел отчетливо. Отчего-то она двигалась с той же стороны, с какой пришел и я. Будто кралась, то прячась за деревьями, то пригибаясь у кустов, а я почему-то делал вид, что не вижу ее, с трудом скрывая улыбку. Да, шпионка из нее никакая.

— Берта? — удивился я, едва девушка вылетела из-за дерева, ринувшись на меня с кинжалом наперевес.

— Прости, Ранисах, но тебе здесь не место, — прошипела она, стараясь добраться до меня.

Отбивал ее удары, но не наступал. Хотелось выяснить один интересный момент.

— И чем же я не угодил Оливии? — спросил я, усмехнувшись.

Берта старалась пырнуть меня в шею, но ростом не вышла, а потому неизбежно подпрыгивала, что наталкивало на сравнение с воробьем. Очень бойкая и такая же грозная, только в бою толку от нее маловато.

— Выбираешь не тех партнеров для танца.

Мы толкались еще несколько минут, пока я не увидел, как с краю по центральной дорожке в нашу сторону направляется Аделина. Ее хрупкая сгорбившаяся фигурка едва ли была заметна в темноте, но, когда она попадала под свет фонарей, волосы цвета спелой вишни тут же выдавали ее. Отчетливо ощущал ее страх. Хотелось накинуть ей на плечи свой камзол. Она выглядела запуганным ребенком, но еще больше пугать я ее не хотел.

— Берта, я же убью, — попытался я вразумить девчонку.

— Это я тебя убью! — снова кинулась она, а лезвие прошло совсем рядом с моей шеей.

И дальше оттягивать неизбежное я просто не мог.

Глава 12. Где одна тайна, там и две

Ранисах.

— Аделина! — искал я ее в этом Вершителем забытом парке.

Тьма скользила по лесу невесомым одеялом, оплетала землю, кусты и деревья, но девушка как сквозь землю провалилась. Злился. Неимоверно злился на нее. И на себя.

Понимал, что напугал своими действиями, но по-другому не получалось. Оставь я Берту в живых, и она бы кинулась со спины. Прихвостни Оливии никогда не думают. Они четко следуют приказам, даже если заведомо осознают, что погибнут.

— Аделина! — крикнул я в последний раз, от бессилия пнув ни в чем не повинный куст.

Тянуть и дальше просто не мог. Дормезы ждали только меня — они стояли за развалинами храма, потому что отправляться по центральной дороге было абсолютным самоубийством. Мы знали, на что шли, перемещаясь сюда. Дамиан великодушно разрешил нам открыть портал прямо в Шагдарах, но о возвращении обратно не обмолвился и словом.

Конечно, мои люди первым делом попытались выстроить портал в обратный путь, но проблема в том, что защиту вновь подняли, едва наши дормезы оказались на землях империи. За четыре дня обратного пути по дорогам с нами могло произойти все, что Дамиану заблагорассудится, но и это мы отчетливо осознавали, а потому, чтобы выиграть время, покидали празднества, не дожидаясь их окончания и не утруждая себя прощанием.

Хватило уже того, что Оливия послала следить за мной Берту. Что же касается Дамиана... Этот изворотливый тип наверняка придумал что-то более непредсказуемое.

— Отправляемся? — спросил Алер, взглядываясь в кровавое пятно на рукаве моей рубашки.

— Да, — ответил я с некоторой заминкой, чтобы оглянуться и всмотреться в лес, что стоял непролазной стеной.

Наверное, где-то в глубине души я все-таки ждал, что вот-вот покажется Аделина. Будто наяву видел, как она бежит по вытоптанной тропинке, придерживая платье, а ее волосы развеваются на ветру. Картинка была настолько четкой, что сердце стыдливо заныло, сжалось. Даже если она действительно захочет вернуться в Реверонг, ей это не удастся. После нашего возвращения защитный купол многократно усилят, замыкая высоко в небе и глубоко под водой. И этот купол не пропустит даже муху.

— Отправляемся, — скомандовал я, повторяя скорее для себя, чем для кого-либо.

Всего двенадцать человек, тогда как у Дамиана куда больше людей — в сотни, в тысячи раз. Мы даже не стали рассаживаться внутри дормезов. Это все равно что самолично лечь в гроб, а потому совсем по-мальчишески располагались на крышах, козлах, в дверных проемах и цеплялись позади карет. Шпаги в руках, магия наготове. Мы ждали нападения в любую секунду и дождались.

Они появились на дороге через два часа с небольшим. Два десятка всадников загоняли коней и спешно сокращали расстояние между нами. Алер стегал лошадей, но ехать быстрее, чем сейчас, было невозможно. Лошади тянули дормезы и нас, а потому неизбежно проигрывали в этих скачках.

— Не останавливаться! — крикнул я впереди идущему дормезу. — Не стоит облегчать им задачу.

Мы не справлялись. Уже сейчас понимал, что их слишком много. Два десятка всадников оказались сотней, и, несмотря на то, что бить мы начали еще издалека и по коням, спустя время оказались загнанными в угол.

Они окружали дормезы. Пытались остановить их, перепрыгнуть на крышу, но мы спихивали и сталкивали гвардейцев, нанизывая их на собственные шпаги. Тьма истончалась, сил становилось все меньше. Мои люди уже выдыхались, а еще и часу не прошло.

— Алер! — окликнул я друга, к которому подбирался гвардеец, цепляясь руками за крышу кареты.

Развернувшись, Алер столкнул его ногой, одной рукой удерживая поводья. В другой красовалась окровавленная шпага. Отвлечшись, я пропустил удар и сам едва ли не упал с крыши, прокатившись по ней. Лишь в последний момент зацепился рукой за кованые узоры.

Качнувшись, ударил скачущего всадника шпагой наотмашь, не очень-то и целясь. Жакр помог

вскарабкаться обратно, за что и поплатился, не успев увернуться. Чужой кинжал вонзился ему в плечо, но, вытащив его, друг с яростью кинул оружие обратно, попав точно в шею неудачливому гвардейцу.

Понимал, что нужно что-то делать. Нам бы портал, но чего не имелось, того не имелось. Впереди узкий мост — столкнуть нас им не составит труда, а там костей не соберешь. Мелкая речушка давно высохла, оставив после себя лишь острые камни.

— Герт, сворачивай на центральную дорогу! — крикнул я, надеясь, что меня услышат.

Дормез впереди нас качнулся и упрямо свернул на развилке. Бой продолжался. Теперь на широкой дороге гвардейцам Дамиана было значительно проще добраться до нас и до первого экипажа, но я знал, что делаю. Если не можешь спастись, попробуй спасти хоть кого-нибудь.

— Жакр, Алер, на лошадей! — скомандовал я, но удостоился лишь взглядов, в которых читался упрек. — Это приказ! Не ждите нас!

Они прекрасно понимали, чего я хочу. Нас осталось только четверо. Карета замедлялась, замедляя и гвардейцев, а лошади уходили все дальше. Впереди поворот, в который мы точно уже не войдем, но сможем остановить погоню, опрокинув карету и преграждая тем самым им путь. А там...

Драться до последнего вздоха.

Карета перевернулась как по заказу, едва мы качнули ее. Оказавшись на земле, я потратил секунды на то, чтобы бегло осмотреть своих людей, и снова в бой. Мы скидывали гвардейцев с лошадей. Били Тьмой наотмашь, подбадриваемые злостью. Выиграть время для остальных — единственная задача. Все мы всегда знали, что погибнем со шпагой в руках.

— Сдавайтесь! — крикнул один из гвардейцев, но тут же захлебнулся собственной кровью от шпаги, что застряла в его горле.

— Догоните дормез! — услышал я. — Нужно вернуть леди Неож!

Леди Неож?

Эта ночь становилась все интереснее. Дамиан думал, что я похищаю его любовницу, — подумать только! Мне даже немного польстило, что за нами отправили такую ораву, а все оказалось до безумия предсказуемо. Неужели эта игрушка так важна для него? Все-таки нужно было отыскать Аделину — глядишь, с ее помощью выторговали бы Реверонгу независимость.

— Твою ж Тьму! — выругался я, едва прямо передо мной откуда-то с неба свалился необъятный сгусток Тьмы, подгребая под собой и коней, и их всадников.

Мы замерли, не понимая, что делать дальше. Пальцы сжимались, удерживая шпагу на изготовке. Пот стекал по лицу градом, а рубашка давно насквозь пропиталась кровью. Перк добивал гвардейца, но тоже оставался настороже, готовый в любую секунду кинуться в бой, а Тьма рассеивалась...

— Твою ж Тьму... — выругался я повторно, увидев, как на груди мертвых тел лежит вполне себе живой... — Драйян!

Это была невыносимо долгая ночь.

Пешком добравшись до ближайшего поселения, мы привели себя в порядок, купили еду, одежду и коней, но на отдых времени не оставалось. Нужно было срочно отправляться в погоню, чтобы нагнать наш дормез хотя бы у границы между Герхтаром, Певерхьером и Реверонгом.

— Ты как? — спросил я у Драйяна.

Ему наши скачки давались сложнее всего. Его резерв был полностью опустошен, когда он оказался перед нами, а в груди зияла рана, которую, впрочем, он сам и вылечил. Подлатав остальных, я вернулся к другу, но он был не способен на разговор. Шел вперед вместе с нами лишь на голом упрямыстве, а теперь кое-как сидел в седле, но резерв его постепенно восстанавливался, и из ожившего трупа он медленно, но верно превращался в самого себя.

— Уже лучше, — кивнул он благодарно. — Я ненадолго. Мне нужна твоя помощь.

— Не получилось? — спросил я, уже понимая, что друг не оказался бы здесь просто так. Не после того, как попрощался навсегда, сжигая все мосты.

— Нет, — ответил он глухо.

— Она? — не стал я произносить имя Авроры, опасаясь, что нас могут услышать остальные.

Для его гвардии да и для меня эта девушка уже навсегда останется мертвой. Ее тело, съедаемое костром, мы все видели самолично в Певерхьере. Второе жеместилище ее души — тело принцессы Жасмин — вылечить было возможно, но, увы, ненадолго. Тех, кто идет против собственной сути, магия всегда наказывает смертью.

— Пока еще жива. Я не смог все исправить, — сообщил он, не скрывая сожаления. — Сейчас она пребывает во Тьме, искренне считая, что я пересек время и пространство, перенеся нас в другой мир, являющийся отражением нашего, но долго держать ее в неведении я не смогу. Тьма сжирает слишком много сил, а иллюзию приходится поддерживать непрерывно. Именно поэтому мне нужна твоя помощь.

— Новое тело, — понял я. — Я найду, когда мы вернемся в Реверонг, но... Не знаю, сможешь ли ты попасть туда из пространственного кармана.

— Время там не идет. Здесь я появился благодаря нашей связи, а значит, и там смогу. Сможем...

— Я понимаю, но дело не в Тьме. Мы усилим защиту по возвращении, и я даже предположить не могу, как поведет себя магия внутри купола. Мы делаем это на свой страх и риск, потому что другого способа защитить Реверонг я не вижу. У них нет гвардии, нет воинов, они никогда не держали оружие. Целое королевство, Тьма их задери, целителей, которые не станут воевать, даже если их будут убивать! — С каждым словом голос мой становился все громче и громче, и я не мог это контролировать. И так слишком долго сдерживал в себе досаду.

Слишком многое предстояло сделать, чтобы поднять это жалкое королевство с колен.

— Ну и заботы ты мне подкинул!

— Рад стараться, — криво усмехнулся друг. — Что там наш мальчик?

— Сам видишь, — огрызнулся я, тут же пожалев об этом. Понимал, что мне не за что злиться на Драйяна. Он дал мне шанс на другую жизнь, нежели сдохнуть от руки Дамиана, но за эту жизнь еще придется повоевать. — Настолько сильно переживает о нас, что отправил за нами сопровождение. Он думал, что мы похитили его новую фаворитку.

— Фаворитку? — переспросил лорд Дебуа, посмотрев на меня недоуменно.

— Ты же не знаешь... Наш мальчик сегодня женился на Оливии и стал императором. Поздравляю.

Драйян промолчал, помрачнев еще больше. Он до последнего надеялся, что во главе империи встанет король Шагдараха — это принесло бы куда меньше проблем, хоть и не избавило бы от них совсем. Мы все надеялись, потому что Дамиана в этой роли не видел никто. Он не марионетка, чтобы позволить кому-то собой управлять. Более того, для него империя — это не люди. Для него империя — это абсолютная власть.

Дормез мы нагнали только в Герхтаре. Успели как раз вовремя, когда Алер и остальные пытались пробиться через границу в Певерхьер. Горстка гвардейцев была повержена одним взмахом руки Драйяна. Увидев своего лорда, Жакр сел на землю там же, где стоял. Другие же были более сдержанными, хотя, несомненно, в их взглядах впервые за прошедшие дни появилась надежда. Потому что они верили. Они всегда безоговорочно верили в своего главнокомандующего, небезосновательно считая, что ему под силу все что угодно.

— Дальше без меня, — остановил меня Драйян, а лица его личной гвардии стали растерянными.

Не имели права требовать ответов. Да даже задавать вопросы, а потому молчали, ожидая, когда я хоть что-нибудь проясню.

— Спасибо за помощь, — коротко обнял я его, похлопав ладонью по спине. — Я все сделаю. Надеюсь на скорую встречу.

— Свидимся, — сухо кивнул лорд Дебуа, растворяясь в чистой Тьме.

— Он вернется? — не скрывая волнения в голосе, спросил Жакр.

— Вернется, если будет куда. По коням!

Мы успели добраться до берега Певерхьера прежде, чем начало темнеть. Двенадцать столпов Тьмы вырвались в закатное небо там, где раньше стоял мост, как и договаривались, а мы вошли в воду, чтобы отплыть от берега на максимально возможное расстояние. Шесть порталов открылись почти одновременно, но вышли мы совсем с другой стороны, опасаясь, что за нами могут следить.

Защитный купол в горах пропустил нас без проблем, но до того, как вернуться во дворец, я должен был укрепить то единственное, что ограждало Реверонг от войны.

— Начинаем! — дал я отмашку.

Нам предстояло сделать так много до возвращения Драйяна и его жены. Что уж скрывать, я собирался завалить себя работой, чтобы не существовало времени ни на что другое. Чтобы не имелось времени на idiotские мысли об огромных испуганных глазах цвета спелой вишни. Чтобы не думать о той, что осталась во власти двух беспощадных хищников.

Глава 13. Хуже может быть всегда

Аделина.

Я ждала расплаты сейчас же, в эту самую минуту, но, подхватив на руки, Дамиан понес меня во дворец. Так сильно сжимал... Не в объятиях, в тисках. Прянула пылающее лицо у него на плече. Нас видели все.

Гвардейцы, что неспешно следовали за нами в отдалении. Придворные слуги, что попадались на пути, — в отличие от аристократов, они опускали головы и прятали взгляды, предпочитая делать вид, что ничего не видят. Придворный министр, что встретил нас в холле, хотел было обратиться к своему императору, но умолк под его темным взором, а после и вовсе скрылся с его глаз.

Только один человек не желал делать вид, что ничего необычного не происходит. Оливия в сопровождении двух своих фрейлин встретила нас на лестнице. Едва взглянув на нее, я поняла, что бояться мне стоит не только Дамиана. Ярость так четко читалась на ее лице, что теперь я даже не смогла бы сказать, кого из них боюсь больше. Не выдержав, я вновь спряталась на плече у мужчины, тогда как он по-прежнему оставался невозмутимым.

— Отойди, — произнес он с нажимом угрожающе.

Пауза несколько затянулась, но императрица все-таки сделала шаг в сторону, освобождая Дамиану дорогу, хотя мужчина вполне мог бы спокойно обойти ее на широкой лестнице. Но не захотел, еще раз указывая девушке на ее место.

— Теперь, когда вы, наконец, отыскали свою игрушку, я рассчитываю на то, что вы посетите мои покои, — раздалось за спиной Дамиана, когда он поднялся на несколько ступеней вверх.

Но мужчина даже не остановился. Не удостоил супругу ни вниманием, ни ответом. Он все так же продолжал подниматься, а я боялась на него смотреть.

Заговорил император лишь тогда, когда добрался до выделенных мне комнат. Усадив меня на диван, он опустился передо мной на корточки, отыскивая мой запуганный взгляд.

— Коротко и по существу, — проговорил он, а его пальцы скользнули по моим ногам, сжимая щиколотки. — Зачем ты покинула дворец и где была?

Я не вздрогнула лишь чудом. Ощущала его едва сдерживаемый гнев. Наверняка на ногах останутся синяки, но сейчас это было такой мелочью по сравнению с тем, какой вред он действительно мог мне причинить.

— Мне передали записку от служанки о том, что она будет ждать меня в парке, — ответила я дрогнувшим голосом.

— Зачем?

— Мне это неизвестно.

— Ложь! — ударил он меня по щеке ладонью, а я вскрикнула оттого, что кожу обожгло. Даже не старалась подняться, боком завалившись на спинку дивана. Прикрывала ладонью лицо, а по щекам непроизвольно стекали слезы. — Где ты была?

— Заблудилась ночью в парке и ждала утра, чтобы вернуться! — Голос мой дрогнул, едва глаза его сузились, но говорить о своей находке не собиралась.

— Я знаю, что тебе назначил встречу этот щенок! — схватил он меня за шею, приподнимая, удушая. — Хотела сбежать от меня?

— Нет, нет, нет... — сипела я, задыхаясь.

Отпустив, Дамиан силой толкнул меня обратно на диван. Жадно глотала воздух, держась за шею. Темнота перед взором постепенно истончалась, но легче не становилось. Сердце бухало в груди, будто собиралось вот-вот оборвать свой стук.

— Зачем ты пошла к нему? — повернулся мужчина ко мне спиной, сложив руки на груди. Плечи его были напряжены, а сам он едва сдерживался, чтобы не убить меня.

— Я не знала, что это он, — прохрипела я, закашлявшись. Страх сейчас был сильнее разума. — Мне передали записку от служанки. Я видела, как он убил Берту, а потому сбежала в парк. Там и

пряталась до утра!

Уже не могла сдержать слез. Они струились градом. Все вокруг расплывалось, а потому я зажмурила веки, сжавшись на диване.

— Больше никогда не смей меня так пугать. — Голос насквозь был пропитан угрозой, но...

Все изменилось в одночасье. Опустившись на диван рядом со мной, Дамиан прижал меня к себе, а после и вовсе взял на руки, словно ребенка. Крепко обнимал, укачивая в своих объятиях. Что-то шептал, но я не могла разобрать ни слова. Лишь затихала, ощущая, как костяшки его пальцев нежно касаются моей щеки, мягко стирают слезы.

— Тебе нужно привести себя в порядок, — отстранил он меня, большим пальцем очерчивая мои губы и подбородок. — Я пришлю к тебе новую служанку.

— А что случилось со старой? — спросила я осторожно.

— Тебе лучше об этом не думать. Запомни: предательство всегда карается смертью, — прожигал он меня взглядом, далеким от добродушия. — Не смей покидать свои покои. Я вернусь позже.

Наверное, я бы так и продолжала сидеть на диване, если бы не служанка, которая вошла минут через пять после того, как гостиную покинул Дамиан. Она помогала мне привести себя в порядок, а я пыталась понять, что делать дальше, но голова была абсолютно пустой. Здесь ничего не зависело от меня.

После ванны я переоделась в легкое непримечательное платье из темно-зеленой ткани. Служанка заплела мне скромную косу и принесла то ли завтрак, то ли обед. Если честно, я даже вкуса еды не чувствовала. Ждала. В каждую секунду ждала, что император вернется. Могла лишь догадываться, с какими целями, но время шло, а его все не было. Вздрагивала от каждого шороха. Казалось, что то и дело слышу шаги. Так и до сумасшествия недолго.

Стук в дверь раздался как гром среди ясного неба. Мигом подскочив, я кивнула служанке, чтобы та открыла, но удивление мое достигло пика, когда девушка закрыла дверь и обернулась ко мне:

— Ее Императорское Величество просит вас принять ее, — объявила мне служанка о том, кто по-прежнему стоял за дверью.

— Хорошо, — кивнула я, полностью обескураженная.

Кивнув, девушка открыла дверь и присела в реверансе. Я тоже присела, пусть и с некоторой заминкой, но распрямиться так и не смогла. От удивления просто упала в кресло, стоящее за моей спиной.

— Что, дрянь? Решила занять мое место?

Это никак не укладывалось в моей голове. Когда Оливия успокоилась и прекратила обвинять меня во всех смертных грехах, мне наконец-то удалось выяснить, в чем дело. Да только легче не стало. Наоборот, усложнилось в тысячу раз.

Дамиан прошлой ночью так и не озаботился тем, чтобы консуммировать свой брак. Едва гости собрались за столом, мужчина обнаружил мое отсутствие, и все тут же пошло наперекосяк. Пропала не только я, но и лорд Арокос, а вместе с ним и вся его свита. Императору не составило труда сложить два и два, а потому он просто покинул гостей, так и не объявив о начале застолья. Просто бросил свою супругу под недоуменными взглядами аристократии и императорского совета, который несколькими минутами ранее пытался достучаться до его разума.

Ему вспомнили все, причем в присутствии супруги. И мое странное появление при дворе, и статус, и прилюдные унижения императрицы. И сражение посреди бала, и то, что для меня Дамиан определил место по правую сторону от себя — чуть ли не на равных с его молодой супругой.

Но императору, как оказалось, было наплевать. Не стесняясь выражений, он объяснил императорскому совету их место и роль в правлении империей, а после и вовсе предложил катиться на все четыре стороны, если им что-то не нравится. Оливия пыталась его успокоить, но вызвала лишь новую волну раздражения.

— Ему плевать на меня, — заявила она, скидывая со столика ни в чем не повинные книги, которые для меня по приказу Дамиана принесла служанка. — Он бросил меня на глазах у всех и помчался искать тебя! Уму непостижимо! Да надо мной вся империя смеется!

— Оберните это себе на пользу, — несмело прошептала я. — Играйте роль скромной девушки, вышедшей замуж за тирана и деспота. У вас это неплохо получалось. Вам будут сочувствовать, а это

уже немало.

— Да что ты понимаешь?! Святая наивность! — огрызалась она от бессилия.

От бессилия перед собственным мужем, который так и не явился в ее спальню этой ночью, чтобы консуммировать их брак. А ей нужна была беременность — чем скорее, тем лучше. Долго терпеть выходки Дамиана Оливия явно не собиралась, но все шло наперекосок ее планам. Теперь она, даже не скрываясь, сожалела о том, что мы заключили обоюдную клятву. Она пока не могла от меня избавиться, как бы сильно ей этого ни хотелось. И дело было не во мне.

— Поздравляю. Сегодня ты выйдешь замуж, — выплюнула Оливия, без какой-либо грации падая на диван.

— За кого? — ужаснулась я, а внутри все похолодело.

— О, да ты не знаешь? — истерично расхохоталась девушка, но я ее веселья не разделяла. — Он тебе не сказал!

— За кого? — повторила я глухо, а пульс учащался. Стучал в ушах.

— Вам, леди Неож, выпала честь стать второй супругой императора, — объявила Оливия, не сумев скрыть досаду. — Поздравляю.

Каждое слово било не хуже пощечин. Хотелось бежать прямо сейчас, и так далеко, как это только возможно. Я была готова вплавь пересечь Веонское море, лишь бы оказаться как можно дальше отсюда. Лучше бы я никогда не появлялась в Шагдарахе. Лучше бы дала Ранисаху догнать себя вчера и... убить.

— Вы обещали разузнать о моей семье, — произнесла я сухо, бесчувственно, будто все внутри омертвело.

— Намереваешься сбежать? Ты поклялась мне помогать, помнишь? — прокатился ее голос по гостиной.

— Я все помню, — прошептала обреченно.

— Твоя мачеха в Реверонге. — вдруг ответила она совершенно спокойно. — Братья в Императорской Военной Академии. Готовятся дать присягу.

Я не смогла сдержать громкий вздох облегчения. Теперь могла быть спокойна хотя бы за Физеду. Она дома, в безопасности, но как вызволить из академии братьев? Да и нужно ли это? Отомстит ли Дамиан им, если я совершу побег?

— И что ты собираешься делать дальше? — усмехнувшись, спросила она, вырывая меня из вороха мыслей, которые были одна бредовее другой.

— Не знаю, — ответила честно.

— Откровенность за откровенность, Аделина. Здесь ты мне больше не нужна, потому что вреда для меня приносишь гораздо больше, чем пользы. Чего стоит смерть Берты, а ведь она помчалась защищать тебя от собственной глупости, — попеняла девушка, но в ее словах не было сожаления или боли утраты. — Я могу устроить побег для тебя, но не для твоих братьев.

Я неверяще взглянула на нее. Совсем не ожидала такого. Никак не могла отойти от предыдущих новостей, а каждая последующая становилась ударом похлеще.

— Что нужно от меня?

— Немногое, — улыбнулась она шкодливо, вновь преобразовавшись. Сейчас передо мной сидела молоденькая девушка — игривая, веселая, нежная, как белоснежные цветки артабиса. — Не сопротивляться до церемонии, которая назначена на этот вечер. Да, Аделина, Дамиан времени зря не теряет.

— А что потом? — Пальцы мелко подрагивали, а потому я нервно сцепила их в замок.

— Сбежишь прямо перед церемонией. Вниз к малому храму тебя будет сопровождать один из твоих братьев, но вместо тебя пойдет моя служанка, а ты в это время спустишься по черной лестнице для слуг. Там тебя будет ждать карета с моим человеком. Вы поедете в объезд, а потому до Герхтара ты доберешься только через неделю. На этом все. Дальше добирайся сама.

— Спасибо! — воскликнула я, ринувшись к ней.

Упав перед ней на колени, сжимала ее пальцы и не могла больше сдерживать слез облегчения. Она освобождала меня от клятвы, освобождала от помощи и, более того, держала свое слово. Оливия отстраненно успокаивала меня, гладила по голове, а я все плакала и плакала, потому что впервые за последнее время у меня появилась реальная надежда на возвращение, на свободу.

— Ваша Светлость, можно войти? — спросила служанка по ту сторону дверей после короткого стука. — Я принесла наряд...

— Пора собираться, Аделина, — поднялась девушка, помогая и мне встать. — Сейчас пришлю тебе своего человека.

— А он ее не убьет? — прошептала я, только сейчас осознавая весь риск.

— А тебя это действительно волнует?

Глава 14. Физическая боль забывается. Душевная — никогда

Аделина.

Принимала ванну, позволяла делать себе прическу, облачалась в красивое кружевное белье винного цвета, а меня трясло, колотило. Целительская сила нисколько не помогала, просто не справлялась, потому что я ее не контролировала, полностью погруженная в страх и волнение. Служанка даже была вынуждена отлучиться мне за успокоительными каплями, наконец-то оставляя меня наедине с помощницей, которую прислала Оливия, настолько мне было плохо.

— Когда оденетесь, отошлете служанку. У нас будет совсем немного времени, чтобы переодеться. Ее Величество сказала, что ваш брат уже прибыл во дворец, — помогала она мне натягивать роскошное красное свадебное платье, чей шлейф в несколько слоев был сложен на кровати.

— Брат? Не братья? — переспросила я, придерживая корсет на груди.

— Ее Величество говорила только об одном брате, — подтвердила девушка, начиная стягивать завязки корсета.

Дверь распахнулась без предупреждения. Я ожидала увидеть служанку, но вместо нее в спальню вошел Эгар. Серьезный, собранный, как и всегда. В военной форме он выглядел несколько старше, но я, наверное, все-таки хотела бы видеть не его. Подсознательно желала встречи с Дейридом. С ним я смогла бы поговорить, рассказать о том, что собираюсь сделать. Возможно, сбежать вместе с ним, однако так было даже лучше.

Эгар всегда отличался от брата тем, что выше всего на свете ставил честь семьи. Когда я сбегу, император не навредит ему, потому что такой, как Эгар, никогда бы не стал мне помогать, а значит, им ничего за это не будет. Пусть они останутся здесь, но в безопасности.

— Лорд, вам нельзя сюда заходить! — воскликнула девушка, закрывая меня собой. — Леди не одета!

— Оставь нас, — произнес он холодно, но в голосе его я отчетливо расслышала угрозу.

Придерживала платье, чей корсет так и остался не зашнурованным. Ждала, когда мужчина выйдет, но он не торопился. Лишь сверлил девушку непреклонным взглядом.

— Пошла вон! — схватил он ее за руку, буквально выталкивая за дверь.

Я закричала, но крик мой оборвался, едва мужчина захлопнул створку и обернулся ко мне. Он шел медленно, вырисовывал каждый свой шаг, а я не могла сдвинуться с места. Не понимала, что ему нужно. Закрывала рот ладонью, другой рукой придерживала корсет. Чего он хочет?

— Я пришел поздравить тебя, — произнес он сухо, но в его глазах я видела неприкрытую злость, будто я в чем-то провинилась перед ним.

— Не с чем поздравлять. Я узнала о свадьбе только сегодня, — оправдывалась я, осторожно отступая назад к кровати.

— Сегодня? — зло усмехнулся он, подцепляя пальцами рубиновое кольцо, что висело на моей шее. — Неожские земли ты тоже только сегодня получила? И фавориткой императора сегодня стала?

— К чему ты клонишь? — паниковала я, пытаюсь найти взглядом то, что могло бы помочь мне защититься.

— К тому, что все в этой жизни можно купить, — искривил он губы в злой усмешке. — Чего ты хочешь? Деньги? Украшения? Особняк? Я куплю все, что скажешь.

— Зачем? — Я совсем его не понимала.

— Не понимаешь? Не хочешь понимать, — наступал он на меня, неожиданно крепко ухватив за талию. — Так я прямо скажу. Я хочу тебя. Хочу уже очень давно.

Мой крик мужчина заглушил поцелуем. Его губы терзали, причиняли боль. Ни капли нежности, только голое желание. Месть — я ощущала ее, как и голод. Он окунал меня в презрение, но тем не менее продолжал целовать, крепко удерживая мои руки. Даже не замечал сопротивления. Платье упало к ногам, свалилось.

Запнувшись, я с трудом удержала равновесие, но Эгар все равно бросил меня на кровать. Я даже перевернуться не успела, как мужчина навалился сверху, не давая вырваться. Ноги мои были

скованы, как и запястья. Причинял реальную боль и не собирался останавливаться. С ужасом понимала, что намеревается сделать, но осознать до конца не могла.

— Отпусти! Отпусти! — кричала я, плакала, но губы терзали, давили, ломали сопротивление.

Свободной рукой он блуждал по моему телу. Высвободив грудь из тонкого корсета, сжимал, причиняя боль. Пальцы впивались в талию, бедро, пробирались к линии белья. Билась под ним, словно загнанная птица, но он будто и не чувствовал это, не замечал, не хотел замечать.

Едва он отпустил мои руки, я попыталась ударить, но Эгар, как куклу, рывком перевернул меня на живот. Осыпал поцелуями плечи, спину, прижимая к постели. Стягивал белье, не обращая внимания на мои крики:

— Помогите! Помогите! — задыхалась я под его весом.

— Не сопротивляйся, Ада, — шептал он, а мне были до невыносимости противны его касания. Я ненавидела Эгара в этот момент. Вспоминала все его тяжелые липкие взгляды, все случайные встречи и понимала, насколько была слепа. — Мы с тобой теперь будем часто видеться. Я получил назначение при дворе.

Ужас прокатывался по коже, душил. Из искусанных губ сочилась кровь. Гадко, мерзко, никогда не прощу.

— Жаль, что твоим первым мужчиной стал не я...

Щелчок! Как будто кто-то громко хлопнул в ладоши, а я наконец поняла, что случилось. Эгар подумал, что я отдала себя императору. Что я продала свою честь за титул, статус и красивую жизнь.

— Я невинна! — выкрикнула я, вынуждая мужчину замереть. — Император знает об этом, — выдохнула, а с плеч будто камни рухнули, что все это время давили.

Слышала, как он поднимался. Чувствовала, но так и лежала, боясь лишней раз шелохнуться. Эгар не владел целительским даром, а потому не мог опровергнуть или подтвердить мои слова, но ему придется поверить мне. Поверить и отсрочить свои желания.

— Я вернусь, — выплюнул он сквозь стиснутые зубы, будто мог прочесть мои мысли. — Я ждал долго, подожду и еще. Собирайся, Ада. Мне нужно отвести тебя к алтарю.

Дверь хлопнула, и только тогда я сползла на пол и обняла себя за плечи. Только тогда позволила себе завять, прикусив собственную ладонь. Только тогда осознала, чего мне удалось избежать. Временно. Если я не сбегу.

Служанки вошли в спальню лишь через несколько минут. Я уже пришла в себя настолько, насколько это было возможно. Излечив синяки и ссадины, я стояла у окна и придерживала платье, ожидая, пока девушки его зашнуруют.

— Успокоительное, — стыдливо прошептала служанка, протягивая мне склянку.

Осушив ее махом, я вернула бутылек, столкнувшись с испуганным взглядом. Наверняка она хотела мне что-то сказать, но решиться так и не смогла.

— Ты свободна, — отпустила я девушку, но в голосе звучал неоспоримый приказ.

Помощница Оливии уже зашнуровала корсет и стояла рядом со мной, удерживая в руках объемную фату, прикрепленную к небольшой диадеме, что стоила целое состояние. Сегодня меня действительно покупали, проявляя небывалое благородство, но продаваться я не желала.

Служанка вышла из спальни в гостиную, где меня поджидал Эгар, а я ощущала, как по телу разливается небывалое спокойствие. Я бы даже сказала, безразличие. Разум стал ясным, острым, а эмоции схлынули. У меня нет права на ошибку.

— Быстро, — приказала я, стаскивая с себя платье, чья шнуровка совсем не была тугой.

Спешно зашнуровывала наряд на девушке, пока она застегивала украшения и поднимала волосы наподобие моей прически. Осторожно прикрепив диадему, я накинула бордовую фату ей на лицо. Невероятно красивый наряд. Самое роскошное платье из всех, какие я когда-либо видела. Даже у Оливии свадебное платье было куда скромнее, но я не жалела. Все это не стоило моей свободы и того, что Дамиан для меня уготовил.

— Удачи, — пожелала я, но претендовать на искренность не могла.

Спрятавшись за ширмой, ждала, пока девушка выйдет в гостиную. Я даже имени ее не знала, но Оливия права. Мне не должно быть до нее никакого дела. Отныне я обязана заботиться только о себе. Эгар предал меня, как не смог бы предать никто другой. Хотел взять меня силой — такого я не ожидала даже в самом кошмарном сне. Больше меня здесь ничто не держит. Только о Дейриде сердце по-прежнему болит, но была уверена: он сможет позаботиться о себе.

Время тянулось слишком медленно. Услышав, как хлопнула дверь, я спешно оделась в брючный костюм для верховой езды и накинула на плечи черный плащ. Захватив кинжал, переданный Оливией, спрятала волосы под капюшоном. Ни денег, ни украшений — ничего не брала с собой, чтобы не попасться. Остановившись в пути не собиралась, но для начала нужно было выбраться из дворца.

В коридоре не было стражников. Не знаю, куда они делись, но я была благодарна Оливии за всестороннюю помощь. Она абсолютно все взяла на себя, чтобы помочь мне. Я этого никогда не забуду и до конца своих дней буду молиться за нее Всевышнему.

Толкнув дверь для прислуги, я спешно скользнула на темную лестницу. Ступеньки здесь были грубыми, пыльными, но их чистота волновала меня в последнюю очередь. Действовала осторожно, но тем не менее старалась спускаться быстро. Лишь раз останавливалась, когда послышались чужие голоса, но они исчезли так же легко, как и появились.

— Мадмуазель Рейоро? — приглушенно спросил кучер, спрыгивая с козел и воровато оглядываясь по сторонам.

— Это я, — благодарно кивнула, когда он открыл передо мной дверцу.

— Спрячьтесь под сиденье, — напутствовал пожилой мужчина. — Там есть плед.

Взяв плед, я подняла сиденье и забралась внутрь в ящик, куда обычно ставили сундук с вещами. Пришлось изогнуться, чтобы лечь удобнее. Сверху на себя накинула плед. Темно, тесно, неудобно, нечем дышать — все это казалось сущими мелочами. Сердце подпрыгивало, в страхе билось о грудную клетку, а я старалась дышать ровно. Действие успокоительных капель не продлилось слишком долго. Время потеряло свой счет.

Просто знала, что уже вечерет, и молилась, чтобы ночь скрыла меня от всех бед.

Карета остановилась.

Я отчетливо ощутила, как остановился экипаж. Кони заржали.

Слышала голоса, но не могла разобрать ни слова. Воздуха не хватало, задыхалась от ужаса, что плотно забрался в душу, оплетая своими черными щупальцами. Навряд ли мы уже выехали за пределы дворцового комплекса. Хотелось верить в лучшее, но дверца кареты скрипнула, а я услышала голос Оливии:

— Проверьте, Ваше Величество. Я клянусь Тьмой, что в моих словах ни грамма лжи.

Все случилось в одно мгновение. Сиденье рывком поднялось, я увидела искаженное яростью лицо императора, а чужая магия спеленала меня, буквально вырывая из ящика. Боль — ее было слишком много. Она затапливала сознание, разрывала внутренности, колола иглами кожу. Я кричала, кричала отчаянно и дико. Билась в настоящей агонии. Казалось, умирала, принимая жестокую кару за свой побег. За неповиновение, за предательство.

Оливия. Я успела увидеть торжество в ее глазах, прежде чем Тьма окончательно забрала меня к себе. Предала. Не отпустила с миром, решив уничтожить. Предала. Не поверила ни единому моему слову. Предала. Никому нельзя доверять. Здесь я одна против всех.

— Ваше Величество, но так нельзя... — слышала я чей-то старческий голос сквозь гул.

Голова невыносимо болела. Тело ломало, ломало, а я не могла пошевелить даже пальцем. С трудом приоткрыла глаза, чтобы увидеть лицо императора. Он держал меня на руках. Губы искривлены в жесткой линии, взгляд горит чистой Тьмой, за которой и не разобрать эмоций.

— Мне плевать, — отчеканил он, крепче сжимая меня, но я не ощущала боли.

Едва ли понимала, где нахожусь. Высокий потолок был украшен рисунками с изображениями всех видов магии, которая когда-либо существовала. Роскошная люстра искрилась в свете нескольких сотен свечей, но в помещении словно сгустилась вся Тьма этого мира. Чувствовала холод — он расстилался по коже, обнимал, пропитывал насквозь, будто желал добраться до души. Умерла или еще жива?

— Но я не могу! — воскликнул старик, облаченный в темную хламиду. Я сразу поняла, что это храмовник. — Всевышний принимает только обоюдные клятвы!

— Аделина, ты хочешь жить? — спросил Дамиан, заметив, что я открыла глаза.

— Да, — выдохнула я, но даже сама себя не слышала.

— Ты слышал? — кивнул он старику, что трясся, словно осиновый лист. — Она ответила согласием. Проводи обряд... Или сам встретишься со Всевышним.

Служитель храма все говорил и говорил — почти монотонно. Даже не пыталась разобрать его слов. Несколько раз проваливалась обратно во Тьму, но Дамиан неизменно возвращал меня обратно. Буквально заставлял смотреть в глаза, гипнотизировал черным как ночь взглядом, удерживал на краю сознания.

— Пожалуйста... — прошептала я, едва размыкая высохшие губы.

Не знала, о чем просила. О свободе? Чтобы отпустил? Чтобы просто не трогал? Но мне казалось важным, чтобы он услышал меня. Чтобы понял.

— Нет, — ответил он, не думая ни секунды.

На голом упрямстве я нащупала пальцами кинжал, что был спрятан за пазухой, но воспользоваться им не успела. Придерживая меня одной рукой, мужчина перехватил мою кисть. Кинжал выпал из ослабевших пальцев и со звоном ударился о каменный пол, вынуждая храмовника замолчать.

— Все? — спросил Дамиан, будто и не слышал его слов.

— Да, Ваше Величество, — неуверенно проблеял мужчина. — Разрешите поздра...

Тьмы стало в разы больше. Успела ощутить, как нас перенес портал, но и только. Вновь провалившись в вязкое марево, очень хорошо осознавала причины происходящего. На меня давила чужая Тьма. Целительский дар вновь шел на конфликт с темным, и чем больше было Тьмы — моей или чужой, неважно, — тем хуже мне становилось. Меня буквально разрывало изнутри.

— Ей нужен отдых, — услышала я, будто сквозь толщу воды.

— Сколько? — сухо спросил Дамиан.

— Утром смогу сказать. Сейчас неясно, с какой скоростью восстанавливается организм. И... Ваше Величество, вам лучше оставить супругу хотя бы ненадолго, — осторожно заметил говоривший, чтобы поспешно добавить: — Ваши артефакты давят на нее.

— Я сам разберусь, что лучше, — выплюнул Дамиан.

Тьма была ко мне благосклонна в эту ночь, но утром я все-таки пришла в себя. Притворялась, что сплю, потому что отчетливо ощущала на себе чужой взгляд. Невыносимо хотелось поежиться, спрятаться, но не двигалась, как бы сильно того ни хотелось.

— Я знаю, что ты не спишь, — прозвучало совсем рядом, а чужие пальцы прикоснулись к моей щеке, даря ласку, от которой я непроизвольно вздрогнула.

Открыв веки, в страхе смотрела на Дамиана. В мятой рубашке, он выглядел уставшим. Лежал рядом со мной на кровати поверх одеяла, но не в выделенных мне покоях. Осторожно осмотревшись, поняла, что не знаю эту спальню — не видела раньше. Прямо рядом с кроватью стоял письменный стол. Он привлекал внимание тем, что совершенно не вписывался в интерьер комнаты. Массивный, из темного дерева и со стопками документов на столешнице.

— Я работал здесь, — ответил мужчина на невысказанный вопрос. — Сейчас придет лекарь.

Боялась даже дышать. Слишком близко, невыносимо находиться настолько близко. Сердце колотилось в груди, но кроме страха я ощущала еще и слабость. Дикую слабость, что разливалась по телу, словно тягучий мед.

Вытащив из-под одеяла мою правую руку, Дамиан демонстративно прикоснулся губами к костяшкам пальцев, поцеловал ладонь, давая мне во всей красе разглядеть крупный перстень. Он так странно смотрелся на моем безымянном пальце — необычно, непривычно, неправильно. Уже видела этот герб — тот самый ядовитый цветок, в форме которого император вручил мне брошь. Не приснилось. Ничего не приснилось, хотя я на это и не рассчитывала.

— Зачем я вам? — спросила я едва слышно.

— Не веришь в любовь с первого взгляда? — цинично усмехнулся он, поднимаясь с постели.

Дышать стало значительно легче. Нашлись силы и на то, чтобы выше подтянуть одеяло, прикрывая чересчур откровенное белье.

Пройдя к столу, мужчина наполнил бокал янтарной жидкостью и залпом осушил его, с грохотом возвращая на поднос.

— Зачем я вам? — повторила я, так и не получив ответа.

— Ты меня полюбишь, Аделина. Обязательно полюбишь. У тебя нет выбора, — игнорировал он мои вопросы, глядя самодовольно, самоуверенно, без тени сомнений.

— Я вас ненавижу, — призналась я, понимая, что ничего не изменится от моих слов. Больше ничего нельзя изменить.

— Полюбишь, — кивнул мужчина, расстегивая манжеты рубашки. — Лекарь подождет.

Он наслаждался моим страхом, пил его, словно самый лучший, самый дорогой напиток. Хуже может быть всегда — теперь я это отчетливо осознавала. Отстраненно наблюдала за тем, как Дамиан раздевался. Небрежно бросив рубашку в кресло, он разулся и легко стянул брюки. Кулаки сжимались, но я не проронила ни звука. Лишь коротко вскрикнула, когда он, словно дикий зверь, набросился на меня.

Одеяло полетело в сторону. Мужчина покрывал мое тело болезненными поцелуями, клеймил кожу, оставлял свои отметины. Кусал, действительно прикусывал плоть, играя на моих нервах. Разрывал белье, не жалея ткани. Толком и не сопротивлялась — просто не могла, не имела на это сил. Лишь шептала, словно в бреду, будто помешанная:

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу...

— Ты должна меня полюбить, Аделина! — отвечал он, стискивая пальцами мою шею, легко удерживая, вонзаясь в мои губы. — Ты должна меня полюбить! У тебя нет выбора!

— Зачем? — бессильно плакала я, но слезы высыхали мгновенно, потому что кожа горела, пылала, будто от пламени.

— Чтобы увеличить мой дар, — зло усмехнулся он, замирая надо мной. — Ты мой личный артефакт, Аделина. Та, что способна дать мне гораздо больше силы, чем эти жалкие мечи.

Я желала умереть. Дамиан терзал мое тело, издеваясь, отсрочивая неизбежное. Доводил до грани, до последней точки, когда нет другого варианта, кроме как сдаться. Мне было все равно, что он делает со мной. Отвернувшись, зажмурила веки и покорно ждала, когда этот кошмар закончится. Знала, как это происходит. Отношения между мужчиной и женщиной не были для меня тайной, но я не думала, что может быть настолько больно.

Не душе.

Не сердцу.

Плоти.

Глава 15. Всего один шаг способен полностью изменить жизнь. Даже если этот шаг направлен на побег

Аделина.

Я не хотела просыпаться. Желала навсегда остаться в этой Тьме. В ней не было боли, не было предательств, не было лжи. Тьма всегда честна перед своими детьми. Во Тьме есть только холод и пустота. Я не боялась умереть. Иногда смерть — это спасение. Иллюзии. Хочется верить, что там всех нас будет ждать лучшая жизнь, но правда в том, что за чертой есть только Тьма.

Она не обнимет вас, не поймет, никогда не услышит. Она та мать, что всегда бросает своих детей. Та мать, к которой никто не желает возвращаться. Но что делать, если сил больше нет?

Что делать, если подняться почти невозможно?

Я ощущала себя куклой. Изломанной куклой, над телом и душой которой надругались. Я ощущала себя камнем. Не могла ни сдвинуться, ни пошевелить хотя бы пальцем. И не чувствовала абсолютно ничего, но одновременно меня буквально разрывало от эмоций. Внутри я билась в настоящей агонии, умирала, действительно умирала, кричала, срывая горло, но снаружи продолжала быть камнем. Неживой плотью. Омертвевшим телом.

Кровь.

Я чувствовала кровь. Она растекалась по постели, не останавливалась. В воздухе витал запах металла, а во рту ощущался привкус кислоты. Наверное, я просто ждала, когда Тьма вновь заберет меня к себе, но проваливаться в забытие не торопилась.

— Организм перестал восстанавливаться, — дрожащим голосом заметил лекарь, а я видела его бледное лицо, нависающее надо мной.

Он не прикасался ко мне ладонями. Наверное, был силен для диагностики на расстоянии. Я же совершенно не чувствовала свою магию. Ни Тьма, ни целительский дар не отзывались. Да что там — я и тело свое не чувствовала, и это спасало от боли.

— Так вылечите сами, — с нажимом произнес Дамиан, что стоял по другую сторону от кровати, сложив руки на груди.

— Она... Ваша супруга не принимает мой дар, Ваше Величество. Ее тело отторгает мою магию. Я даже кровь не могу остановить.

— Тогда для чего ты вообще здесь нужен? — закричал император, хватая со столика графин с янтарной жидкостью. Графин полетел прямоком в мужчину, но лекарь успел увернуться. — Пошел вон!

— Я... я говорил, что леди Неож нужен был отдых, — оправдывался старик.

— Вон! — прогрохотало в покоях, но я даже не вздрогнула, не зажмурилась. Не имела на это сил. Так и смотрела бесцельно в потолок, но находилась не здесь.

Я вспоминала маму. Огромное поле, что расстилалось за нашим домом. Там мы частенько гуляли и сидели у махонького ручейка, что появился сам по себе. Она любила заплетать мне косы, вплетала в них цветы, а я просто любила, когда она была рядом со мной. Самый пасмурный день становился солнечным только от ее присутствия, только от ее мягкой улыбки.

Я не была похожа на нее. Я вообще не была похожа ни на отца, ни на маму. Радужка поменяла свой цвет на вишневый на третий день после моего рождения, а волосы налились кровью, едва мне исполнилось шесть. Тогда же проснулась и моя Тьма, наследовать которую я не могла ни от мамы, ни от отца. Отец вообще не владел никакой магией, лишь имел знания о травах, а мама обладала только целительским даром. Спросить у нее о том, были ли в ее роду темные маги, к тому времени я уже не могла, потому что она умерла — сгорела за одну ночь. Именно Физеда помогала мне обуздать силу. Обуздать, но не научиться пользоваться ей без вреда для себя.

Артефакт.

Дамиан все время называл меня артефактом. Говорил, шептал, смеялся, что станет непобедимым с моей помощью, но для этого я должна, обязана полюбить его. Он сумасшедший — я поняла это за прошедшие часы. Не может человек, обладающий ясным разумом, верить в такой бред. Не бывает такого, чтобы живой человек являлся артефактом. Силу можно заключить только в предмет, но не в живую плоть. А я... Я стала заложницей безумца. Его второй супругой.

Кто бы сказал мне раньше, что титул Неож и Неожские земли издавна принадлежали королевской семье Шагдараха. Еще не будучи его супругой, я уже носила одно из имен его рода. Он все продумал заранее. Уже тогда знал, какую судьбу для меня уготовил. Зачем? Теперь я нашла ответ, что скрывался в его сумасшествии, в его вере в то, что я усилю его дар.

Мне не давала покоя та девушка, которую я видела в стеклянном гробу. Я была слишком сильно похожа на нее и хоть и не хотела, но связывала ее смерть с Дамианом. Возможно, он тоже считал ее артефактом, и именно это ее и погубило. Меня ждала та же участь — я чувствовала это, но сейчас противостоять ему была не в состоянии.

— Вылечи себя! — нависал он надо мной, схватив за плечи. — Вылечи! Ты ведь можешь!

Я не отвечала. Не смотрела на него, по-прежнему глядя в потолок. Я была не здесь. Тело — возможно, но не душа. Он тряс меня за плечи, кричал, но ничего не добился.

— Пожалуйста, вылечи себя... — крепко обнимал он меня, укачивая в своих руках.

Дверь в спальню распахнулась без стука. Я слышала тяжелые шаги, но не видела вошедшего визитера. Только его голос выдавал в нем человека, наделенного властью и не привыкшего к отказам:

— Сын мой, что происходит? О твоём поспешном браке уже известно по всей империи, а ты прячешь супругу где...

Бывший король Шагдараха не договорил. Сорвав покрывало, он в тот же миг набросил его на меня, но Дамиана рядом уже не было. С каким-то неправильным, ужасающим меня саму удовлетворением я смотрела на то, как чужая Тьма удерживает императора за шкуру, словно мальчишку. Выкинув сына из спальни, пожилой мужчина одарил меня многообещающим взглядом, в котором скрывались и сожаление, и жалость, и решимость.

— Я позову сейчас свою супругу. Позволь ей осмотреть тебя, — расслышала я, прежде чем все-таки провалиться во Тьму.

Меня звала мама. Она улыбалась мне, гладила меня по волосам, снова заплетала косы. Я видела свет. Так много света вокруг, что излучал ее целительский дар. Я купалась в нем, ластилась в ее объятиях и не могла надышаться ею.

— Вот так. Вот так, моя милая. Какая красивая девочка. Давай откроем глазки? — услышала я, послушно приоткрывая веки.

Я действительно купалась в чужой магии, но мама мне привиделась. Рядом со мной на постели сидела женщина в годах, однако ее красота со временем нисколько не потускнела. Я уже встречала ее на торжествах — королева Ньенгеха, но супругой короля Шагдараха, насколько мне известно, она не была.

— Воды, — прошептала я, едва размыкая сухие губы.

Магия возвращалась ко мне. Я ощущала и целительский дар, что тянулся потоками и помогал излечивать мое тело, и Тьму, что недовольно ворочалась, чувствуя работу своей конкурентки. Ощущала, но вместе с магией ко мне возвращалась и чувствительность, а вместе с ней и боль. Ее было слишком много, но с каждым вдохом, с каждым ласковым словом мне становилось легче. Легче дышать, легче воспринимать окружающий меня мир, легче жить.

— Сейчас нужно вымыть тебя и поменять постель, хорошо? — спросила она, поднимаясь.

— Пожалуйста, — закричала я, рывком хватая ее за руку. — Пожалуйста, не оставляйте меня! Пожалуйста!

Слезы хлынули произвольно. Страх, самый настоящий ужас завладел моим разумом. Если она сейчас уйдет, я снова останусь здесь одна. И он вернется. Он обязательно вернется.

— Тише-тише, девочка. Тише. Я не уйду, слышишь? Я здесь. Я никуда не уйду.

— Пожалуйста! — плакала я, понимая, что полностью поглощена истерикой, но тем не менее не имея возможности себя контролировать.

— Вот моя рука. Держи меня за руку, ладно? Я не уйду, Аделина. Я никуда не уйду.

Я отчаянно цеплялась за ее руку. Крепко удерживала ее пальцы даже тогда, когда прислужники переносили меня в другие покои. Держала, когда девушки осторожно омывали мое тело, стирая кровавые разводы. Не отпускала, пока переодевали в длинную светлую сорочку и облачали в халат из тонкой нежной ткани. Не могла отпустить, потому что вместе с реальностью вернулся и страх.

— Давай-ка я тебя покормлю. Ммм, какой вкусный куриный бульон, — зачерпнула она ложкой золотистую жидкость. — Вот так, моя милая. Какая хорошая девочка.

Я слушала и делала все, что она говорила. Не хотела снова оставаться одна. Боялась этого больше всего на свете. Когда тарелка была опустошена, я без возражений выпила принесенный лекарем укрепляющий отвар. Стало значительно лучше, но все еще ощущала слабость.

— А теперь нужно поспать, — ласково произнесла женщина, погладив меня по волосам, что теперь действительно были заплетены в косу.

— Я не хочу спать, — соврала я, потому что небезосновательно опасалась, что она оставит меня. Служанки давно вышли, но, даже если вернуться, они не смогут ничем мне помочь.

— Ты его боишься, милая? — спросила она, а лицо ее светилось теплом. Она дарила мне спокойствие. Я понимала, что это происки ее дара, но нисколько не возражала.

— Он убьет меня, — прошептала я, проглатывая слова. — Он считает меня артефактом. Император сумасшедший. — Пальцы вновь начинали мелко подрагивать, а я ярко, отчетливо ощущала подступающую истерику.

— Расскажи мне, девочка. Ты можешь рассказать мне абсолютно все. Он больше не тронет тебя, клянусь. Ты мне веришь?

— Верю, — ответила я едва слышно.

Я рассказывала все. Все, что так долго хранила в сердце.

Рассказывала о том злополучном дне, когда увидела лорда Арокос в крови на берегу Реверонга. Рассказывала о том, как впервые попала к императору и как сильно не хотела ничего говорить, но интересы семьи были, как и всегда, превыше всего.

Рассказывала о своем назначении фрейлиной. О том, как оно без моего на то согласия переqualificировалось в статус фаворитки. О том, что у меня не было выбора, потому что император угрожал навредить моей семье. И о договоренности с Оливией рассказала. Повела об ее предательстве и о клятве, что теперь перестала существовать, потому что императрица выполнила ее условия, но тут же подставила меня.

Не могла молчать. Захлебывалась слезами и говорила, говорила, говорила. И о том, как мой сводный брат пытался изнасиловать меня перед свадьбой. И о том, что видела убийство Берты в парке. Даже о своей находке рассказала, поведав о своей невыносимой схожести с той мертвой девушкой. Не утаила ничего. Обнажала свою ненависть, делилась ей, рассказывая о свадьбе и о консуммации моего незаконного брака. Терять мне уже было попросту нечего.

— Ничего. Ничего, милая. Все наладится, — успокаивала меня женщина, глядя по руке. — Просто ты попала не туда и не в то время. Так бывает, но я не дам тебя в обиду, слышишь? Когда-то я не сумела уберечь свою дочь, но тебя берегу...

Дверь в спальню открылась без стука, но за прошедшие часы я к этому уже привыкла. Лишь вздрогнула, едва встретилась взглядом с Дамианом. Сжалась, а пальцы непроизвольно крепче ухватились за руку женщины, но она... Она даже не удивилась.

— Кто позволил вам войти сюда, Ваше Величество? — отчеканила она, поднимаясь и загораживая меня собой.

— Мне не требуется чье-то разрешение, чтобы проведать свою супругу, — жестко возразил мужчина, делая шаг к постели, но леди Даир перегородила ему дорогу.

— Спешу напомнить вам, Ваше Величество, — зло выплюнула она, не испытывая к этому человеку и тени страха, — что мы с вами находимся не в Певеэрхьере, где жена — это племенная кобыла. Вы, Ваше Величество, согласно этикету, обязаны просить у своей супруги дозволения войти в ее покои. И, чтобы вы зря не тратили время, я отвечу вам вместо нее. Вам здесь не рады.

Повисло молчание.

Сердце мое колотилось в груди, а страх душил. Замерев, даже не двигалась, чтобы не дай Всевышний не встретиться взглядом с этим зверем. Наравне с ненавистью и презрением я испытывала к нему только ужас. Дикий и не подвластный контролю.

— Не бойтесь, Элен? — пугающе усмехнулся император.

Иголки страха прошли кожу. Хотелось закричать, но голоса не было. Лишь осознание, что эта светлая женщина может погибнуть из-за меня.

— Как ты смеешь мне угрожать, мальчишка?! — с нескрываемой яростью спросила леди Даир. — Убирайся отсюда, и чтобы ноги твоей здесь больше не было без дозволения леди Неож. Ты уже раз чуть не отправил ее к Всевышнему. Жаждешь повторить?

— Она моя жена!

— Но не вещь, — непререкаемо склонила она голову набок, сложив руки на груди. — Я бы на твоём месте озаботилась своей первой супругой. Слишком много власти, слишком большие амбиции...

— Что вы имеете в виду? — в голосе слышался вызов.

— А ты не спросил у нее, откуда она знала, каким именно способом и когда леди Неож собиралась сбежать? Открой глаза! Ты ослеп за своим безумием! Не ровен час и империя останется без императора. Хочешь власти? Так докажи, что ты ее достоин. Иначе, поверь, Ньенгех и Герхтар выйдут из империи так же легко, как и вошли в нее.

— Не угрожайте мне! Я разотру вас в порошок! — уже не сдерживал эмоций Дамиан.

— Попробуй, — спокойно предложила Элен. — А я постою рядом и посмотрю, как быстро выбранная тобой супруга отправит тебя на тот свет. Ты — не Драйян, мой мальчик, — продолжила она, смягчив тон. — Он мог бы ее обуздать, но не ты. Если в тебе осталась хоть капля благоразумия, ты ограничишь ее власть и не прикоснешься к ней, чтобы иметь возможность расторгнуть этот нелепый брак по истечении трех месяцев. Что же касается Аделины...

Я думала, что они просто забыли обо мне. Говорили о таких вещах в моем присутствии... Не понимала, отчего такая степень доверия, учитывая то, что я рассказала Элен. Не понимала, но жадно слушала каждое слово, потому что здесь и сейчас решалась моя судьба.

— Не вам мне указывать, — устало перебил ее Дамиан, растеряв весь боевой пыл.

— Мне, — заявила женщина неоспоримо. — Ты уже наделал дел, так послушай, что я тебе скажу, если не хочешь, чтобы к тебе с беседой снова заявился отец. Да, Аделина твоя супруга перед Всевышним и людьми, но это не дает тебе право делать ее своей рабыней. Беспокоишься о ней? Так думай головой, прежде чем делать. Хочешь навестить? Спроси разрешения. Если ты только попробуешь прикоснуться к этой девочке против ее воли, я найду способ оставить ее вдовой. Ты меня понял?

Я не видела Дамиана в этот момент, но повисшее молчание было красноречивее тысячи слов. Элен действительно могла меня защитить от него и защищала. Боялась радоваться. Боялась поверить услышанному. Наученная горьким опытом, уже знала, что не бывает все так просто. Ждала подвоха, и он обнаружил себя тут же:

— Рекомендую тебе вспомнить о воспитании. Мы с твоим отцом ничего не имеем против того, чтобы императрица сменилась, но насильно мил не будешь. Подумай над этим, мой мальчик. И над тем, что крепости нужны не для того, чтобы их разрушать, а для того, чтобы их покорять. И еще кое-что. Лорд Пехто, который получил в знак твоей благосклонности назначение при дворе, вчера покушался на честь твоей супруги, собираясь взять ее силой.

— Аделина, это правда? — услышала я требовательное обращение, но в ответ лишь гулко выдохнула. Зачем она это говорит? Зачем вообще они говорят при мне?

— Тебе не достаточно моего слова? — удивилась Элен, оборачиваясь ко мне, чтобы поправить одеяло. — Ничего не бойся, — произнесла она одними губами.

— Аделина? — все-таки нашел император мой затравленный взгляд. — Я разберусь, — пообещал он мне с угрозой, но она была направлена не на меня. — Как ты себя чувствуешь? — обратился он мягко, делая шаг к постели.

Вжавшись в подушки, я смогла выдавить из себя лишь приглушенное:

— Уходите.

— Ада... — И столько раскаяния в голосе, взгляде, жестах, но я и не пытаюсь ему верить. Потому что никогда не прощу. Такое не прощают.

«Моя прелесть...» — эти два слова будут сниться мне в кошмарах до конца моих дней. Только вещь. Артефакт и ничего кроме. Супруга, но не человек.

— Идите, Ваше Величество. Мы здесь сами. У вас и так скопилось слишком много дел, — бесцеремонно выгнала его женщина, выпроводив в гостиную почти за руку.

Я не слышала, о чем они говорили там, за дверью. Могла лишь предположить, что королева

Ньенгеха повторяла для Дамиана все то, что уже сказала. Возможно, передавала все то, что услышала от меня, но для меня все это было неважно.

Я не могла обижаться на эту женщину. Она говорила страшные слова, угрожала императору и словно бы имела на это право. Мне даже показалось, что Элен относится к нему как к сыну, хотя слова ее были далеки от ласковых. Она предлагала ему завоевать меня — открыто говорила об этом, не собираясь скрывать от меня свою позицию. Наверное, именно поэтому я и не могла обижаться. Уважала ее честность, какой бы страшной для меня она ни была.

Женщина вернулась спустя несколько минут, когда я уже отчаялась дождаться ее. Мягко улыбнувшись, она поправила мне одеяло и потянулась к отвару, намереваясь дать мне его выпить. Но я-то знала, что за этим последует сон — сон хороший, помогающий окончательно вернуть мне силы, — однако я считала, что спать мне еще рано.

— По глазам вижу, что тебя мучают вопросы, милая. Я постараюсь ответить на них, но только если ты выпьешь отвар.

— Я усну, — возразила я, ощущая неловкость оттого, насколько легко ей было прочесть все на моем лице.

— Не сразу. Получить ответы успеешь, но тебе действительно нужно поспать. Слабость во сне пройдет гораздо быстрее.

Залпом выпив ароматное варево, я вновь воззрилась на женщину, что присела на край кровати, так легко и беззаботно скинув туфли на пол. Не знала, с чего начать. Правильные вопросы никак не хотели появляться, а время уходило.

— Ты растеряна. Это нормально в сложившейся ситуации, — улыбнулась она, тяжело вздохнув. — Первое, что ты должна понять: Дамиан — мальчишка. Порывистый, эмоциональный мальчишка, но не безумец. Ты на самом деле являешься артефактом. Артефактом настолько редким, что за всю свою жизнь я видела лишь одного человека, который был способен усиливать чужую магию. Ты уже познакомилась с ней в королевском склепе. Виола была первой любовью Дамиана, и именно из-за любви она погибла. Ее убили по моему приказу.

Я не верила собственным ушам, но останавливать или перебивать женщину не собиралась. Лишь ожидала, во что же выльются ее откровения.

— Ты можешь осуждать меня, но тогда я старалась ради своего сына. Дамиан никогда не отличался сильным даром, тогда как Драйян превосходил его абсолютно во всем. Я не могла передать трон своему незаконнорожденному сыну, даже не имея других наследников, но его отец... Король Шагдараха запросто мог передать ему власть. Именно на это я рассчитывала, лишая Дамиана его единственного преимущества — Виолы. Но мой сын оказался благороднее и честнее меня. Драйян никогда не стремился к власти. Жаль, что я поняла это слишком поздно. Я даже не знаю, где он сейчас... — закончила она, не скрывая грусти, а я...

Да я просто устала бояться. А может быть, отвар уже начал действовать — не знаю. Да только следующий мой вопрос прозвучал на удивление спокойно:

— Вы убьете меня?

— Что ты? — ласково улыбнулась она, погладив меня по руке. — Все приходит с опытом, и мудрость в том числе. Всей империи выгодно оберегать тебя, потому что пока есть ты, навряд ли найдется тот, кто сравнится с Дамианом по силе. Ты нужна ему, ты нужна всем нам, потому что другого кандидата на место императора у нас нет. Более того, я уверена, что ты сможешь уравновесить его, стать ему опорой и поддержкой. Из тебя выйдет отличная императрица. Уж поверь мне, в людях я разбираюсь.

— Но я не хочу быть императрицей. Я даже его женой быть не хочу.

— Не хочешь — не будешь, — легко ответила она. — Я поклялась тебе, что Дамиан больше никогда не причинит тебе вреда, и я сдержу свое слово. У него есть три месяца на то, чтобы добиться твоего расположения. По истечении трех месяцев он сможет расторгнуть брак с Оливией перед Всевышним и людьми, если, конечно, эта вертихвостка не затащит его в свою постель. Тогда же ты, как единственная его супруга, сможешь стать императрицей, но... Пока я жива, без твоего желания он никогда ни к чему не принудит тебя. И поверь, я собираюсь жить очень долго, — улыбнулась женщина. — Единственное, что уже никто не сможет исправить, так это ваш брак. Ты его супруга, моя милая. Его супруга перед Всевышним и людьми и таковой останешься до тех пор, пока смерть вас не разлучит.

— Мне противно даже просто видеть его, знать, что он где-то рядом. Мне страшно, — призналась я, а веки закрывались.

— Всегда можно договориться, Аделина. Ты нужна ему, чтобы усилить его дар. Дай ему то, что он просит, и он перестанет тебя беспокоить. Вполне возможно, что вы и видеться будете только для того, чтобы ты питала его силой.

— Я больше не лягу с ним в постель, — едва вымолвила я севшим, то и дело срывающимся голосом. От одной мысли об этом мне вновь становилось плохо.

— Лично я этого и не прошу. Дамиан пошел уже проверенным путем и ничего не добился, потому что, чтобы усилить его Тьму, ты должна захотеть это сделать. Виола любила его, а потому усиливала его Тьму тогда, когда испытывала пик этого чувства — то есть в постели, — но я уверена, что есть и другие способы. Если хочешь, уже завтра мы можем с тобой отправиться в императорскую библиотеку и поискать там информацию о таких, как ты. Вдвоем разберемся быстрее. Что же касается всего остального... Предлагаю решать проблемы по мере их поступления. Я на твоей стороне, Аделина, но и против империи никогда не пойду, — поднялась Элен с постели, словно маленькой, подворачивая мне одеяло со всех сторон. — А теперь спи. Тебе нужно много сил, чтобы утром предстать перед своим народом. Весть о скорой женитьбе императора уже облетела всю империю.

— Это обязательно? — спросила я, уже осознавая, что давно проигрываю сну. Лишь на голом упрямстве еще не ушла во тьму.

— А как же! Ты теперь у нас самая обсуждаемая и загадочная личность. Знаешь, что говорят в народе? Что император выкрал тебя из Реверонга, потому что влюбился с первого взгляда. Еще говорят, что ты дочка торговца. Император не устоял перед твоей красотой и даровал тебе одно из имен своего рода и земли, лишь бы оставить тебя при дворе. Народ хочет увидеть тебя, и они уже любят тебя. Кто-то сочувствует, а кто-то верит в красивую сказку о любви, но важно то, что перед тобой, Аделина, открываются небывалые возможности. Воспользуйся тем, что даровала тебе судьба. Не уппусти свой шанс.

В сон я все-таки провалилась. Сновидений было очень много — они слились в калейдоскопе красок. Кошмары сменялись приятными картинками, чтобы вновь погрузить меня в страх. В своих снах я была и рабыней, и заложницей, и императрицей. В своих снах я любила Дамиана и убивала его без тени сожаления. В своих снах я видела детей, которых считала своими, и подписывала смертный приговор для Оливии. В своих снах я сидела рядом с мамой у ручья и вела сражение между империей и Реверонгом на территории Веонского моря. В своих снах я проживала тысячи моментов из чьей-то чужой, не моей жизни, но последний сон назвать ни плохим, ни хорошим я не могла.

Мне снился бал. В просторном зале дамы танцевали с кавалерами, хвастались яркими роскошными нарядами и скрывали счастливые улыбки под масками. Я шла через весь зал. Улыбалась придворным, едва они останавливались и склонялись передо мной в поклонах и реверансах. Улыбалась, но продолжала идти, потому что меня неумолимо тянуло вперед — туда, где за высокими дверьми скрывался полукруглый балкон, обнесенный балюстрадой.

Дворцовые прислужники учтиво открыли передо мной двери, а я сделала шаг, второй, третий, чтобы жадно вдохнуть такую желанную прохладу ночи. Звезды расстилались по небесному ковру, освещали империю вместе с луной. Здесь было тихо, спокойно и хорошо. Здесь я нашла то, что так долго искала, — одиночество.

— Я скучал, — произнес чужой голос за моей спиной, но я будто знала, что он стоит там.

Нисколько не испугалась. Его руки обняли меня со спины, а я блаженно откинулась мужчине на грудь. На губах заиграла довольная улыбка. Я так сильно ждала его, а теперь была по-настоящему счастлива.

— Не уходи, — попросила я, хоть и знала заранее, что он все равно исчезнет.

Почему-то отчетливо осознавала, что все это всего лишь сон. Хотелось урвать для себя из этого сна все самое лучшее. Хотелось попрощаться с мечтой. Навсегда попрощаться, потому что наяву я никогда не смогу позволить себе даже трети своих желаний.

Развернувшись в кольцо его рук, я взглянула в его темные глаза. В них разливалась целая бездна. Та бездна, в которой я была готова тонуть бесконечную вечность. Лишь бы был рядом. Лишь бы могли и дальше вот так стоять на виду у всего мира.

— Я тебя люблю, — прошептала я, приподнимаясь на носочках, но все равно не имея возможности достать до его губ. — Я всегда буду любить тебя.

— Не упрощаешь ты мне жизнь, Адель, — печально улыбнулся лорд Арокос одним уголком губ, неизбежно склоняясь.

Неважно, кто первый потянулся за этим поцелуем. Едва губы коснулись губ, я осознала, что

пропала давно и пропала навсегда. Моя мечта, моя влюбленность, моя личная сказка, которая никогда не воплотится в жизнь. Я была рада встретиться с ней хотя бы во сне. Хотя бы во сне немного побыть счастливой.

— Прощай, — выдавила я из себя, а сама крепко обнимала, прижималась к мужчине всем телом, вжималась в него, как если бы желала вращаться, соединиться, стать единым целым.

— До свидания, Адель, — ответил он куда-то мне в макушку, ласково гладя меня по волосам и спине. — До свидания...

Глава 16. Под тысячей масок

Аделина.

Первые недели были самыми сложными. Каждое утро, поднимаясь с кровати, я отчаивалась побороть свой страх перед Дамианом, но в конце концов нашла в себе силы если не выступить против него, то хотя бы стать равной.

Невыносимым для меня стал самый первый день моего окончательного пробуждения. Проснувшись утром, я ощутила прилив паники, но он схлынул так же быстро, как и пришел, едва в моих покоях появилась Элен. Женщина буквально лучилась теплом и каким-то потусторонним светом. И дело было не в золотых украшениях, что сверкали под лучами солнца, заглядывающего в широкое окно. Она сама по себе была солнышком — ярким, теплым и дарящим спокойствие и счастье.

— Моя девочка уже проснулась? Как ты себя чувствуешь? — улыбнулась она, бесцеремонно забирая у меня одеяло и подталкивая к тому, чтобы я поднялась с постели.

— Уже лучше, — не покривила я душой, отвечая.

У леди Даир все получалось так легко, так играючи. Сопроводив меня в ванную комнату, она распорядилась о завтраке. Две служанки помогли мне принять ванну, а еще две — застлали постель и готовили наряд. Невероятное по своей красоте карминовое платье воздушным облаком лежало на кровати, когда я наконец выбралась в спальню. Платье, действительно достойное императрицы.

Россыпь зачарованных рубинов и бриллиантов — наверное, им пришлось хорошенько встряхнуть казну, чтобы расшить этот наряд камнями. Платье на сто процентов являлось свадебным, но было куда роскошнее того, что я должна была надеть. Из меня хотели сделать принцессу, и у них это получилось.

— Времени нет, но позавтракать ты должна, — строго напутствовала меня Элен, самостоятельно наливая мне в чашку отвар из белозии. — Вчера, пока ты спала, был собран императорский совет. За твою кандидатуру проголосовали все, но решение по-прежнему за тобой. Чтобы ты ни выбрала в следующие три месяца, стратегия у нас одна: тебя должны любить, тебя должны боготворить, а для этого ты просто должна оставаться собой, — улыбнулась она, потрепав меня по влажным волосам.

Должна, должны... Когда? Мне непонятно, когда моя жизнь перевернулась с ног на голову и я вдруг стала всем что-то должна? Почему нельзя просто отпустить меня с миром?

— Ты супруга императора, и это уже не изменить, — ответила женщина, словно прочитав мои мысли. — И я надеюсь на твою благоразумность, Аделина. Тебе незачем сбегать. Твою семью будут рады видеть при дворе, можешь попросить у Дамиана для них любые блага. Да и ты сама. Почти все твои приказы будут выполняться беспрекословно. Ты и только ты можешь повлиять на жизнь обычных людей, наших подданных. Только подумай, сколько всего ты можешь сделать. Лекарские пункты, школы, академии. Твоя помощь нужна везде. Дамиану некогда будет заниматься этим, но ты — твои возможности безграничны.

— А что будет делать в это время императрица? — спросила я, усмехнувшись.

Красивая сказка: бедная простушка находит своего принца и становится императрицей, чтобы заботиться о народе. О чужом народе.

— Тебя это не должно волновать, милая. Научись думать о себе и о том, что действительно важно для тебя. Поверь мне, кроме тебя самой, о тебе никто не позаботится. И о людях никто не позаботится...

Волосы мне убрали в высокую прическу из крупных локонов. Платье село как влитое, а поверх прически водрузили изящную диадему. Я прекрасно осознавала, что сейчас, уже буквально через несколько минут, вновь встречу с Дамианом, и эта встреча не сулила мне ничего хорошего. Более того, все мое естество противилось тому, чтобы увидеть его еще хоть раз.

— Ты очень красивая, моя девочка. Красный цвет делает тебя невероятно нежной, — улыбнулась Элен, выпуская наружу один из локонов в моей прическе. — Я всегда буду рядом.

И она действительно была рядом. Сопровождала меня до холла, что находился на четвертом этаже. Дамиан уже стоял у высоких двустворчатых дверей, что вели на полукруглый балкон. Мне даже на секунду показалось, будто я здесь одна, а там, за дверьми, меня ждет Ранисах, как в моем сне, но реальность не щадила.

Остановившись рядом с Дамианом, я не смела поднимать на него взгляд. Не хотела смотреть ему в глаза, видеть его лицо. Его присутствие здесь уже само по себе являлось для меня испытанием, но мужчина, видимо, думал иначе, потому что позволил себе коснуться моей руки, приподнять кисть и поцеловать тыльную сторону ладони.

— Леди Неож, вы невероятно прекрасны, — произнес он приглушенно. Так, чтобы это слышала только я.

Промолчала, хотя остро ощущала на себе его взгляд. Дамиан ждал ответа, но тянуть и дальше не мог. Я слышала гул толпы. Не представляла, как себя вести, что говорить, однако мужчина меня удивил, полностью взяв все на себя.

Ощущала омерзение, когда он переплел наши пальцы и осторожно повел меня через арку. Полукруглый балкон был относительно небольшим, но нам пришлось подойти к самому его краю, чтобы мы были видны абсолютно всем. Тысячи, наверное, даже десятки тысяч людей. Целое разноцветное море вдруг в единый миг посмотрело на нас, радостно приветствуя криками.

— Поздравляем! Поздравляем! — слышалось со всех сторон.

Максимально отстранившись от действительности, я не слушала ту речь, которую с изрядной долей пафоса произносил император. Он объявлял сегодняшний день праздником во всей империи. На центральных площадях, с его слов, уже накрывали столы и готовили бочки с вином в честь его супруги, то есть меня. Меня будто изваляли в приторно-сладком сиропе, не забыв положить сверху вишенку, — настолько противно было. Слышала неподдельное восхищение в словах Дамиана, ощущала его гнилую любовь и улыбалась. Улыбалась, потому что ничего другого не оставалось.

— Указом моей супруги абсолютно каждый человек, независимо от того, где он родился, сможет обратиться за помощью лично к ней в часы аудиенций. Наша империя должна процветать и развиваться, и мы приложим к этому все усилия.

Подстав для меня в этот день действительно было много. Начиная от объятий Дамиана перед многотысячной толпой и заканчивая теми самыми аудиенциями, о которых я узнала только на балконе. За меня, как обычно, решили абсолютно все, но я не противилась. Была не при тех возможностях, чтобы высказывать свое мнение. Теперь я понимала Оливию — меня могли спасти только игра и надежда, что императрица не отступится от своих планов.

После завершения помпезной речи Дамиан не хотел меня отпускать, но вмешалась Элен. Именно она сопровождала меня до моих покоев, что по-прежнему находились в крыле императора. Я не чувствовала себя здесь хозяйкой, хоть леди Диар и пыталась меня в этом убедить. Даже гостьей не чувствовала. Заложницей обстоятельств — вот кем я была и пока не понимала, как из всего этого выбраться.

Подождав, пока я переоденусь, Элен сопровождала меня в библиотеку. Там мы просидели до самого обеда, разыскивая книги о живых артефактах, но поиски наши в тот день не увенчались успехом. Однако кое-что меня все-таки удивило. Получив разрешение войти, библиотеку посетил один из дворцовых прислужников. Мужчина с самым одухотворенным выражением лица передал мне бархатную коробочку от императора, но открывать ее я не хотела. Желала отправить подарок обратно, но на открытии настояла Элен.

— Моя милая, нужно радоваться, когда мужчина уделяет тебе внимание, и, естественно, принимать подарки. Они тебя, слава Всевышнему, ни к чему не обязывают.

В коробочке обнаружился золотой браслет. Плетение было красивым, несмотря на толщину звеньев. Каждое звено венчали крупные зачарованные рубины. Продав его, я могла бы купить себе неплохой замок где-нибудь на окраине Реверонга, но даже притрагиваться к нему мне было противно.

— Какая красота, — протянула рядом Элен, осторожно касаясь рубинов подушечками пальцев. — Еще и незаменимая вещь. Рубины сразу потемнеют, если рядом будет яд.

— Яд? — ошеломленно переспросила я.

— А ты как думала? Чем выше взлетаешь, тем больше падать. За всю мою жизнь меня пытались отравить больше сотни раз. Никому нельзя верить, дорогая. Самый преданный тебе человек уже завтра может легко преподнести тебе бокал смерти, так что обязательно поблагодари Дамиана за этот подарок. Он не раз и не два спасет тебе жизнь.

Она меня подталкивала. Незримо, аккуратно, с хитростью, но подталкивала к тому, чтобы я пошла Дамиану навстречу. Не пыталась возражать или одергивать ее. Зачем? Пусть думает, что ей все удастся. Пусть считает, что я иду у нее на поводу. Сейчас она заботится обо мне, ловко контролирует, но вечно это делать не сможет. Лишь убедится, что все идет, как задумано, и тут же

отпустит в свободный полет. Я подожду. Ждать — это все, что мне остается.

Я ненавидела его. Сейчас, когда разум мой был ясным, а страхи временно отошли на второй план, я отчетливо понимала, насколько сильно ненавижу Дамиана. То, что он сделал, просто невозможно простить. Никогда не прощу и никогда уже не смогу забыть ту боль, что испытала. Он надругался не только над телом, но и над душой. Принудил меня к браку, потому что фаворитки ему оказалось недостаточно. Теперь понимала, что хотел как можно крепче привязать к себе.

— Нам пора. Продолжим уже завтра, моя милая, — улыбнулась Элен, убирая обратно книги, в которых описывались различные артефакты.

— Куда? — удивилась я, потому что о своем расписании не знала абсолютно ничего.

Кроме того, что со следующей недели два часа в день по утрам я буду тратить на всех страждущих и обделенных. Все остальное же мне было неизвестно.

— Время обеда. Не переживай, все исключительно в теплом семейном кругу. Общее празднество назначено на вечер.

— В семейном кругу? Общее празднество? — не переставала поражаться я развлекательной программе.

— А чего ты ожидала? Первая или вторая жена — неважно. Сегодня праздник во всей империи, а значит, будет бал. И поверь, Дамиан несколько не скупился.

Семейный обед — это звучало так легко, но на самом деле было тем еще испытанием. Кроме меня и Элен в просторной столовой за массивным деревянным столом, уставленным яствами, расположились Дамиан и его отец — человек, благодаря которому я в принципе еще была жива. Неизвестно только, надолго ли.

Оливии не было. Этот факт поразил меня, но спрашивать я ничего не стала. Для нее за столом даже стул и приборы не приготовили. Видимо, после произошедшего девушка впала в немилость.

Они обсуждали бал, что был назначен на вечер. Так легко переговаривались, улыбались, а мне хотелось удавиться. Кусок в горло не лез под внимательным взглядом Дамиана. Он одарял меня комплиментами, рассказывал о том, какой великолепный салют намечается. Элен не забыла напомнить ему, что его супруге необходимы новые наряды. Как будто императора это должно заботить, но Дамиан уверил ее, что даст распоряжение вызвать во дворец самых лучших модисток.

Абсолютно все делалось для того, чтобы я забыла о своей ненависти и отвлеклась на насущные проблемы. Все они вели себя так, будто ничего не произошло. Лишь во взгляде Дамиана я изредка могла найти вину и сожаление, но не верила. Не верила, потому что такие, как он, полностью убеждены в своей правоте, какую бы мерзость они ни сделали.

— Аделина, вы позволите мне навестить вас перед балом? — спросил Дамиан, когда с обедом было покончено, но все почему-то продолжали сидеть за столом, словно чего-то ждали.

Воцарилось молчание. Я отчетливо ощущала, как скрестились на мне чужие взгляды. Это была проверка. До глупости, до наивности смешная проверка, но именно от ее результатов зависела моя дальнейшая судьба. Второй раз на те же грабли я наступать не собиралась. Слишком дорого обходится мне мое неповиновение.

— Только в присутствии леди Даир, — рвано выдохнув, ответила я. С языка так и рвался отказ — уверенный, неоспоримый, — но я смогла совладать с собственными эмоциями. Здесь у меня друзей нет.

— Спасибо, — попытался Дамиан мягко улыбнуться, но не смог скрыть торжество во взгляде. Накрыв мои пальцы ладонью, он несильно сжал их в знак благодарности. — Я хотел бы, чтобы сегодня на балу вы пригляделись к дебютанткам и выбрали фрейлин для своей свиты. И еще кое-что: некоторое время вам придется перемещаться по дворцу под охраной. Ради вашей же безопасности.

Ради того, чтобы не сбежала. Но никто не осмелился сказать об этом вслух.

Оставшееся время до бала было занято не только приготовлениями к нему, но и составлением моего личного расписания. Я попыталась распланировать весь следующий месяц таким образом, чтобы преимущественно находиться как можно дальше от дворца и Дамиана, но Элен быстро распознала мой замысел.

— Дорогая, ты не можешь избегать его вечно. Тем более что Дамиан составил свое расписание таким образом, чтобы как можно чаще уделять тебе время. Общие ужины — это лишь малая часть.

Насколько сильно бы мне ни хотелось увильнуть от всего этого, Элен была права в одном: я не смогу избежать его вечно. Придется действовать по-другому. Перво-наперво я во что бы то ни стало должна была свидеться с Оливией. Только на ее планы и надеялась, потому что, если не станет Дамиана, под общей истерией никто и не заметит моего побега. Побега, который я самолично тщательно подготовлю, потому что никому нельзя доверять. У меня есть только я сама.

— Аделина, ты прелесть. Уверена, Дамиан весь вечер будет смотреть только на тебя, — ворковала леди Даир, колдуя над моей прической. — А вот и Его Величество, — улыбнулась она, кивая служанке, чтобы та открыла.

Пришлось спешно подняться и по привычке присесть в реверансе, несмотря на то, что сегодня мы виделись уже дважды. Я сделала это, охваченная волнением и некоторой степенью страха. Да просто растерялась, окунаясь в не самые приятные эмоции и воспоминания.

— Аделина, вы не должны приседать в реверансе, — сократив между нами расстояние, осторожно тронул он меня за руку, помогая распрямиться. — Ни передо мной, ни перед кем-либо еще. Теперь кланяться будут вам.

— Наша девочка немного растерялась. Ты появился так внезапно, а я не дала ей как следует подготовиться. Это моя вина, — тепло улыбнулась Элен, оправляя юбку моего платья.

Наряд для бала был несколько скромнее утреннего. Мастерницы расшили камнями только корсет, тогда как юбка, разлетающаяся волнами, была легкой и воздушной.

— Вы надели браслет, — поцеловал он тыльную сторону моей ладони, замечая украшение, на котором настояла леди Даир. — Спасибо, Аделина. Надеюсь, что и этот небольшой подарок придется вам по вкусу.

Тьма за клубилась в его руке, а уже через секунду на ладони оказалась квадратная плоская бархатная коробочка. Раскрыв ее, Дамиан внимательно наблюдал за моей реакцией, а я смогла лишь выдавить из себя жалкое подобие улыбки. Не менее роскошное кольцо лежало на белоснежной подушечке, но на достигнутом император не остановился.

— Позвольте, я помогу вам застегнуть, — вытащил он украшение, а мне пришлось повернуться к нему спиной.

Вздрыгнула, едва его пальцы коснулись моей шеи. Вздрыгнула повторно, когда он легко провел подушечками по ключицам, словно поправляя украшение. Если я хочу получить хоть какую-то видимость свободы, то должна научиться перебарывать себя. Но куда мне в итоге бежать? В Реверонг? А позволят ли мне вернуться домой? Позволят ли Ранисах?

— Спасибо, — проглатывая буквы, заставила себя посмотреть на наше отражение.

Наверное, мы даже могли бы быть красивой парой в какой-нибудь другой, не такой жестокой реальности. Наверное, но в зеркале за своей спиной я видела чудовище.

Бал был выше всяких похвал. Представив меня в новом статусе, Дамиан с удовольствием принимал поздравления. Да и вообще весь вечер был благодушным. Частенько улыбался без повода, но неизменно смотрел только на меня, а меня уже тошнило от его присутствия. Пыталась взглядом отыскать среди гостей Оливию, но ее не было в зале. Более того, меня усадили именно на ее трон, на ее место. Боялась спрашивать о ее судьбе. Вообще старалась не разговаривать с мужчиной. Достаточно уже того, что я провела несколько часов в его компании.

Достаточно этого было мне, но не ему. Вместе с ним мне пришлось открывать этот злополучный бал. Всего один танец, к концу которого меня трясло, как если бы в светлый искрящийся зал ворвался холод метелей. Всего один танец, за который я изо всех сил пыталась научиться контролировать собственное тело. Играть оказалось не так-то и просто, но у меня был пример для подражания. Пример для подражания, который куда-то исчез.

— Когда я могу покинуть бал? — спросила я, принимая бокал светлого вина от прислужника.

— Вам тоже наскучило? — улыбнулся мужчина, склоняясь ко мне. — А хотите, сбежим?

Мальчишка. Как есть мальчишка. Очень злой, самолюбивый и властолюбивый мальчишка, считающий, что ему можно абсолютно все.

— Хочу, — осторожно ответила я.

Понимала, что император имеет в виду нас обоих, но по-другому ответить не представлялось возможным. Казалось, специально поставил вопрос таким образом, чтобы я в любом случае осталась в его компании, что здесь, что за пределами зала.

— Хорошо.

Дамиан нашел взглядом церемониймейстера. Получив знак от императора, статный мужчина объявил о том, что всех гостей приглашают на свежий воздух, чтобы лицезреть невероятный салют. Музыка стала громче, гул голосов разрастался, а слуги открывали высокие двери, что вели прямо в сад. Поднявшись, император учтиво кивнул мне и протянул свою руку в желании помочь встать на ноги. Отказываться не стала, хотя безумно хотелось.

Страх оседал в груди. С каждым шагом паника нарастала, а ужас прокатывался по коже волнами мурашек. Куда он ведет меня? Так уверенно, так легко. Незримая улыбка то и дело блуждает по его губам, а я в секунду от того, чтобы трусливо сбежать.

— Я... — попыталась я возразить, но сама не знала на что.

— Не стоит волноваться, Ада. Сегодня наш праздник, и я взял на себя смелость устроить вам небольшой сюрприз. Вы ведь не откажетесь? — Он так смотрел на меня. С какой-то неоправданной надеждой. С просьбой, с мольбой, в которые я ни на секунду не поверила.

Я должна была отказаться. Должна была настоять на том, чтобы вернуться в свои покои — в свою крепость. Но, памятуя о том, что сейчас оценивается каждый мой шаг, согласилась. Пошла на уступку, точно зная, что моих просьб этот человек слышать не хотел. Пусть думает, что у него получается наладить со мной отношения. Возможно, тогда он начнет меня слышать.

— Прошу. — Он сам открыл передо мной двери, ведущие на балкон, что был обнесен стеклом.

Отсюда хорошо просматривался сад, но не было ни музыки, ни голосов. Такая желанная тишина, однако в самой неприятной компании из всех возможных.

— Я хотел просить у вас прощения, — произнес он, разливая вино по бокалам, едва мы разместились в креслах, преградой которым был стол. — Я прошу вас найти в себе силы простить меня, хоть мои поступки и не заслуживают прощения. Вы действительно важны для меня. Мне нет оправданий, но я хочу, чтобы вы знали, что я поступил так, потому что боялся услышать отказ. Я влюблен в вас, Аделина, и это чувство вынуждает меня делать безумные вещи. Я надеюсь, что когда-нибудь вы сможете ответить на мои чувства. Я сделаю для этого все возможное, — печально улыбнулся он, выходя при этом растерянным, раздавленным, раздосадованным мальчишкой.

Никогда! Мне так хотелось это прокричать. Никогда...

— За вас и за то, чтобы мы с вами обеспечили процветание нашей империи, — отсалютовал он мне бокалом.

Пришлось сделать несколько глотков. Во рту давно пересохло от его откровений, но, едва я отставила бокал, мир покачнулся. Попыталась понять, что происходит. Смотрела на Дамиана, который внимательно наблюдал за мной, но перед глазами все расплывалось.

Жар. Нестерпимый жар прокатывался по телу. Щеки вспыхнули молниеносно. Я залпом осушила бокал, пытаясь охладить себя, но стало лишь хуже. Я горела — тело горело. Все внутри плавилось. Хотелось... Хотелось во что бы то ни стало потушить этот пожар. Немедленно вырваться на воздух или окунуться в ледяную воду.

— Аделина, с вами все в порядке? — произнес Дамиан, оказавшись рядом со мной.

Его лицо было так близко. Губы — нереально близко. Смотрела в бездонные очи и тонула в них, желая хоть ненадолго, хоть ненадолго прикоснуться к нему. Ощутить тяжесть чужого тела. Пальцы на ногах сводило от невыносимого желания. Не было ни страха, ни благоразумия, только голые инстинкты.

— Я... — шепнула и не узнала свой голос, что звучал хрипло, на выдохе.

Шум. Император в единый миг смел все, что было на столе. Усадив меня на столешницу, смял мои губы в болезненном, но таком желанном поцелуе. Я отвечала ему. Отвечала сама, касаясь его лица, шеи, плеч, сдирая нарядный камзол, отрывая пуговицы. Я так сильно хотела этого, что воздуха не хватало. И его не хватало — было мало касаний, поцелуев, объятий. Я желала другого.

И получила сполна.

Глава 17. Над пропастью во лжи

Аделина.

Утро следующего дня было странным. Я не помнила абсолютно ничего, что происходило после нашего совместного с Дамианом ужина. Да и сам ужин не помнила. Только то, как он произносил тост, а после темнота.

Каждая мышца болела, как если бы я вчера ходила порталом. Ощущала некоторую слабость, но она быстро сошла на нет, едва служанка принесла мне бодрящий отвар. Все повторялось словно в страшном кошмаре. Завтрак в покоях в компании Элен, бессмысленный поход в библиотеку, обед в узком кругу и ужин наедине с императором, который я едва ли помнила на утро.

Только время между обедом и ужином отличалось и имело хоть какое-то разнообразие. То встреча с модистками и примерка, то занятия с преподавателями, которых созвал Дамиан, то беседы с девушками, которых я отобрала на роль своих верных фрейлин. Они еще не получили назначение, но с каждым днем я все больше убеждалась в том, что мне нужны именно они.

Несмотря на просьбу Дамиана, свое внимание я обратила совсем не на дебютанток. Юные, красивые, наивные и беспрекословные. Они заглядывали мне в рот, тогда как я вокруг себя желала собрать тех, кто будет верен мне, а не империи. И я их нашла.

Риола в ее двадцать пять уже считалась старой девой и отчаялась выйти замуж. Ее отталкивающая внешность не вызывала симпатии, но сама девушка очень располагала к себе хотя бы потому, что считала возможным озвучивать свои мысли вслух, даже если они разнились с моими.

Арийза, вторая претендентка, подкупила меня тем, что уже побывала замужем и осталась вдовой. Ее знания о семейной жизни могли мне пригодиться. Она могла рассказать обо всем, что касалось балов, приемов и местной аристократии. Более того, женщина отлично знала Оливию, хоть когда-то их дороги весьма некрасиво разошлись. Это было мне на руку.

Над кандидатурой третьей девушки я думала очень долго. Ода выглядела значительно старше своих лет, но на самом деле была младше меня на два года. Половину своей жизни девушка провела в путешествиях, сопровождая родителей, и это сказалось на ее воспитании. При дворе на балах она появлялась исключительно в мужских нарядах, что привлекало к ней всестороннее внимание. Однако Ода прекрасно игнорировала косые взгляды, будучи полностью уверенной в себе и даже дерзкой. Более того, девушка отлично управлялась с оружием.

Собрав их троих через неделю после своего спешного брака, я в присутствии Элен объявила о том, что девушкам дали назначение при дворе. Я видела благодарность в их взглядах и знала, что она небезосновательна. Все они были в некотором роде изгоями, чем я беззастенчиво и воспользовалась. Мне даже стыдно не было ни капли, потому что это был бартер. Они получали столько же выгоды, сколько и я.

— Я рада, что ты выбрала именно этих леди, — улыбнулась мне Элен, когда мы направились обратно в библиотеку. — Ты поступила мудро и дальновидно.

Меня безумно пугало то, что эта женщина видит меня насквозь. Прожженная интриганка. Надеюсь лишь, что она не ищет во мне угрозы, а значит, не до конца понимает всю отчаянность моего плана. Люди учатся на своих ошибках. Я же сделала таких ошибок сполна.

— Это... — остановилась я перед широкой лестницей, ведущей на первый этаж. — Оливия! — выкрикнула я, окликая девушку.

Она молниеносно обернулась, но, сверкнув взглядом, далеким от добродушия, резко толкнула створку и скрылась за ней. Лишь спустя минуту до меня дошло, что она вошла в кабинет Дамиана, в котором он обычно принимал посетителей.

— Не стоит тебе с ней общаться. Оливия попросту опасна для тебя, — подхватила Элен меня под локоток, стараясь увести как можно быстрее.

Я поддалась ее порыву, но все равно оставалась настороже. Весь дворец в эту неделю делал все, что угодно, только бы мы с Оливией не пересекались. Понимала, что это не продлится долго. Элен перестанет сопровождать меня повсюду уже завтра, когда заступят на свои посты фрейлины, а значит, я смогу увидеться с номинальной императрицей. Несмотря на предательство, я не боялась ее. Просто устала бояться. Впрочем, как и Дамиана. Осторожность, конечно, не повредит, но трястись от каждого шороха мне уже надоело.

Дурой я не была. За эту неделю поняла несколько вещей, которые мне предстояло еще решить. Первое — сколько бы я ни копалась в основной библиотеке, информацию о живых артефактах я в ней не найду. Другое дело, что Дамиан уже имел опыт общения с такой редкостью, как я, а значит, у него должны быть так необходимые мне книги. И я даже предполагала, где они могут храниться — в том самом личном кабинете, в который можно войти через его спальню. Как это сделать? Надеюсь, что мне хватит находчивости.

Второе — из меня во что бы то ни стало хотят сделать императрицу, и мое решение ни на что не повлияет. Меня обучают внешней и внутренней политике, этикету, истории, математике и географии. Мне было интересно проводить время с министрами и учителями, но подоплека явственно читалась между строк. А если учитывать, что Дамиан стал приглашать меня на советы в качестве слушателя, то все их намерения становились более чем прозрачными. Оливию устроят — это я понимала отчетливо, но могла ли это допустить?

Мне было выгодно ее правление. Более того, я жаждала, чтобы она поскорее совершила переворот, потому что бежать я собиралась именно в тот момент, когда во дворце будет суматоха. Иначе придется прорываться боем, а лишать кого-то жизни я просто не имела права.

Четвертое, но не менее важное — это мои резкие провалы в памяти. Ужин с императором, темнота, утро — эта последовательность повторялась ежедневно и пугала меня не меньше, чем сам Дамиан. В течение дня он старался показываться мне на глаза как можно чаще. Всегда вел себя более чем учтиво, делал комплименты, старался разговорить и дарил подарки.

Со стороны каждый мог бы увидеть в его действиях ухаживания, но я прекрасно понимала, что люди так быстро не меняются. В особенности если в глазах то и дело проскальзывают эмоции, которые лично я видеть в них по отношению к себе не хотела бы. Однако в его спокойствии после той яркой несдержанности явно скрывалось что-то, чего я пока не понимала. Собиралась выяснить сегодня же, потому что подозрения имелись. И, если они оправдаются, я буду вынуждена идти на крайние меры.

— На сегодня, пожалуй, закончим. Ваша Светлость, вам понятно, почему гвардия ослушалась своего командира? — спросил у меня лорд Артан.

— Да, — отозвалась я, устало потирая веки. — Его приказ противоречил уставу и был направлен во вред королю. Я только одного не могу понять. Неужели причиной восстания могла послужить женщина? Пусть даже аристократка, но ведь взгляды в Шагдарахе, насколько мне известно, никогда не менялись, и женщина всегда была чьей-то собственностью хоть и с правом голоса.

— Не каждая женщина может быть собственностью, Ваша Светлость. Вам ли не знать? Есть случаи, когда женщину считают равной, реже возносят выше мужчины. Вы тому яркий пример.

Я не была равной Дамиану, как не была и выше него, но министр не зря говорил об этом. Вся империя знала, что муж боготворит меня, позволяя делать мне все, что вздумается. Более того, ходили слухи, что я невероятно умна, сильна характером, честолюбива и сострадательна. Естественно, эти сказки распространяли специально, чтобы в нужный момент народ принял меня как свою правительницу. Да только в мои планы это нисколько не вписывалось.

Стук в дверь раздался как раз в тот момент, когда я закончила приводить себя в порядок. Я ждала Дамиана. Знала, что он придет, как приходил каждый день, и была готова к этому бою.

— Вы восхитительны в этом платье, — произнес он, оценив мой строгий серый наряд.

Я надела его специально, потому что ткань платья была плотной. Такая скрывала некоторые проблемы, которые возникали у дам ежемесячно, как только они входили в период взросления. Собиралась сыграть на этом недуге, потому что любые другие болезни мог вылечить лекарь, а значит, имитировать их было бесполезно.

— Благодарю, — ответила сдержанно.

Дамиан каждый день пытался меня удивить, выбирая все новые и новые места для ужина. Сегодня он привел меня на крышу, где имелся небольшой участок, обнесенный балюстрадой. Стол был накрыт прямо посередине, но, закончив с приготовлениями, слуги покинули крышу, оставляя нас наедине.

Постепенно я совладала с собственным телом. Теперь не вздрагивала каждый раз, когда мужчина меня касался, но презрение никуда не делось. Мне было мерзко, противно находиться рядом с ним. Никогда не забуду, никогда не прощу.

— Вина? — спросил он у меня. Впрочем, сделал это как дать вежливости, потому что ответа не ждал и уже наполнял бокалы.

— Увы, но боюсь, что я не смогу сегодня составить вам компанию, — проговорила, пытаясь поддерживать прежнюю холодность и отстраненность.

Было бы глупо сразу кидаться Дамиану в объятия после того, как я все прошедшее время сторонилась его. В мои планы входило постепенное оттаивание, хотя при мысли об этом у меня сводило скулы. Пальцы сами собой сжимались в кулаки настолько сильно, что белели костяшки. Я ненавидела Дамиана и, да простит меня Всевышний, желала его смерти. Для любого целителя чужая жизнь — это великий дар, но, когда встречаешься с мерзавцем, который выносит тебе приговор, потому что так захотел, понимаешь, насколько разнятся воспитание и устои в королевствах. В Реверонге никто никогда бы так не поступил.

— Почему? — нахмурился мужчина, а рука его, удерживающая бутылку, дрогнула. Пара красных капель упала на белоснежную скатерть, но я отслеживала каждое его движение, каждую его эмоцию.

— Жене не принято говорить о таком с мужем. Я плохо себя чувствую, и этого достаточно, — заметила я, припоминая этикет, который уже сидел у меня в печенках.

Было так сложно играть. До безумия сложно. Теперь я понимала, почему Оливия нередко теряла лицо. Слишком тонкая грань: шаг влево — могут заподозрить в неискренности, шаг вправо — и холодность воспримут за дерзость. Правда, преподавателей по этой науке навряд ли возможно отыскать, а потому все приходит только с опытом.

— Как ваш супруг, я имею право знать все о вашем здоровье. Давайте сейчас же вызовем целителя...

— Не стоит, — перебила я его, не притрагиваясь ни к еде, ни к вину. — Лекарь не поможет мне с этим недугом. Он пройдет сам через три-четыре дня, но сейчас я действительно плохо себя чувствую. Меня мутит, а потому я просто посижу с вами, пока вы поужинаете.

Естественно, он понял, о каком недуге идет речь. Очень надеялась, что не станет проверять, потому что иначе я попадусь на лжи, а значит, возникнут закономерные вопросы, после которых навряд ли Дамиан останется таким же учтивым и обходительным.

Ужин не задался. Император пытался беседовать со мной, но его явно что-то злило. Все темы для разговора в итоге сводились к молчанию, так что вскоре мужчина спешно закончил ужин и проводил меня до моих покоев. Впервые за прошедшую неделю я помнила, как засыпала.

Да только утро началось с сюрпризов.

Проснулась я оттого, что явно ощутила в спальне чужое присутствие. Казалось, что кто-то возвышается надо мной. Мгновенно распахнув веки, я громко вскрикнула и перекатилась на постели, предсказуемо сваливаясь на пол.

Острая сталь вонзилась в кровать в том месте, где я лежала. Ароли тут же рывком вытащила кинжал и запустила в меня им, но я увернулась и скользнула под кровать. Фрейлина Оливии пыталась схватить меня за ногу, однако я отбивалась всеми конечностями, призывая себе в помощь Тьму. Чернильные щупальца вырвались из ладоней, затапливая все вокруг. Пыталась приказать им сковать девушку, но магия не слушалась, жгла пальцы, конфликтуя с целительством. Я выиграла лишь несколько секунд, лишая Ароли зрения, и этого оказалось достаточно, чтобы ко мне явилась помощь.

И нет, в спальню ворвались не бравые стражники, желающие защитить вторую супругу императора. Когда я выбралась из-под кровати, дверь распахнулась и явила мне вооруженную до зубов Оду. Одним метким броском она отправила тонкий стилет в намеченную цель. Острие вонзилось в шею Ароли. Девушка коротко вскрикнула, схватившись за горло, но было поздно. Тьма рассеялась, а на полу в луже крови лежал уже труп.

— Ваша Светлость, вы как? — подскочила ко мне бледная, как скатерть, Риола.

Ее лицо было последним, что я увидела, прежде чем стечь по стене прямо на пол и погрузиться во тьму.

В себя я пришла буквально через несколько минут. Лежала в своей постели, а вокруг меня сновали Риола и Арийза. Я видела золотистое свечение, что исходило из рук молодой вдовы. Оно окутывало мое тело, а я чувствовала себя все лучше.

— Спасибо, — пробормотала я, усаживаясь на кровати.

— Лежите, лежите, — тут же затараторила Риола, но подушки мне под спину подложила.

— Мне уже лучше, — отмахнулась я. — Где Ода?

— Пошла за Его Величеством. В вашем крыле странным образом куда-то исчезли все стражники и дворцовые прислужники, — зло ответила первая фрейлина, укутывая меня одеялом. — Не смотрите туда! — загородила она мне юбками вид на Ароли.

— Мы шли разбудить вас и помочь вам собраться, — скороговоркой произнесла Арийза, вставая рядом с девушкой, чтобы я абсолютно ничего не видела. — Сразу отметили, что нет никого, а потом вы закричали.

— Аделина! — раздался рев где-то очень далеко, но так, что задрожали даже стекла, не говоря уже обо мне.

Меня снесло ураганом, неудержимым штормом, что подхватил меня на руки, крепко прижав к себе до боли, до слышного хруста в костях. Страх всколыхнулся в груди, но я подавила его усилием воли.

— Отпустите! — прошипела я, пытаюсь оттолкнуть его от себя, но меня не слушали.

Комнаты заполнила стража, а я уже через минуту оказалась в спальне Дамиана. Уложив меня на постель, он спешно ощупывал мое тело, нисколько не переживая о том, что я предстала перед ним в сорочке.

— Со мной все нормально! Нормально! — воскликнула я, отпихивая его и набрасывая на себя плед.

Нависал надо мной, пронзая черным взглядом. Меня придавливало к подушкам его силой, ощущала Тьму, что клубилась вокруг него, окружала мощное тело вихрями.

Рванув меня на себя, Дамиан впился в мои губы беспощадным поцелуем. Сминал, завоевывал, укрощал, но я не отвечала, как бы сильно ни напирал. Отстранившись, он смотрел на меня в ожидании, и я не стала его разочаровывать. Звонкая хлесткая пощечина обожгла мою ладонь, оставив красный след на его щеке, но император не дернулся.

— Я испугался, — прозвучало зло, отрывисто.

Будь он змеей, сейчас непременно плюнул бы ядом.

— Я тоже, но это не дает вам никакого морального права творить непотребство, — выговорила я, стойко выдерживая и его взгляд, и его давление.

Ощущала, что самочувствие ухудшается. Слабость накатывала волнами — запоздало. Перед глазами затанцевали вальс черные мушки, но виду я не подала.

— Ты моя супруга! — взбеленился Дамиан.

— Но не ваша собственность.

— Да что тебе еще нужно? — уже не сдерживался мужчина, а кулаки его сжимались в бессильной ярости. — У тебя есть все! Вся империя пала к твоим ногам! Я держу себя в руках, и видит Всевышний, насколько это сложно!

— Что мне еще нужно? — горько усмехнулась я. — Вы не можете мне этого дать. Вы только отбираете.

Мне казалось, что он сейчас ударит. Не сдержится и ударит, но, зарывав раненым зверем, Дамиан выскочил из своих покоев, оставляя меня одну. Впрочем, одиночество мое не продлилось слишком долго. Только я хотела попробовать пробраться в его кабинет, как в спальню постучали.

— Аделина, вы можете вернуться в свои покои. Фрейлины ожидают вас, — раздался сухой голос императора, а я спешно запрыгнула в кровать, не желая попасться.

Завернувшись в плед, подошла к дверям и все-таки вышла в гостиную, чтобы статно прошествовать мимо супруга, который в этот момент старательно изображал вазу, стоя лицом к окну.

Шагнув к раскрытым настежь дверям, я гулко выдохнула, потому что буря, которую я дожидалась, меня миновала, да только стоило мне выйти в коридор, как Дамиан окликнул меня:

— Не покидайте крыло в ближайшие два часа. Завтрак вам сейчас принесут, но сначала я зайду и проверю его на яды.

— Мне грозит опасность? — поинтересовалась я отстраненно, но в голове до сих пор не укладывались мысли о том, что Оливия подослала ко мне одну из своих фрейлин.

Она убила бы меня, если бы я не проснулась. Она лишила бы меня жизни, повинуюсь приказу Оливии. А ведь я ничего не сделала.

— Есть вероятность того, что мне будут мстить через вас, — все-таки обернулся император. Собранный, напряженный, злой.

— Мстить? — не совсем понимала я.

— Через час Оливия в сопровождении гвардии отправляется в Певерхьер. Как императрица несколько месяцев она будет следить за восстановлением этой части империи. Думаю, мне не нужно объяснять вам причины?

— Не нужно, — сдавленно выдохнула я, ощущая, как призрачная надежда выскользывает из рук.

— Приемные часы сдвинули на послеобеденное время, чтобы вы могли прийти в себя. В течение дня я буду занят, поэтому встретимся за ужином, — отчитался передо мной император, но я его уже не слышала.

Вернувшись к себе в комнаты, я прошла в спальню и потерянно уселась в кресло, так и не выпуская из рук чужой плед. Мне не хотелось придумывать другой план, но внутренне я понимала, что так будет правильной. В первом варианте я полностью зависела от удачливости Оливии. Сейчас же должна была полагаться только на себя. Впрочем, этот урок я уже усвоила.

Глава 18. За пределами разума

Аделина.

Оливия действительно покинула дворец через два часа. За ее отъездом я следила через окно. Отделанный позолотой дормез сопровождали всадники и грузовая повозка. Не представляла, как они будут добираться. Порталы до сих пор были заблокированы по всей империи — время от времени я пыталась перенестись на границу между Герхтаром и Реверонгом, но каждый раз меня ждало разочарование. Надеялась, что императрица доберется до Певерхьера без проблем. Ее смерть была мне невыгодна.

Обедала я в своих покоях вместе с фрейлинами. Служанка накрыла нам стол в гостиной. Девушки развлекали меня беседами, но больше всего мне нравилось слушать рассказы Оды. В свои годы она побывала не только во всей империи и Реверонге, но и за пределами материка. Она видела совсем другую культуру, вместе с родителями объездила Веорийскую империю, побывала в десятках королевств. Долгое время жила среди бедняков, возвышалась над богачами и даже приравнивалась к рабыне в одном из дальних королевств. Не посчастливилось ей познакомиться и с пиратами.

После обеда девушки сопроводили меня в приемный зал. Сегодня стражников оказалось в два раза больше, но этих мер предосторожности я не понимала. Оливия уехала, а вместе с ней дворец покинула и ее последняя фрейлина. Наверяд ли здесь еще остались ее приспешники. А если и так, то сегодня они действовать побоятся.

— Месье Реталь, — объявил секретарь, так щедро выделенный мне Дамианом.

Вперед вышел грузный мужчина в годах. Могла отметить аккуратную седую бородку, кустистые брови и чуть отросшие волосы. Выглядел опрятно в темно-синем камзоле. Виделась и выправка, но в образ не вписывалась трость, на которую он опирался. Поклонившись, месье Реталь ждал, когда я разрешу ему ко мне обратиться.

— Можете излагать вашу проблему, — кивнула я.

— Разрешите поприветствовать вас, Ваше Величество...

— Вы перепутали, — поспешила я исправить оплошность. — Ко мне нужно обращаться «Ваша Светлость».

— Простите мне ошибку, Ваша Светлость. Не казните за откровенность, но в столице да и за ее пределами вас называют иначе, — по-доброму улыбнулся мужчина, вновь склоняясь передо мной.

— Вы хотели рассказать о вашей проблеме, — напомнила я, нисколько не польщенная полученной информацией.

— Дело в том, что я вот уже сорок лет продолжаю дело своего отца. У меня ювелирные лавки в столице и по всему Шагдараху. Раньше камни для изделий я всегда заказывал в Певерхьере, но, когда королевства объединились в империю, поставки прекратились. Сейчас у меня нет возможности связаться с поставщиками, потому что письма до них не доходят. Последняя партия, что уже была оплачена, до меня так и не добралась, и я не смог выполнить заказы, за которые получил монеты. Я терплю огромные убытки, — закончил месье Реталь.

— Ваша проблема мне понятна, — кивнула я, продумывая возможные меры. — Есть ли еще среди вас торговцы, которые потерпели убытки из-за временной приостановки поставок из Певерхьера и Реверонга?

— Да, Ваша Светлость, — ответил мне секретарь. — Мадам Дейлоя, месье Бурно, месье Толк и братья Гивиген. Это те, кто записан на сегодня.

Те, кого назвал секретарь, осторожно вышли вперед и поклонились, ожидая моего ответа.

— Поправьте меня, если я ошибусь. Насколько мне известно, в военное время каждый подданный, достигший четырнадцати лет, если он не находится на обучении, обязан оплачивать двойные налоги, которые идут на оборону и содержание армии.

— Все верно, Ваша Светлость.

— Но во время взятия Певерхьера указ так и не был подписан?

— Не был, Ваша Светлость. Его Величество великодушно оплатил все расходы из казны, чем весомо опустошил ее, — понял мой намек секретарь.

Просящие приосанились, заметно опечалились, но именно такого эффекта я и ожидала. Не могла возместить им весь ущерб, потому что была уверена, что пострадавших далеко не пять человек. Дай одному, и тогда ринутся остальные, а если не поможешь, то сразу станешь злом в последней инстанции.

— Вот видите, вы сохранили себе часть дохода, который по закону у вас могли забрать безвозвратно. Однако я понимаю, что ваши убытки могли быть значительно больше. Именно поэтому мой секретарь передаст Его Величеству ваши прошения о частичной компенсации ущерба. Компенсация будет высчитываться по каждому обратившемуся индивидуально следующим образом. В канцелярию вы приносите документы, подтверждающие ваш ущерб. Из суммы ущерба вычитается сумма налога, который каждый из вас должен был оплатить в казну согласно законам о военном времени. Если ущерб не покрывается суммой налога, вы получаете компенсацию по оставшейся части. Если налог полностью покрывает ущерб или полученный ущерб меньше налога, каждый остается при своем. Составить прошения на имя Его Величества вы можете прямо сейчас. Мой секретарь вам в этом поможет. Всех остальных с подобными проблемами прошу сразу отправлять в канцелярию.

— Да, Ваша Светлость, — ответил секретарь, который был доволен моим решением.

— Что же касается всех последующих поставок, товарооборот с Пeverхьером будет налажен в самое ближайшее время. Информацией о сотрудничестве с Реверонгом я не обладаю. Пока учитесь обходиться тем, что есть.

Не все пришедшие с подобной проблемой остались довольны, но большего я и не ожидала. Уже давно уяснила, что со счастливыми улыбками отсюда выходят редко. В глазах людей император мог одним взмахом руки устранить любую проблему, но на самом деле возможности монарха были ограничены законами, казнью, разумом и возможностями.

После всех дел меня ждала учеба, но часы в окружении министров и преподавателей пролетали до отчаяния быстро. Я бы с радостью уделяла занятиям больше времени, но Дамиан запрещал мне нагружать себя, а его приказы обсуждению не подлежали.

Небольшая прогулка по саду дала мне необходимый настрой. Нервничала и пыталась держать себя в руках. Время ужина неумолимо приближалось, и я не могла от него отказаться. Дамиан освободился раньше и предпочел встретить меня в саду.

— Как прошел ваш день? — спросил он с привычной выдержкой, от которой меня в дрожь бросало.

— Обычно, — ответила я как можно мягче.

— Позвольте пригласить вас на ужин.

Этот ужин тоже не задался. Разговор не клеился. Мы поочередно рассказывали о произошедшем за день, но беседы как таковой не было. Сухие факты под мирное звяканье столовых приборов. Я отчаянно пыталась быть милой, даже терпимой, но слишком трудно изображать радушие, когда ненавидишь человека всем сердцем.

К напиткам не притрагивалась. Продолжала проводить свой опыт, сетуя о плохом самочувствии. Дамиан не злился, но явно был чем-то раздражен. Предполагала, что моим поведением, однако идти у него на поводу не собиралась.

— Спасибо за ужин, — выдавила я из себя подобие улыбки, убирая салфетку с колен.

— Жаль, вы не попробовали вино. Очень легкое, последний урожай, — отсалютовал он мне бокалом.

Я тоже вынужденно приподняла свой бокал, но не сделала ни глотка, поставив его обратно.

— Я устала и хотела бы лечь спать, — проговорила я как можно беззаботнее.

— Конечно. Я провожу вас, — ответил он, заскрипев зубами.

До крыла мы добрались довольно быстро. Я уже хотела войти в свои комнаты, когда Дамиан задержал меня, рывком схватив за руку. Обернувшись, недоуменно воззрилась на него. Страх прокатился по коже, ухнул куда-то в желудок, но я изо всех сил держала лицо, внешне оставаясь спокойной.

— Разрешите вас поцеловать? — поинтересовался он, а я ощущала на щеке его дыхание.

Желудок взбунтовался, словно свернулся в тугой узел. Омерзение накрыло волной, а сердце учащенно забилось.

— Простите, но я пока к этому не готова, — сдержанно ответила я, буквально проваливаясь в

комнату, едва мне удалось открыть дверь.

Прислонившись к створке спиной, слышала его шаги за закрытой дверью, но успокоиться не могла. Перед глазами то и дело вставало его лицо, нависающее надо мной. Его безумная улыбка и ненормальный блеск во взоре. Фантомная боль пронзила тело, а я закусил губу, чувствуя, как кожа натягивается, чтобы лопнуть, разорваться под натиском. Вкус крови был таким явным, но нисколько не отрезвлял. Ничто не способно затмить эти жуткие воспоминания.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Разве что совместного ужина я ждала с каким-то даже для меня ненормальным отчаянием. То и дело отвлекалась на собственные мысли, пропуская мимо ушей почти все, что мне говорили. Дамиан выбрал местом для ужина внутренний сад, доступ к которому имелся только у императорской семьи и придворного садовника. Стол был накрыт прямо между бассейнами. В центре каждого бассейна размещались чаши фонтанов, и оттого казалось, будто перед тобой маленькие водопады.

Растения занимали все просторное помещение. Они обвивали стены, полностью перекрывая окна, нависали живыми перегородками, сооружая коридоры лабиринта, и собирались в клумбы. Не представляла, как столько видов могут уживаться вместе на одной земле. Скорее всего, садовник был хорошим стихийником, раз ему удалось создать всю эту красоту.

Единственным освещением в дневное время являлся стеклянный потолок. Сейчас через него можно было рассмотреть звездное небо. Голубоватый неестественный свет окружал сад тысячами огоньков. Они летали в воздухе, словно светлячки, создавая невероятную атмосферу, но правда в том, что ее однозначно портил присутствующий здесь мужчина.

— А почему вода в бассейнах разноцветная? — спросила я, рассматривая странное явление.

— Это необычная вода. Та, что красная, расслабляет и избавляет от усталости. Оранжевая заряжает энергией, а синяя излечивает раны, — усмехнувшись, поведал мне Дамиан. — Такие свойства дают определенные растения. Прежде чем попасть в бассейны, вода проходит через корневую систему и наполняется полезными свойствами, а уже после очищается.

— Очень интересно. Я никогда о таком не слышала, — нисколько не покривила я душой.

— Вина? — поинтересовался он вполне учтиво.

— Пожалуй, одним вином я сегодня и ограничусь. Фрейлины устроили для меня пикник часом ранее. Простите, но я не удержалась и соблазнилась, — смутилась я, но смущения не испытывала ни на грамм.

— Ничего страшного, — мягко улыбнулся Дамиан. — Тем более что сегодня у нас напиток прямиком из Реверонга. Лорд Арокос прислал вместе с подарками к нашей свадьбе. Сегодня придворный маг проверял их на наличие скрытой магии и яды, но уже завтра к утру вы сможете их увидеть. За вас? — поднял он бокал.

— Благодарю, — мягко улыбнулась я, делая вид, что пью. Вино лишь прокатилось по губам, коснулось языка, неба, но вернулось обратно в бокал. — Цветы за вашей спиной. Никогда раньше не видела таких причудливых листьев.

Дамиан обернулся лишь на мгновение, а я одним взмахом вылила половину бокала себе за спину — туда, где находился бассейн с красной водой. Сделав вид, что только что пила, медленно поставила бокал обратно.

— Это остролистный гаорг. Несколько раз в году он приносит плоды — красные цитрусы с белой мякотью и горьковато-кислым вкусом. В основном кусочки плодов гаорга добавляют в чай, — терпеливо объяснял мужчина, внимательно наблюдая за мной.

Я чувствовала изменения. Одновременно испытывала ужас и какое-то ненормальное бесстрашие. Дыхание заметно учащалось, а кожа начинала гореть, как если бы рядом вдруг разгоралось пламя. В неверии смотрела на Дамиана. Он что-то подмешал в вино — была уверена в этом на девяносто процентов, но могла ошибаться.

— С тобой все в порядке? — довольно промурлыкал император, поднимаясь.

Я была в себе. Все понимала и все ощущала. Отмечала его поведение, которое изменилось в единый миг. Он снова говорил со мной фривольно. Его глаза заволокло туманом желаний. Он больше не скрывал своих намерений, а я топила в себе все возникающие чувства и ощущения, что совершенно точно мне не принадлежали. Они были вызваны искусственно.

— Не сопротивляйся, — погладил он мою щеку и надавил большим пальцем на нижнюю губу.

Судорожный вздох сдержать не удалось. Вся моя суть, абсолютно вся я тянулась к нему. Безумно хотелось, чтобы не прекращал ласку, чтобы не останавливался, обнимал. Губы горели. Они жаждали поцелуя. Я пребывала словно в дурмане, но все еще сопротивлялась наваждению. Пальцы мои до боли впивались в сиденье стула, но, едва Дамиан склонился надо мной, опалил дыханием, я потеряла себя.

Все понимала, все чувствовала, все ощущала, но больше не могла себя контролировать. Он покрывал поцелуями мое тело, освобождал меня от платья, чтобы вместе со мной погрузиться в бассейн с красной водой. Плакала. Страстно отвечала на его поцелуи и плакала, а он даже не замечал этого, полностью погруженный в экстаз.

Я видела золотое сияние, что в единый миг окутало мое тело. Оно тянулось к нему, обнимало, как и мои руки. Бесследно исчезало, впитывалось в его кожу, а я понимала, что вижу то самое действие живого артефакта. Но почему именно я? За что?

Глава 19. Каждая дорога ведет туда, куда ты рано или поздно должен прийти

Аделина.

Я проснулась с рассветом. Молниеносно распахнула веки, мигом приходя в себя. Села на постели, осматриваясь. Первые лучи врывались в спальню через окно. Я хотела бы думать, что все произошедшее вечером мне приснилось, но я помнила почти каждую деталь. Абсолютно каждый поцелуй, каждое касание, каждый стон.

Ненавидела. Его и себя. Себя за слабость — не смогла противостоять дурману, а его... Начинало трясти. Ощущала себя мерзко. Кожу жгло от чужих поцелуев. Чувствовала грязь, что будто легла на все тело, заклеила каждый сантиметр. Как он мог? Как он мог? Но другого и не ждала. Подлая беспринципная тварь.

Откинув одеяло, рывком поднялась с постели, но не успела сделать и шага, как почувствовала это. Колени ослабли, а я осела прямо на ковер, ощущая, как страх внутри смешивается с пустотой.

Не может быть. Этого просто не может быть...

Каждый целитель знал, как ощущается маленькая жизнь, зародившаяся в чреве женщины. Мы могли почувствовать ее уже на вторую неделю после зачатия, но если это происходило в теле самого целителя, то маг узнавал об этом в течение нескольких часов. Обычно это приносило небывалую радость, потому что для целителей чужая жизнь священна, но мне хотелось быть.

Я беременна. Беременна от того, кому от души желаю захлебнуться в собственной крови. Худшего природа просто не могла придумать.

Пустота. Она наполняла меня. Ни единой мысли. Я не видела ничего вокруг, не слышала ничего, кроме собственных всхлипов. Ощущала истерику, осознавала ее, но остановить не могла. Не знала, что делать. Как дальше жить? Как бороться, да и за что?

Обхватив руками колени, так и лежала на полу, зажурившись до боли, до красных пятен в темноте сомкнутых век. Покачивалась. Без такта, без желания. Тело само пыталось успокоиться, но я не видела для себя просвета там, впереди. Мышцы болели от перенапряжения, но я была не способна прийти в себя. Ощущала, как душа выворачивается наизнанку, свисает рваными лохмотьями, медленно умирает в груди. Что делать?

Я себя обманывала. Была целителем и прекрасно знала, что может погубить эту жизнь. Женщинам-целителям во время беременности категорически запрещалось использовать собственную силу на себе, потому что магия, отлично зная организм своей хозяйки, принимала плод за вредоносную опухоль и уничтожала его. Уничтожала, забирая чужую жизнь.

Раньше таких женщин казнили. Еще раньше на их теле расцветала чернильная татуировка и все вокруг знали, что они убийцы. Их забивали камнями, им перерезали горло, их тела использовали для плотских утех. Рано или поздно женщина умирала, как это произошло с наследной принцессой Реверонга — Жасмин, которая убивала врагов своим даром, чтобы спастись, но важно не это.

Я просто не могла использовать свою силу. Для меня чужая жизнь была бесценным сокровищем, как и для любого целителя, который воспитывался на землях Реверонга. Никто уже давно не слышал о том, чтобы женщина-целитель своим даром сама убила собственное дитя. Это противоестественно. Противоречит природе и магии. Конечно, девушки-целители частенько обращались к травницам, которые давали им специальные настойки, но к кому я обращусь?

Если о моей беременности узнает хоть одна живая душа, о ней узнает и император. И тогда вариантов не будет. Я стану бесправной пленницей вплоть до родов, а потом уже и сама навряд ли смогу сбежать с ребенком на руках. А без ребенка... Ни одна мать никогда не оставит свое дитя по собственной воле. Скорее всего, именно на это Дамиан и рассчитывал.

Сил не было. Кое-как поднявшись, я с трудом добралась до уборной. Включив холодную воду, забралась в ванну и пролежала в ней не меньше пяти минут, остужая голову и тело. Нужно было немедленно собраться, прийти в себя, очнуться от этого кошмара и подумать, как быть дальше.

Сменив холодную воду на теплую, хотела прикоснуться к плоскому животу, но так и не решилась. Отдернула руку, погружаясь в воду с головой. Топиться совершенно точно не вариант. Тогда я просто проиграю по всем фронтам. Хотя... Тогда Дамиан проиграет тоже и, скорее всего, оторвется на Реверонге. Только моя скромная просьба, озвученная несколько дней назад, удерживала его от захвата этого маленького, но гордого королевства. Он отказался признать их независимость, но обещал, что не тронет и пойдет на мирные переговоры, если я чуть больше начну проявлять свою

благосклонность к нему. Получилось благосклоннее некуда.

Спустя час я сумела совладать с собственной расшатанной психикой. Фрейлины принесли мне завтрак как раз тогда, когда я выходила из уборной, собираясь одеваться. Первоначальных задач было две. Первая — достать так необходимую мне настойку через фрейлин. И вторая — поставить Дамиана на место. Я просто устала бояться и терпеть.

— Ваша Светлость, доброе утро, — склонились девушки в реверансах, хотя Оде делать это было затруднительно.

Во-первых, она держала поднос с моим завтраком. А во-вторых, делать реверанс, будучи облаченной в мужской костюм, как минимум нелепо.

— Утро, — коротко поприветствовала я девушек, совсем не считая его добрым. — Ода, ты можешь не делать реверансов при дворе. С этого дня я разрешаю тебе ограничиться поклонами и кивками.

— Спасибо, Ваша Светлость, — поставила она на столик поднос.

Риола сразу же направилась в гардеробную, чтобы принести мне наряд, а Арийза занялась постелью. Есть не хотелось совершенно, но я понимала, что только голодных обмороков мне для полноты картины и не хватало. Ни под каким предлогом мне нельзя в ближайшее время показываться целителям. Нет, новую жизнь не обнаружат, но есть и другие изменения, которые происходят с организмом в период беременности. Некоторые из них можно заметить в первые же дни.

— Дамы, что вы знаете о магической клятве на крови? — громко спросила я, отринув сомнения. Ковыряла листья салата в тарелке, насильно пропихивая их в собственный рот.

— Мне известно, что это такое, Ваша Светлость, — спокойно откликнулась Ода. — Я готова принести клятву верности...

— Не торопитесь, — оборвала я воинственную речь. — Вы еще не знаете, что я хочу у вас попросить. Попросить, не приказать, — обернулась я, глядя на застывшую Арийзу.

— Все, что угодно, — решительно отозвалась девушка, продолжив раскладывать подушки.

— Вам еще вчера следовало взять с нас клятвы, — нравоучительно заметила Риола.

— Вы понимаете, что я могу попросить, приказать, потребовать у вас все, что угодно? Осознаете, что невыполнение будет стоить вам жизни? Понимаете, что предательство смоеся только кровью ваших родных?

— Мы понимаем, Ваша Светлость.

— Тогда доставай клинок, Арийза...

Фрейлины дали мне клятвы верности. Каждая из них рисковала жизнями своих кровных родственников, но тем не менее согласилась принадлежать мне. У меня просто не было выбора. Если хоть одна из них замыслит что-то плохое относительно меня, умрет весь род, который связан с ней кровью. Если хоть одна из них захочет рассказать кому-нибудь о моих секретах, останется немой. Если захочет написать — лишится руки. А если найдет, как обойти клятву, и предаст, то в тот же миг умрет сама и заберет за собой всю семью. Отчаянные времена — отчаянные меры.

— А теперь самый главный вопрос. У кого из вас есть любовник? — нервно улыбнулась я, встретившись с озадаченными лицами.

— У меня, — ответила Арийза, а я остро ощущала ее смятение.

— Тогда у тебя сегодня выходной. Посети как можно больше лавок, покупая в них различные товары. Где-то между покупками найди травницу и купи у нее настойку жадаи...

— Ваша Светлость! — воскликнула Риола, испуганно прижимая ладони к груди.

— Отставить панику, — сурово взглянула я на ее бледное лицо. — Вернешься вечером. За все твои траты я могу расплатиться с тобой только украшениями, — проговорила я для Арийзы. — А теперь иди.

Фрейлина покинула мою спальню, а затем и покои. Воцарилось молчание, в которое время от времени врываются приглушенные всхлипы Риолы. Ода же вела себя по-военному — внешне никак не отреагировала на мои слова и прилежно ждала задание для себя. По ее взгляду невозможно было понять, осуждает она меня или нет, и я была ей благодарна за эту собранность. Я ощущала невыносимую тяжесть, потому что прекрасно осознавала, что собираюсь совершить. От слез Риолы

становилось еще труднее.

— Ода, к тебе у меня тоже будет задание. Сейчас ты свободна, но перед ужином заступаешь на дежурство. Тебе придется не спать сегодня и провести ночь в моей спальне. Завтра днем свободна ты, Риола, но ночью дежуришь, — внесла я изменения в наш график.

— Хорошо, — прошептала девушка, старательно пряча от меня покрасневшее от слез лицо.

— С вашего разрешения я останусь с вами и днем, Ваша Светлость. Лучше давать отсыпной после дежурства, чтобы мы не засыпали на ходу, — объяснила мне Ода.

— Конечно. Я об этом не подумала.

Риола помогла мне одеться, и я поспешила на совет, который был назначен на девять утра. Девушки остались сидеть в приемной, потому что посторонним присутствовать при обсуждениях насущных вопросов было запрещено. Остервенело сминала в руках платок, желая доброго утра знатному семейству и их ближайшим приспешникам. От неестественной улыбки сводило скулы, но я все равно прошла в конец кабинета, усаживаясь по правую сторону от императора. По левую руку сидели отец Дамиана и Элен, а дальше всевозможные министры и вторые люди империи. В полном составе я видела их редко. В основном обсуждения проходили в узком кругу семьи, к которой меня насильно причислили.

— Аделина, с тобой все хорошо? — обеспокоенно поинтересовалась Элен, глядя на меня настороженно.

— Я рано поднялась, и теперь меня клонит в сон, — отозвалась я. — Но ничего страшного. Отдохну в обед.

На совете обсуждали Пeverхьер. В основном необходимость открытия на их территории школ и академий, потому что испокон веков девочек на дому всегда обучали матери, а мальчиков отдавали в армию, едва им исполнялось три. Упоминали добычу драгоценных камней и золота. Говорили о товарообмене между всеми частями империи. Мне досталась похвала от бывшего короля Шагдараха за решение вопроса о понесенных торговцами убытках, но я лишь кивнула в ответ, не считая, что это моя личная заслуга. В конце концов, благодарить нужно было министров и преподавателей, которые возились со мной ежедневно.

— И последний вопрос на сегодня. Мы получили свежие донесения. Нам стало известно, что Реверонг усилил защитный купол и теперь пересечь его невозможно. Птицы ударяются о магию и замертво падают в воду. Рыбы при соприкосновении с куполом дохнут и всплывают брюхом вверх. Со стороны гор пробраться тоже нельзя. Ваши варианты? — спросил Дамиан, игнорируя мой возмущенный взгляд.

— Что это значит, Ваше Величество? — не выдержала я, потому что терпения не имелось ни на грамм. — Вы обещали мне, что не пойдете на Реверонг войной! Вы сказали, что сядете с ними за стол переговоров!

— Я не могу подвергать опасности свой народ, — сверкнул он темными глазами, видимо, предлагая мне замолчать.

— О какой опасности вы говорите? Большая часть населения — это люди. Большая часть магов — это целители. Причем целители посредственные, не обладающие сильным даром!

— Не лезьте в то, в чем не разбираетесь, — произнес он с угрозой в голосе.

— Тогда послаблений с моей стороны вы можете больше не ждать, — так же ровно ответила я, выдерживая его тяжелый взгляд. Слишком ненавидела, слишком злилась, слишком презирала, чтобы бояться.

— Мы поговорим об этом после совета.

Я терпеливо ждала, пока так называемый совет закончится. Министры предлагали возможные решения проблемы, но мою точку зрения поддержали не они, а те, кто мог запросто пойти против Дамиана. Королева Ньенгеха и король Шагдараха придерживались такого же мнения, как и я. Стол переговоров чаще всего бывает намного эффективнее грубой силы.

— К следующему совету каждый из вас должен предоставить возможные варианты проникновения в Реверонг. На этом все.

— Я прошу вас задержаться, — обратилась я к королевской чете.

Дожидалась, пока остальные выйдут. Прямо-таки ощущала, насколько сильно зол Дамиан, но хоть я

и не просила его оставаться, мужчина принял это решение самостоятельно. Правда, мне все-таки пришлось подняться и отойти ближе к дверям, беспокоясь о том, что ко мне могут применить силу.

— Итак, в прошедшие дни произошло сразу несколько инцидентов, о которых я не хочу и не буду молчать. Вы обещали мне защиту, — в упор смотрела я на короля и королеву. — Но не выполнили свои обещания. Каждый вечер на ужине Дамиан опаивал меня вином, в которое добавлял неизвестное вещество, чьи свойства ограничивались возбуждением, дурманом и потерей памяти. После того, как я делала глоток вина, во мне просыпалось необузданное и бесконтрольное желание, которым Дамиан бесчестно пользовался, склоняя меня к соитию. Наутро я просыпалась в своей постели и не помнила абсолютно ничего из того, что произошло после начала ужина. Вычислить это мне удалось после ряда проверок.

— Как ты можешь так нагло лгать? — взбеленился император, вскакивая на ноги.

— Сядь, — прозвучал властный, тяжелый голос короля Шагдараха.

— Аделина, это правда? — с волнением спросила Элен.

— Абсолютная, — коротко бросила я, предпочитая не смотреть на Дамиана. — В связи с произошедшим у меня есть ультиматум. Я молчу обо всем, что происходило, а Дамиан перестает издевательства не только над моей душой, но и над телом. Как только он нарушает границы дозволенного, вся империя узнает о том, что мне пришлось вытерпеть, от начала и до конца.

— Да как ты смеешь?! — спешно направился ко мне Дамиан, но чужая магия ловко перехватила его, спеленав, словно маленького ребенка.

Усадив сына обратно за стол, король Шагдараха кивнул, чтобы я продолжала.

— Я согласна на ухаживания до того момента, пока не вернется Оливия, если это действительно будут ухаживания, а не принуждение с целью использовать мой дар, но и здесь есть два условия. Первое — я хочу переехать в любые другие комнаты, в которые допуск Дамиан иметь не будет. Второе — мирное урегулирование конфликта с Реверонгом. Третье — охрана из гвардейцев леди Даир. Не выполнены условия — нет содействия с моей стороны. Мне кажется, я не требую ничего невыполнимого. Нам лучше сотрудничать, если мы хотим укрепить империю. Сейчас мы находимся в шатком положении и становимся желанным трофеем для чужаков. Думаю, проблема в моем лице вам совсем не нужна.

— Уроки дипломатии не проходят для тебя даром, — довольно усмехнулся отец Дамиана. — Твои требования вполне объяснимы, и я уважаю тебя за то, что ты нашла в себе силы на откровение, но не стоит забывать, что ты являешься супругой императора, а значит, его собственностью.

— Не все женщины могут быть чьей-то собственностью. Вам ли об этом не знать, Ваше Величество, — парировала я, но внутри была уже на пределе своих возможностей. Никогда бы раньше не позволила себе подобного, но отчаянные времена — отчаянные меры.

— Мы согласны, — улыбнулась Элен, польщенная тем, что я напомнила королю об их равных отношениях. — Дамиан тебя слышал. Ступай.

Я выходила из кабинета далеко не победительницей, но и не побежденной. Ощущала прилив сил, однако трясло меня так, будто я стояла на вершине внезапно проснувшегося вулкана. Успокаивала сердцебиение дыханием, не имея возможности призвать для этого магию. Одна проблема была устранена. Оставалось дожидаться решения второй.

День был сумасшедшим. Спешный переезд в крыло императрицы, прием населения, занятия с министрами, прогулка по саду и ужин, который я впервые за последние дни провела без Дамиана. Ужинала прямо в покоях, но с каждой минутой нервничала все больше. Со мной осталась только Ода, и мы вместе ожидали прихода Арийзы, которая явилась как раз в тот момент, когда я поняла, что больше не могу проглотить ни одного кусочка рыбы.

— Добрый вечер, Ваша Светлость, — присела она в реверансе, после чего спешно сбросила на мою кровать свертки и коробки. — Я купила для вас подарки, — неловко улыбнулась она, но я не сводила с нее внимательного взгляда. — Думаю, вам понравятся духи, которые я привезла.

Она кивнула на самый маленький сверток и отошла в сторону, а я не могла выдавить из себя ни одного слова благодарности. Мысли моментально спутались, а я все смотрела и смотрела на сверток, понимая, что или сейчас, или никогда.

— Спасибо, — едва слышно произнесла я, поднимаясь.

Уже приготовилась ко сну и переделалась в сорочку. Кивнув девушке, взяла сверток и молча отправилась в уборную. Эти покои ничем не уступали моим прошлым, но плюсов в них было гораздо

больше. Например, по-хорошему Дамиан не мог войти не только в мои комнаты, но и во все крыло. По-плохому... По-плохому пока не пытался.

Закрыв за собой дверь, я вытащила флакон из темного стекла. Очень надеялась, что это не яд, а иначе последствия будут необратимыми. Хотя... Они в любом случае будут необратимыми.

Присев на край ванны, я открыла крышку и вдохнула противный аромат, что тут же разнесся по помещению. Всего-то и нужно, что сделать глоток. Это ведь несложно. Зато одной проблемой станет меньше...

Слезы потекли непроизвольно. Я подносила флакон к губам, делала вдох и выдыхала, никак не решаясь отпить вязкую субстанцию. Целители сохраняют чужие жизни независимо от того, плохой человек или хороший — нас этому учат с детства. Кто я такая, чтобы забирать чужую жизнь? Я ведь не знаю, каким человеком вырастет этот ребенок. Все решает воспитание и мир, который нас окружает. Разве могу я решать, достоин ли он жизни?

В тягостных раздумьях я просидела почти час. Днем была полна решимости, а теперь она бесследно растворилась, словно ее никогда и не было. Сомнения одолевали, ковыряли израненную душу. От волнения и страха немели пальцы. Ног почти не чувствовала оттого, что долго просидела в неудобной позе. Фрейлины несколько раз стучались, проверяя, все ли у меня хорошо, но я просила дать мне еще немного времени.

Сжимала флакон до побелевших костяшек и убеждала себя в том, что так будет правильнее. Куда я пойду беременная? А если Оливия вернется, когда я буду на сносях? А вернется ли? И что будет со мной, когда моя беременность вскроется? Тысячи мыслей роились в моей голове, а я слышала только одну: «Это твой ребенок, твой первенец, то счастье, которое ты так долго искала, и та бескорыстная любовь, которую невозможно купить ни за какие деньги».

Решение было сложным и... До отчаяния неправильным.

Глава 20. Преступление и наказание

Аделина.

Я готовилась к этому дню чуть меньше трех месяцев, но все равно оказалась не готова. Сегодня днем должна была вернуться из Певерхьера Оливия, и я не находила себе места. Очень надеялась, что за время странствий она пришла в себя и успокоилась. Рассчитывала как минимум на беседу, а как максимум на активные действия. За прошедшее время мне до остервенения надоело изображать из себя податливую куклу.

Дамиан продолжал осаждать меня, словно крепость. Меня передергивало от его неестественных улыбок, тошнило от его прикосновений, мутило от бессмысленных бесед. Он одаривал меня цветами, драгоценностями, нарядами, которые по стоимости были равны хорошему добротному дому. Я изо всех сил старалась не выказывать своих истинных чувств, и со временем мне это удалось. Я научилась играть, беря эмоции под контроль, а с некоторых пор Дамиан начал в них верить.

От волнения снова начало мутить. Это случалось каждое утро. Мой желудок вдруг решал, что вчерашний ужин слишком залежался, и я тут же была вынуждена бежать в уборную. С завтраками мы в последнее время тоже не ладили — цитрусовый сок помогал сбить тошноту, а в течение дня, чтобы совладать с организмом, я съедала дольки гаорга. Кисловато-горький вкус сбивал неприятные ощущения, но хватало ненадолго.

От головокружений и обмороков спасали масла с резким ароматом. Я носила с собой небольшие флакончики везде и всюду, чтобы иметь возможность пользоваться ими, как только понимала, что до обморока мне недалеко. Долго не могла стоять на одном месте — тело будто наливалось тяжестью, а вот прогулки помогали, хоть я и довольно быстро уставала. Чаще стала бывать в саду, много спала, но не забрасывала занятия и не отказывалась от своих обязанностей. В совете я теперь имела полноценный голос, но, что злило Дамиана, его министры чаще занимали мою сторону в спорных вопросах. Однако и без волнений не обошлось. Император так и не отказался от желания идти войной на Реверонг. Сейчас наступило то самое затишье перед бурей, и я каждый день ждала, что с неба грянет гром.

В связи с новыми обязанностями мне пришлось сократить приемные дни до пяти в неделю. Два дня занимали поездки по ближайшим храмам и целительским пунктам, которых стало в разы больше. Из-за моей настойчивости в вопросе медицины Дамиану пришлось немного увеличить налоги, но зато теперь к каждой улице города был прикреплен свой целитель. Населению предоставлялись бесплатные услуги по лечению на местах, но, если болезнь или рана были тяжелыми, нуждающихся отправляли в храмы, на территории которых были построены больницы.

Даром время я не теряла, но все это делалось лишь для того, чтобы скоротать время до определенного часа, когда я смогу сбежать. От своей цели не отказывалась, однако понимала, что время утекает сквозь пальцы. Хотя, несомненно, имперцы меня полюбили. Закон о помощи бездомным и нищим они сначала восприняли в штыки, но уже через месяц стало понятно, что моя идея приносит свои плоды.

Нуждающимся была дана уникальная возможность жить при храме, но каждый из них от мала до велика обязан был платить за еду, одежду и крышу над головой своим трудом. Храмовники лечили, ставили на ноги, визнавали умения и находили работу не только при храмах, но и за его пределами. Часть оплаты за их старания шла в храм, другая часть выплачивалась работникам. Детей же в возрасте от шести до четырнадцати отдавали на полное обеспечение в военные школы. Шагдарах всегда славился высоким уровнем преступности. Теперь же понемногу мне удавалось это исправить на всей территории империи.

— Ваша Светлость, рубин, — напомнила мне Ода, как самая ответственная, когда я в нетерпении взялась за вилку.

В последнее время меня мучил жуткий голод и девушкам приходилось приносить мне чуть ли не в два раза больше еды. Я даже среди ночи могла проснуться и послать дежурного на кухню, но был и еще один минус. Я становилась рассеянной и иногда забывала проверить подносы зачарованным рубином. Тогда девушкам приходилось напоминать мне об этом, как и о многом другом. Все-таки когда тебя дважды пытались отравить ядом, нельзя быть такой беспечной, но беременность брала свое.

Свою дочку я от всех скрывала с помощью амулета, который для меня в городе купила Ода. Он сглаживал внутренние изменения, создавая легкую иллюзию. Беременность проходила нормально настолько, насколько это возможно, не считая изматывающего токсикоза. Плод развивался стандартно нормам, однако живота у меня как такового не было. Совсем немного поправилась, но

платья удачно прятали изменения моего организма.

Придворных лекарей приходилось избегать, но справиться с болезнями и токсикозом мне помогала Арийза, которая обладала неплохим целительским даром. Если бы не она, я бы весь день пропадала в уборной, а так девушки везде и всюду сопровождали меня, что, несомненно, было тяжело для них, но они не роптали. Наоборот, были рады, что я не совершила непоправимого.

— Пора идти на совет, Ваша Светлость, — напомнила мне Риола, укладывая на постель светло-голубое платье с завышенной талией.

Из комнаты мы выходили вчетвером, но из крыла — уже не меньше десятка. Основной причиной, по которой я так до сих пор и не сумела сбежать, были гвардейцы Элен, которые сопровождали меня денно и нощно. У меня был только один шанс, и рисковать напрасно я не могла, поэтому и выжидала.

— Аделина, прелесть моя, — встретил меня Дамиан в кабинете. — Тебе очень идет это платье, — приподнял он мою руку до уровня своих губ, прикасаясь к костяшкам пальцев.

Замерев на мгновение, потянулся губами к уголку моих губ. Поцелуй был легким, нежным, сдержанным и до невозможности интимным, но меня внутри всю выворачивало наизнанку, хотя внешне я оставалась такой же улыбочивой, потому что знала: сегодня вернется Оливия.

Совет прошел без эксцессов, как и остальное время до обеда. Ощущала невиданное напряжение, но императрица все не появлялась. Казалось, что все вокруг происходит до невозможности медленно. Комкала салфетку, когда в малой столовой появился Дамиан.

— Начинаем обед. Известий из Певерхьера пока нет, — зло выплюнул он, но, встретившись со мной взглядом, мигом смягчился.

Еще бы. Он ведь честно добивался моего расположения все эти месяцы и ударить в грязь лицом права не имел. Правда, его театральное отношение и мнимое уважение ко мне действовали не во всем. В его крыло ежедневно приходили все новые и новые фаворитки, что, несомненно, было мне на руку. Этому факту я просто нарадоваться не могла.

После обеда я с головой погрузилась в занятия, но закончила сегодня раньше, чем обычно. Невероятно волновалась, а в груди разрастался ком тревоги. Казалось, что вот-вот должно произойти что-то очень нехорошее. Себе я привыкла верить, а потому решила готовиться к самому худшему.

— Ода, сходи, пожалуйста, за корзиной для пикника, — кивнула я девушке, а меня буквально захватывала все нарастающая паника. — Арийза, достань костюм для верховой езды.

— Вы желаете отправиться на прогулку верхом? — удивилась она. — Вам нежелательно...

— Выполнять! — вынужденно сорвалась я на крик. — Риола, заberi настойки из уборной.

Девушка спешно скрылась за дверью, а я отошла за ширму, ловко переодеваясь в костюм. Только и успела, что накинуть на плечи короткую накидку — осень уже вступила в свои права, и становилось прохладно. Нет, в Шагдарахе никогда не было снега, но погода портилась с регулярной периодичностью, а ветер становился холоднее.

Ода вернулась в спальню с корзиной, когда я вышла из-за ширмы...

Тень.

Стало резко темно, а я увидела огонь, что летел прямо на окна. Ода молниеносно схватила за руку меня и Арийзу и вытолкала нас в гостиную.

— Риола! — закричала я.

— Ей уже не помочь! — прошипела Ода, утягивая меня к двери.

Я успела оглянуться как раз в тот момент, когда стекла лопнули, а девушка выбежала в спальню, но ворвавшееся пламя скрыло ее от моих глаз. Душераздирающий крик так и стоял в моих ушах, сжимал сердце, а Арийза и Ода плюнули и подхватили меня с обеих сторон.

— К черной лестнице! — скомандовала воительница, просто выбивая неподдающуюся дверь плечом.

Стражников не было. Двери в холл распахнуты настежь. Крики, вопли, грохот и рев — все слилось, смазалось, а я не понимала, что происходит. Неужели Реверонг решил напасть? А может... Может быть, вернулась Оливия?

Последняя мысль плотно обосновалась в голове и придала мне сил, вернула разум. Это переворот. Я так сильно ждала этого дня, этого часа, но все-таки оказалась не готова к побегу. Придется импровизировать. Жаль только, что до кабинета Дамиана и его личных книг мне так и не удалось добраться. Лишь надеялась, что в Реверонге отыщется нужная мне литература.

— За мной! — скомандовала, сбегая вниз по лестнице.

Ода была рядом со мной на тот случай, если я вдруг запнусь и начну падать. Она была моей личной скалой — решительной и в любой момент готовой к бою.

Очень жаль, что не удалось забрать с собой хотя бы часть украшений, но обойдемся тем, что при нас. О Риоле я старалась не думать. Нервы и без того ни к черту, а терять самообладание сейчас я просто не имела права. Потом. Потом, когда удастся вырваться отсюда.

— К конюшне, живо! — хотела выйти на улицу.

Понимала, что на счету каждая секунда, но Ода не дала мне выйти, выглядывая из-за двери первой.

— Твою ж Тьму... — выдала она потрясенно и обернулась на меня, а на лице ее застыло плотной маской неверие. Я впервые видела, чтобы эта девушка испытывала страх. — Вам туда нельзя.

— Мне здесь оставаться нельзя! — огрызнулась я. — Или вы со мной, или я одна!

Я успела только выйти за порог, когда до меня долетел устрашающий рев. Люди вокруг — слуги и гвардейцы — разбегались кто куда и кричали. Запрокинув голову, я не поверила своим глазам. В темнеющем небе летали сразу три дракона. Огненно-рыжие, они выпускали пламя из пасти и поджигали дворец и все, что его окружало. Огромные махины — в их когтях отражалось закатное солнце, а чешуя переливалась, создавая блики. Я пребывала в немом восхищении, но одновременно с этим меня поглощал первобытный страх.

— Ваша Светлость, не стойте! Нужно добраться до конюшен! — дернула меня за руку Арийза, и я отмерла.

До конюшен мы добирались окольными путями. То и дело приходилось прятаться за деревьями, кустами и постройками. Один раз обжигающее пламя пронеслось в нескольких метрах от нас, но Ода ловко утащила меня в сторону. Кони сходили с ума, когда мы наконец добежали до них. В прошлом месяце я выпросила у Дамиана десяток коней из редкой выносливой породы для того, чтобы мы могли обставлять аристократов на охоте. Наполнившись азартом, он покорился моей воле, и я успешно приручила одного коня. Именно к нему и ринулась.

— Седлайте коней! — выкрикнула, попутно открывая стойла, чтобы дать возможность лошадям спастись.

— Здесь нет женского седла, — растерянно озиралась Арийза по сторонам.

— Возьми мое, — передала я ей.

Мы с Одой справились быстро, но у вдовы дела обстояли куда хуже. Она просто не понимала, что нужно делать, и воительница бросилась ей на помощь, пока я открывала остальные стойла.

Через несколько минут мы вывели бунтующих лошадей, держась сада. Кусты и деревья хорошо скрывали нас от чужого глаза, но, чтобы выбраться, нам требовалось пересечь территорию перед дворцом, где сейчас разворачивались настоящие военные действия.

— Корзинка! — вспомнила Ода.

— Оставь. Твои руки должны быть свободны. Меч есть только у тебя, — шикнула я, следя за сражением.

Услышав усиленный магией голос Дамиана, я вздрогнула и впиалась взглядом в его уверенную фигуру. Он спокойно вышел из дворца, спустился по ступенькам и бесстрашно взглянул наверх, где кружили драконы. Одна из небесных птиц вдруг повернулась к нему мордой, и я увидела то, что раньше не заметила. На крупной шее сидела маленькая фигурка. Лишь по светлым волосам я узнала в ней Оливию.

Все-таки переворот...

Эпилог. За добро всегда приходится платить, и чаще всего другим

— Нужно бежать, пока все отвлеклись, — произнесла воительница здравую мысль, но я не могла вот так просто уйти.

— Я должна это видеть! — жадно всматривалась я.

Не знала, о чем беседуют. Голос больше не усиливали магией, но вот Оливия дернулась, будто от пощечины, а дракон взмахнул мощными крыльями и выпустил прицельную струю огня. Сердце дернулось, остановилось, чтобы тут же учащенно забиться, впервые за последние месяцы ощутив удовлетворение. Я не должна была его испытывать. Сострадание, помощь — вот путь целителя, но ненависть оказалась сильнее.

Я все смотрела на то, как люди разбегаются, кричат, а Дамиан сгорает заживо, трясется, вопит, чтобы упасть перед дворцом замертво. Гвардейцы стреляют в дракона магией, но он ее даже не чувствует. Взмывает все выше, чтобы стрелой упасть вниз, широко открывая пасть. Земля сотрясается от его приземления. Он сжирает свою жертву, а из дворца выбегают Элен и король Шагдараха.

Миг! Всего лишь миг, и Элен вскидывает руку, а Оливия вскрикивает, сваливаясь на землю. Нельзя было снижаться. Нельзя... Но видимо управлять этой зверюгой не так-то и просто.

Тут и там вспыхивали порталы. Чернильные кольца открывались, чтобы выпустить сотни солдат, а я понимала, что это тот самый единственный шанс на спасение.

— Ода, портал до Герхтара! — выкрикнула я, поднимаясь.

Ноги затекли, меня повело, но Арийза поймала меня, а уже в следующее мгновение мы вместе со скакунами провалились в портал.

Здесь было тихо. Настолько тихо, что я испытала ни с чем не сравнимый ужас. Свист оглушил, а стрела влетела в дерево, что стояло чуть впереди.

— Ты куда нас перенесла? — закричала я, рывком забираясь на коня.

Ода тоже вскочила в седло, а стрелы все летели, вынуждая пригибаться к шее скакуна. Не знала, в ту ли сторону скачем, пока воительница наконец не отозвалась:

— Позади нас гарнизон. Его раньше не было. Мы у границы между Герхтаром и Реверонгом.

— В какой стороне...

Я не успела закончить вопрос. Арийза громко вскрикнула позади меня. Обернувшись, я увидела ее испуганное лицо, но девушка уже сваливалась с коня, потому что отпустила поводья. Сразу три наконечника торчали из ее тела. Одна стрела пронзила грудь, другая — руку, а третья — шею.

— Ваша Светлость, не останавливайтесь! — развернула Ода коня. — Ей уже не помочь!

Муки совести — как много они значат для целителя. Мы созданы, чтобы сохранять чужие жизни — самый ценный дар, что дал нам Всевышний. Нас с самого детства учат помогать, даже если для этого придется принести себя в жертву, но империя изменила меня, Шагдарах изменил. Во мне появилась эгоистичность. Я научилась врать, глядя в глаза. Я перестала сочувствовать, считая, что каждый человек должен уметь справляться с возложенными на него проблемами. Всевышний посылает нам лишь те трудности, которые, по его мнению, мы можем преодолеть и стать сильнее, получить знания, опыт. За добро всегда приходится платить.

— Ай-я! — уносились я вперед. — Ай-я!

Стрелы летели в нас непрекращающимся потоком. Острая боль пронзила плечо, но я не останавливалась ни на секунду. Увидев вдали берег, лишь сильнее ударила по бокам коня. Ода скакала чуть позади, стараясь прикрыть мне спину, но, едва впереди показались вооруженные люди, обогнала меня.

— Не останавливайтесь! — скомандовала она, а в небе появилась первая звезда.

Мы буквально влетели в гвардейцев, сбивая их с ног. Ода даже ранила кого-то, но мы не останавливались, продолжали свой путь, несмотря на погоню. Отрывались. Когда добрались до берега, нас разделяла жалкая сотня метров.

— Быстро! В лодку! Я их задержу! — буквально стащила она меня с коня, сгружая в старенькую лодку, чья краска давно выцвела.

— Ода! — окликнула я ее, но девушка даже не посмотрела на меня, выталкивая лодку в море.

Пальцы до боли впились в борта, а я беспомощно смотрела на то, как она встает наизготовку, собираясь сражаться. Свист! Даже среагировать не успела, как чужой кинжал ворвался в мое тело. Лишь упала в лодку, чтобы меня не было видно. Слышала, как сталь поет, ударяется друг о друга, но звон становится глуше.

Волны укачивали лодку, тянули все дальше и дальше. Лишь когда все стихло, я с трудом выпрямилась, ощущая раздирающую боль. Страх не было — чувствовала, что дочка не пострадала, а это было самое главное. Со всем остальным можно справиться.

— Все будет хорошо, — шептала, поглаживая живот.

Нашупав железный наконечник деревянной стрелы, осторожно потянула за него и отломала кончик, вздрогнув всем телом. Достать оставшуюся часть было проблематично, но я медленно, не торопясь вытягивала ее, чтобы облегченно выдохнуть, наконец избавившись от царапающей боли. Кровь хлынула, пропитала ткань короткой накидки. Расстегнув пуговицу, усыпанную камнями, я стянула с себя ткань. Именно ее собиралась использовать как бинты, но разорвать сил не было, а значит, следовало вытащить из бока кинжал, что при каждом вдохе словно резал внутренности. Да только проблема в том, что, как только я его вытащу, кровь хлынет, и я могу не успеть перевязать раны...

Рывком вытащив кинжал, я насколько возможно быстро надрезала ткань, чтобы дорвать ее уже слабеющими пальцами. Ощущала холод, но здесь в принципе было холоднее. В Реверонге уже всюду опадают желтые, оранжевые и даже красные листья.

Пальцы немели, а голова кружилась. Туго перевязав бок, я ощутила волной накатившую слабость. Перед глазами то и дело возникали темные мушки, а я больше не могла сидеть. Легла, но не давала себе закрыть веки. Смотрела в темное небо и видела миллионы звезд, которые наверняка отражались от водной глади. Море было беспокойным, но волны уносили меня в правильном направлении, хоть немного и в сторону. Скалистый берег широкий, так что мимо не проплыву.

Ладони лежали на животе поверх белой рубашки, что давно пропиталась кровью. Слезы потекли по щекам произвольно, а я все-таки прикрыла веки, больше не имея сил держать их открытыми. Перед глазами вставали лица моих фрейлин. Их образы затмевали Оливия и Дамиан. Не представляла, что сейчас происходит во дворце Шагдараха, и представлять не хотела.

Не верила. Просто не верила, что мне все-таки удалось сбежать. Так бывает, когда чего-то очень сильно хочешь, ждешь и надеешься. Но, дождавшись, не можешь поверить, боишься поверить, потому что реальность жестоко напоминает о том, что за белой полосой непременно начинается черная.

Впереди меня ждал купол. Защитный купол, что был невообразимо усилен. Не знала, как пройду через него, но верила, что смогу. Открыв веки, смотрела в небо и умоляла Всевышнего помочь мне, говорила с ветром, просила помощи у моря. Надеялась, верила и с отчаянием шептала, будто в бреду, единственное, чего так сильно желала, чего добивалась, чего хотела больше всего на свете эти невыносимо долгие три месяца, проведенные в клетке из золота:

— Свобода... Свобода... Свобода...